Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ТЮРКСКИЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ

(кимаки, кипчаки, половцы…)

Казань – 2013

УДК 316.324.3:94
ББК 63.3
Т 98

Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века

Вып. 2

Редколлегия:
С.Г.Кляшторный, В.А.Иванов,
И.К.Загидуллин (сост. и отв. ред.)

Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы…): Сб. статей. Сер. «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века»; вып. 2. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 228 с.

ISBN 978-5-906701-02-2

© Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2013
© Изд-во «Ихлас», 2013
© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 4

Серегин Н.Н.
Погребальные комплексы раннесредневековых
тюрок Центральной Азии эпохи Первого каганата 6

Кляшторный С.Г.
Кипчаки и половцы: центральноазиатский контекст 23

Зеленский Ю.В.
Кипчаки в Подонье и Предкавказье в XI–XIV вв. 37

Нарожный Е.И.
Половцы Северного Кавказа
(Некоторые итоги и перспективы изучения) 48

Иванов. В.А.
«Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии 77

Матюшко И.В.
Погребальный обряд кочевников
XI–XIII вв. степного Приуралья 101

Осипян А.Л.
Миграция, адаптация и интеграция кочевников в
оседлом обществе: сравнительный анализ перехода
половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и
Венгерском королевстве в XIII–XV вв. 122

Гусейнов Г.-Р.А.-К.
Кумыкские Бурчебии и мамлюки Египта 175

Пилипчук Я.В.
Военное искусство кипчаков 186

Бобров Л.А.
«Туры» и «мантелеты» в военном искусстве
казахов первой половины XIX в. 205

Список сокращений 227

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Одной из важных и сложных тем, требующих кооперации и сотрудничества исследователей различных научных направлений и регионов Евразии является изучение истории и культуры тюрков-кочевников.

Статьи данного сборника являются продолжением осмысления историками феномена кочевой цивилизации, межкультурных контактов на просторах Евразии с соседними народами. С учетом глобальности заявленной темы сборника, авторы рассматривают историю тюрков-кочевников в отдельно взятом регионе или по конкретной проблематике.

В статье Н.Н.Серегина на основе анализа трудов коллег и изучения археологического материала выделяются маркеры, наиболее характерные для погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, относящихся к эпохе Первого тюркского каганата.

С.Г.Кляшторный размышляет о причинах и предпосылках, которые привели к миграционным процессам среди тюркских племён, и освещает процесс формирования в Центральной Азии в IX–XI вв. новых массивов тюркоязычного населения.

Ю.В.Зеленский сосредоточил свое внимание на вызывающей дискуссию среди специалистов проблеме о взаимодействии кипчаков Подонья и Предкавказья в XI–XIV вв.

На основе анализа трудов по истории и культуре половцев Северного Кавказа, в историографическом ракурсе Е.И.Нарожный освещает такие вопросы, как время появления половцев в регионе, изучение половецких погребальных комплексов, останавливаясь на современных оценках причин изменений погребальной традиции у кочевников.

Систематизировав и обобщив материалы археологических раскопок захоронений тюрков-кочевников в Урало-Поволжье, В.А.Иванов в своей статье делает вывод о том, что в домонгольский период присутствие кипчаков в степях Урало-Поволжья было настолько незначительным, что говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты региона не приходится, и лишь в эпоху Золотой

Орды кочевники Восточноевропейских степей представляли собой единый в этнокультурном отношении массив.

И.В. Матюшко, проанализировав захоронения кочевников XI–XIII вв. степного Приуралья, выделяет характерные черты погребального обряда кипчаков в домонгольский период. Автор заключает, что различия в каменных конструкциях над погребениями с частями коня, уложенными на ступеньке слева от человека, были связаны с разными этносами. В частности, предполагает, что каменные кольца под земляными насыпями связаны с кипчаками, а каменная наброска типа панциря сверху земляной насыпи была связана с кимаками.

Статья А.Л. Осипяна посвящена проблеме перехода к оседлому образу жизни кочевников (куманов, кипчаков) в Венгерском королевстве и Галицком княжестве в XIII–XV вв., особенностям взаимоотношений местных правителей и населения с тюрками, их межкультурных контактов.

Путем историко-лингвистического анализа кумыкского социального термина «бурчебий» и названия куманского рода «Бурчевичей» Г.-Р.А.-К. Гусейнов обосновывает возможность аналогичного происхождения второй (1382–1517) «черкесской» («Бурджиты») династии мамлюкских султанов.

Последние две статьи сборника посвящены военному искусству кочевников. Я.В.Пилипчук выделяет особенности основных тактических приемов кипчаков в противостоянии с вооруженными силами оседлых и кочевых обществ.

На основе анализа письменных источников первой половины XIX в. о военных столкновениях в Казахской степи Л.А.Бобров рассматривает случаи использования кочевниками Малого жуза тактики передвижных туров и мантелетов в столкновениях с русскими отрядами, вооруженными огнестрельным оружием.

УДК 393.05.9

Н.Н. Серегин

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ ПЕРВОГО КАГАНАТА*

В статье представлен опыт обобщения и анализа погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии, относящихся к эпохе Первого каганата (551–650 гг.). Приведена краткая историография комплекса вопросов в указанном направлении и обозначены направления дальнейших исследований. Изучение погребений раннесредневековых тюрок середины VI – первой половины VII вв. н.э. на обширных территориях позволило выявить специфику распространения и локализации объектов, определить особенности обрядовой практики тюркских племен в различных районах, а также детализировать продолжающиеся процессы культурогенеза кочевников.

Ключевые слова: раннесредневековые тюрки, Первый каганат, Центральная Азия, погребальные комплексы, интерпретация.

Одним из ключевых событий раннесредневековой истории Центральной Азии стало создание в 551–552 гг. Первого Тюркского каганата, объединившего большое количество разноэтничных племен. Перипетии политической истории тюрок, связанные с формированием кочевой империи, активной военной экспансией и внутренними междоусобицами, представлены в письменных источниках и достаточно подробно рассмотрены исследователями [Кляшторный, 1964, с.19–22; Гумилев, 1993, с.9–245; и др.]. Крушение восточной (центрально-азиатской) части политического объединения номадов произошло в 630 г. При этом завершение «эпохи Первого

* Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№2012.312.2.30).

Тюркского каганата» целесообразно связывать с 650 г., когда в результате похода китайского экспедиционного корпуса было ликвидировано последнее тюркское владение в Алтайский горах, основанное Чеби-каганом.

Возможности уточнения и детализации сведений, представленных в письменных источниках, связаны с анализом материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Рассмотрение обширной историографии, накопленной в результате работ отечественных и зарубежных специалистов в области интерпретации археологических материалов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв., требует проведения отдельного исследования. Поэтому ниже остановимся лишь на ключевых моментах, позволяющих выявить основные тенденции в изучении имеющихся археологических материалов.

Археологические комплексы Центральной Азии 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. большинством исследователей рассматриваются в рамках ***кудыргинского этапа*** культуры раннесредневековых тюрок. Впервые «могилы кудыргинского типа» были выделены А.А. Гавриловой [Гаврилова, 1965, с.58–60], представившей перечень объектов указанного периода и рассмотревшей основные характеристики обрядовой практики оставившего их населения. При подготовке своей обобщающей работы на выводы исследовательницы в значительной степени опирался В.А. Могильников [Могильников, 1981, с.32–33], наглядно продемонстрировавший распространение памятников тюрок эпохи Первого каганата на обширные территории. Весьма подробный анализ специфики археологических комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. приведен в ряде работ Д.Г. Савинова [Савинова, 1984, с.53–60; Савинова, 2005, с.203–212]. Исследователь рассмотрел основные вопросы датировки памятников раннесредневековых тюрок этого времени, представил общую характеристику предметного комплекса и погребального обряда кочевников, а также отдельно остановился на проблемах интерпретации каменных изваяний. Следует отметить, что различным аспектам исследования «поминальных» объектов посвящена большая часть работ археологов [Длужневская, 1978; Суразаков, 1994; Илюшин, 2000; Мотов, 2001; Кубарев, 2008; Азбелев, 2010; и др.], и только в отдельных публикациях рассмотрены некоторые

результаты анализа погребений кудыргинского этапа [Азбелев, 2000; Серегин, 2012]. Также небольшим количеством исследований представлено направление, связанное с уточнением хронологии памятников тюрок 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. на отдельных территориях [Вайнштейн, 1966; Горбунов, Тишкин, 2003; Тишкин, 2007, с.196–197].

Таким образом, при кажущейся общей изученности археологических комплексов раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата, открытыми остаются многие ключевые вопросы. Это определяет необходимость продолжения работы по изучению и интерпретации памятников кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок. Значительные перспективы связаны с исследованием некрополей данного периода. До сих пор не проводился детальный анализ погребальной обрядности тюрок Центральной Азии во 2-й половине VI – 1-й половине VII вв., наглядно демонстрирующей специфику распространения племен кочевников на обширные территории, а также отражающей особенности локальных групп номадов. Не получила своего объяснения заметная малочисленность захоронений эпохи Первого каганата. Наконец, в работах специалистов осталась неучтенной серия объектов, нередко являющихся весьма показательными для осуществления реконструкции различных сторон существования культуры раннесредневековых кочевников.

Погребальные комплексы кудыргинского этапа исследованы на обширных территориях Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии. При этом памятники каждой из обозначенных территорий отличаются по целому ряду характеристик, демонстрирующих специфику развития тюркской культуры и требующих отдельного рассмотрения. В настоящей статье представлен опыт систематизации и анализа материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрок 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. с акцентом на выявление традиций и новаций в реализации различных компонентов обрядовой практики, а также на детализацию продолжающихся процессов культурогенеза.

Основная масса погребальных комплексов кудыргинского этапа известна на Алтае. Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры раннесредневековых тюрок, но и как базы для первых военных походов кочевников. Наиболее крупным некрополем Алтая данного периода является

могильник Кудыргэ. Различным аспектам изучения эпонимного памятника посвящена обширная литература. В ряде работ отечественных исследователей представлен опыт рассмотрения и интерпретации некоторых сторон погребальной обрядности населения, оставившего могильник [Гаврилова, 1965, с.28; Азбелев, 2000, с.4–5; Кляшторный, Савинов, 2005, с.205–206; и др.]. Поэтому в настоящей работе отметим лишь наиболее показательные черты данного комплекса, демонстрирующие как некоторые особенности некрополя, так и признаки, характерные для культуры раннесредневековых тюрок в целом.

При первом рассмотрении материалов раскопок на могильнике Кудыргэ может сложиться впечатление о специфичности погребальной обрядности населения, оставившего некрополь. Однако при подробном анализе памятника и сопоставлении с общими традициями тюркской культуры становится очевидным, что могильник не представляет собой исключительного явления. Так, описанные А.А. Гавриловой [Гаврилова, 1965, с.22–28] и отраженные в иллюстрациях специфичные наземные сооружения в виде «овала из камней» или «прямоугольника из плит», представляют собой обычную курганную насыпь, в основе которой была крепида из крупных камней [Нестеров, Милютин, 1995, с.165–166]. Многочисленные аналогии в комплексах тюркской культуры имеют такие элементы конструкций, как перекрытие могильной ямы, сооружение приступки по одной из ее стенок и погребальная камера в виде гроба, отмеченные при исследовании ряда объектов могильника Кудыргэ.

Более показательными являются характеристики ритуала, зафиксированные на некрополе. Наряду со «стандартными» захоронениями человека в сопровождении животного на могильнике исследованы отдельные погребений людей и лошадей. Определенный интерес представляют наблюдения П.П. Азбелева [Азбелев, 2000, с.4], который предположил, что на некрополе Кудыргэ раскопаны «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотнесенных ямах: могилы 1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23», и сравнил их с объектами сросткинской культуры. В связи с тем, что материалы известного памятника традиционно привлекают повышенное внимание и нередко становятся основой для достаточно серьезных вы-

водов, считаем необходимым рассмотреть обозначенный вопрос более подробно [Серегин, 2010в, с.174–175].

В пользу того, что в ходе исследования могильника Кудыргэ зафиксированы самостоятельные объекты («одиночные» погребения людей и не связанные с ними «самостоятельные» захоронения лошадей), свидетельствует ряд показателей. В первую очередь, следует обратить внимание на определенное расстояние между названными могилами [Гаврилова, 1965, табл.II]. Кроме того, все эти погребения имеют отдельные наземные сооружения. В курганах сросткинской культуры, упомянутой П.П. Азбелевым, подобные могилы располагались на различном, как правило, небольшом, расстоянии, и всегда под одной насыпью [Илюшин, 1993, рис.4, 5, 7, 8, 10–15, 18, 19; Тишкин, 1993, с.233–236, рис.1; и др.]. Существенным является то, что в объектах некрополя Кудыргэ конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей [Гаврилова, 1965, табл.VII–X]. Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюркской культуры и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. Итак, на наш взгляд, обоснованным является отнесение объектов №1, 3 и 8 некрополя Кудыргэ к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 – к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Характеристика подобных объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ [Савинов, 1987; Серегин, 2008, с.145–146].

Единственной действительно специфичной чертой погребальной обрядности, выделяющей некрополь на фоне других комплексов тюркской культуры, является нетипичная для носителей рассматриваемой общности ориентировка умерших в южный сектор горизонта. Однако в данном случае имеются основания для предположения о том, что отличие в обозначенном элементе погребального обряда обусловлено не особенной этнокультурной принадлежностью населения, а характеристиками местности. Замечено, что долина, в которой находится некрополь, имеет выходы только в северном и южном направлениях [Нестеров, Милютин, 1995, с.157], Подобная ситуация, демонстрирующая влияние ландшафта на преобладающую ориентировку умерших людей в определенный сектор горизонта, на-

блюдается и на других комплексах Алтая различных хронологических периодов [Матренин, 2005б, с.38].

Рассмотрение показателей погребального обряда, зафиксированных на других памятниках Алтая кудыргинского этапа, позволяет более подробно раскрыть особенности комплексов данного периода. Наземные сооружения представлены простыми насыпями, чаще всего без каких-либо дополнительных конструкций. Только в одном случае зафиксирована крепида по периметру наброски [Могильников, 1990, рис.3]. Также однажды отмечен околокурганный объект в виде небольшой каменной выкладки, пристроенной с юго-запада к насыпи [Кубарев, 2011, с.229]. Редким показателем являлось сооружение перекрытия могильной ямы, которое было каменным [Кирюшин и др., 1998, с.165] или деревянным [Евтюхова, Киселев, 1941, с.100]. Не исключено, что такие конструкции присутствовали и в некоторых ограбленных захоронениях, где зафиксированы их следы [Могильников, 1990, с.141]. В абсолютном большинстве случаев населением тюркской культуры Алтая во 2-й половине VI – 1-й половине VII вв. сооружалась простая могильная яма; только однажды отмечена приступка по одной из ее стенок, на которой помещалась лошадь [Могильников, 1990, рис.2]. Несколько большее распространение получила другая конструкция, связанная с оформлением сопроводительного захоронения животного – перегородка, отделявшая человека. Такие сооружения были деревянными или каменными, причем в одном захоронении подобная конструкция находилась с обоих боков лошади, образуя своего рода каменный ящик [Могильников, 1990, рис.4]. Каменный ящик представляет собой и единственный вариант погребальной камеры для человека, отмеченный в одном из захоронений Алтая [Худяков, Кочеев, 1997, с.12].

Погребальный ритуал, зафиксированный в комплексах тюркской культуры Алтая кудыргинского этапа, достаточно унифицирован и соответствует общему стандарту обряда рассматриваемой общности [Серегин, 2010в, с.177]. В большинстве захоронений указанного региона 2-й половины VI – 1-й половины VII вв.: умерший человек ориентирован в восточный сектор горизонта, а лошадь, положенная слева от него, направлена головой на запад. Формирование данной совокупности показателей отмечено в материалах раскопок комплексов предшествующего периода, однако именно в памят-

никах кудыргинского этапа стандарт погребального ритуала получил наиболее устойчивое выражение. Вместе с тем, отмечена и другая традиция. В двух погребениях тюркской культуры рассматриваемого региона зафиксирована ориентировка умерших людей и сопровождавших их лошадей в северном направлении при расположении животного справа от человека [Могильников, 1990, с.140–141; Худяков, Кочеев, 1997, с.12].

Погребальные комплексы тюркской культуры, относящиеся ко 2-й половине VI – 1-й половине VII вв., за пределами Алтая достаточно немногочисленны. Всего три таких объекта исследовано на территории Тувы [Грач, 1960, с.33–36, рис.35–38; Вайнштейн, 1966, с.302–303; Трифонов, 1973, рис.5]. Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Вместе с тем, на указанной территории имеется серия случайных находок данного периода, а также материалы 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. из оградок [Dorjsuren, 1967; Санжмятав, 1993, табл.107; Дундговь аймагт, 2010, т.311–312; и др.], что указывает на возможность распространения памятников[1]. На таком фоне довольно представительной выглядит серия погребений кудыргинского этапа, раскопанная в различных районах Средней Азии и Казахстана [Бернштам, 1952, с.81–83; Кибиров, 1957, с.86–87; Кадырбаев, 1959, с.184–186; Винник, 1963, с.87; Курманкулов, 1980; Табалдиев, 1996, рис.15–16; и др.].

Общими особенностями погребальных комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв., раскопанных в Туве, Казахстане и Средней Азии, является преимущественная простота оформления наземных конструкций, наличие каменной перегородки, отделявшей умершего человека от сопровождавшей его лошади, расположение животного на невысокой приступке, а также появление захоронений в подбое. Крайне редко отмечена крепида по периметру наземной конструкции [Трифонов, 1973, рис.2–3], а также околокурганные объекты [Вайнштейн, 1966, с.302, рис.19]. Погребальный ритуал в большинстве захоронений, исследованных на обозначенных терри-

[1] Не исключено, что погребальных комплексов кудыргинского этапа в Туве и Монголии раскопано больше. Конкретизации количества объектов данного периода будет способствовать публикация не введенных в научный оборот материалов исследований прошлых лет.

ториях, представлен стандартным соотношением показателей, охарактеризованных выше при рассмотрении памятников Алтая.

Особенности распространения тюркской культуры в различных регионах наиболее ярко демонстрируют археологические комплексы кудыргинского этапа, раскопанные в Минусинской котловине. Анализ памятников Среднего Енисея 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. позволяет сделать вывод о сложении в это время «минусинского» локального варианта. Отдельного рассмотрения требует вопрос о его происхождении. Ограниченные размеры публикации не позволяют остановиться на этом подробно, поэтому представим вариант реконструкции данного процесса в наиболее общем виде.

К настоящему времени сложилось две основные точки зрения по поводу времени проникновения тюрок на территорию Минусинской котловины. Наиболее поддерживаемым является утверждение о том, что носители обряда захоронения в сопровождении лошади появились на Среднем Енисее не ранее VIII в. – в результате военного похода 710–711 гг. [Худяков, 1979, с.205–206; 2004, с.94; Митько, Тетерин, 1998, с.403; и др.] или после распада Второго Восточно-Тюркского каганата [Нестеров, 1985, с.118]. Согласно второй позиции, ранние погребения «минусинского» локального варианта датируются VI–VII вв. [Гаврилова, 1965, с.58–59], а их появление может быть связано с походом Муган-кагана в середине VI в. [Кляшторный, Савинов, 2005, с.232]. При этом специфика археологических комплексов тюркской культуры Минусинской котловины, в том числе ранних памятников, раскрытая в работах сторонников обеих точек зрения, так и не получила объяснения.

На наш взгляд, решение данного вопроса требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего хронологического периода. Совокупность показателей, отличающих уже ранние погребения тюркской культуры Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и, особенно, позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени (II–V вв. н.э.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с.160–161; Тишкин, 2007, с.179]. Это такие характеристики обрядовой практики, как компактное расположение курганов на ограниченной площади, нередко вплотную друг к другу, наземные конструкции в виде подчетырехугольных оград, западная ориентировка погребенного челове-

ка и лошади, расположение животного справа на боку, помещение умершего в подбое, а лошади – на приступке и др.

Обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем, на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была принесена в Минусинскую котловину в середине VI в. н.э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся в материалах раскопок ряда некрополей Алтая IV–V вв. и памятников «минусинского» локального варианта тюркской культуры, представляется возможным рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры. Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «верх-уймонская» и, частично, «айрыдашская» группы погребений «булан-кобинцев» [Матренин, 2005а, с.97]. Вероятно, носители этих традиций, включенные в состав каганата тюрок, попали на территорию Минусинской котловины в результате военных походов, осуществляемых основателями кочевой империи в период активной экспансии[2].

Обратим внимание на то, что общей чертой комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. на всех территориях распространения является их немногочисленность. Это в какой-то степени объяснимо для предшествующего кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI вв.), когда происходило формирование культуры и становление традиций обряда, однако выглядит абсолютно нелогичным при рассмотрении комплексов кудыргинского этапа, отражающих историю общности тюрок в период ее наивысшего развития. Тем не менее, предложим некоторые возможные варианты

[2] Имеются основания для предположения о том, что подобные военные операции с участием «булан-кобинцев» осуществлялись и в других направлениях. В частности, об этом свидетельствуют материалы раскопок отдельных погребений кудыргинского этапа тюркской культуры с западной ориентировкой человека и лошади, раскопанных на территории Средней Азии [Кибиров, 1957, с.86–87; Винник, 1963, с.87].

интерпретации ситуации, зафиксированной по материалам раскопок археологических памятников.

Нельзя исключать, что памятники кудыргинского этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть номадов на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов. Ко 2-й половине V – 1-й половине VII вв. относится серия «классических» кенотафов, сооруженных, судя по всему, в честь погибших на чужбине воинов [Гаврилова, 1965, с.27; Савинов, 1982, с.103; Мамадаков, Горбунов, 1997, с.117]. По мнению ряда исследователей [Серегин, 2010а, с.79] схожие функции могли выполнять «ритуальные» курганы. Основной характеристикой таких объектов является отсутствие каких-либо конструкций под курганной насыпью. Показательно, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов тюркской культуры зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к ранним этапам развития обозначенной общности – 2-й половине V – VI вв. [Илюшин, 1990, рис.1; Бобров, Васютин А., Васютин С., 2003, рис.53. – 14–21, 55. – 7–8; Мамадаков, Горбунов, 1997, с.117, рис.VI. – 24, 25]. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных объектов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах развития тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Отдельного исследования требует вопрос о возможном рассмотрении как кенотафов каменных «поминальных» оградок тюркской культуры. Не решая его в рамках настоящей статьи, отметим некоторые ключевые моменты, свидетельствующие в пользу такой интерпретации. Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади [Гаврилова, 1965, табл.III–V; Могильников, 1992, рис.10–11; Мамадаков, 1994, рис.2. – 7–12; Илюшин, 2000, рис.I–II; и др.]. Весьма вероятным представляется предположение о том, что такие конструкции в раннетюркских оградках, схожие по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры, отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода [Матренин, 2005б, с.37; Матренин, Сарафанов, 2006, с.210].

Анализ материалов раскопок погребальных и «поминальных» комплексов тюркской культуры демонстрирует высокую степень сходства в таком показателе, как возведение сопроводительных сооружений. «Околокурганные» объекты представлены балбалами, стелами, изваяниями, небольшими «пристройками» и кольцевыми выкладками, расположенными, преимущественно, с восточной стороны от насыпи [Серегин, 2010б]. Такие же сооружения сопровождают и каменные оградки раннесредневековых тюрок. Отметим, что в ряде случаев «околокурганные» объекты обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства этих комплексов и каменных оградок.

Добавим, что чертой, которая некоторым образом объединяет кенотафы, «ритуальные» курганы и оградки тюркской культуры, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и части кольчуги представляют являются весьма редкой находкой в погребениях тюрок [Горбунов, 2004, с.96–97]. Остатки защитного вооружения встречены лишь однажды при раскопках «элитного» кургана [Кубарев Г., Кубарев В., 2003, рис.6]. Кроме единичной находки на посе-

лении, все остальные фрагменты доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах [Грач, 1960а, с.129–139; Кызласов, 1979, с.122, 129–131; Илюшин, 1990, рис.1. – 8; Загородний, Григорьев, 1998, с.118–122; Горбунов, 2004, с.96; Кубарев, 2007, с.51–52, рис.2. – 5; 4; 7; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008, с.38–39; и др.]. Не исключено, что защитное вооружение с данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека.

Представленные наблюдения демонстрируют высокую степень сложности погребально-поминальной обрядности населения тюркской культуры, весьма ярко проявившуюся уже на кудыргинском этапе развития общности. В 1-й половине VI – 2-й половине VII вв. фиксируется не только распространение памятников кочевников на обширные территории, но и определенная эволюция обрядовой практики номадов. Основным ее направлением стало постепенное усложнение наземных и внутримогильных сооружений и большая их вариабельность. Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, в том числе появление северной ориентировки умерших. Распространение культуры раннесредневековых тюрок за пределы Алтая определило специфику обряда на отельных территориях. Наиболее ярким примером своеобразия традиций являются погребальные комплексы «минусинского» локального варианта тюркской культуры. Получение новых материалов кудыргинского этапа, а также введение в научный оборот результатов раскопок прошлых лет позволит уточнить представленные выше наблюдения и более детально реконструировать специфику погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии в 1-й половине VI – 2-й половине VII вв. Значительные перспективы имеет корреляция полученных данных с результатами анализа «поминальных» объектов, а также выявленной динамикой предметного комплекса из памятников номадов обширного региона.

Список источников и литературы:

Азбелев, 2000 – Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 4–5.

Бернштам, 1952 – Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Бобров, Васютин А., Васютин С., 2003 – Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. 224 с.

Вайнштейн, 1966 – Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Винник, 1963 – Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

Гаврилова, 1965 – Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов, 2004 – Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. Вып. 12. С. 95–114.

Горбунов, Тишкин, 2003 – Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 227–229.

Грач, 1960 – Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.

Грач, 1960а – Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.

Гумилев, 1993 – Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: «Калашников – Комаров и К», 1993. 526 с.

Длужневская, 1978 – Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 г. М: Наука, 1978. С. 230–237.

Дундговь аймагт, 2010 – Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: бага газрын чулуу / Археологийн судлал. Т. XXVII. Улаанбаатар, 2010. 347 тал.

Евтюхова, Киселев, 1941 – Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.

Загородний, Григорьев, 1998 – Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алмааты; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.

Илюшин, 1990 – Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АГУ, 1990. С. 117–119.

Илюшин, 1993 – Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин, 2000 – Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.

Кадырбаев, 1959 – Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Кибиров, 1957 – Кибиров А.К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.

Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 216 с.

Кляшторный, Савинов, 2005 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кубарев, 2007 – Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.

Кубарев, 2008 – Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008. С. 68–72.

Кубарев, 2010 – Кубарев Г.В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 221–240.

Кубарев Г., Кубарев В., 2003 – Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Курманкулов, 1980 – Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1980. С.191–197.

Кызласов, 1979 – Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Мамадаков, 1994 – Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения буланкобинской культуры // Археология горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.

Мамадаков, Горбунов, 1997 – Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Матренин, 2005а – Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 93–98.

Матренин, 2005б – Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.

Матренин, Сарафанов, 2006 – Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Митько, Тетерин, 1998 – Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.

Могильников, 1981 – Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

Могильников, 1990 – Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников, 1992 – Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175–212.

Мотов, 2001 – Мотов Ю.А. К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. 2001. Вып. 2. С.63–86.

Нестеров, 1985 – Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Нестеров, Милютин, 1995 – Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.

Савинов, 1982 – Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов, 1984 – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Савинов, 1987 – Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Санжмятав, 1993 – Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 1993. 198 тал.

Серегин, 2008 – Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТу, 2008. С. 144–153.

Серегин, 2010а – Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин, 2010б – Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин, 2010в – Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.

Серегин, 2012 – Серегин Н.Н. Погребальные комплексы кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии (2-я половина VI – 1-я половина VII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. Т. 2. С. 432–441.

Спришевский,1951 – Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Тр. Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Суразаков, 1994 – Суразаков А.С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 45–55.

Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008 – Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.

Табалдиев, 1996 – Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тишкин, 1993 – Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культуры народов евразийский степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 232–247.

Тишкин, 2007 – Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин, Горбунов, 2005 – Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Трифонов, 1971 – Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Худяков, 1979 – Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков, 2004 – Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков, Кочеев, 1997 – Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. №3. С. 10–18.

Dorjsuren, 1967 – Dorjsuren C. An early medieval find from Nothern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 429–430.

N.N. Seregin

BURIAL COMPLEXES OF EARLY MEDIEVAL TURKS OF CENTRAL ASIA OF THE FIRST KHAGANATE`S PERIOD

Experience of generalization and the analysis of burials of early medieval Turks of Central Asia, relating to an era of the First khaganate (551–650) is presented in article. The short historiography of a complex of questions in the specified direction is given and the directions of further researches are designated. Studying of burials of early medieval Turks of the middle of VI – the first half of the VII centuries AD in extensive territories allowed to reveal specifics of distribution and localization of objects, to define features of ceremonial practice of Turkic tribes in various areas, and also to detail proceeding processes of cultural genesis of nomads.

Keywords: early medieval Turkic peoples, First khaganate, Central Asia, burial complexes, interpretation.

Сведения об авторе

Серегин Николай Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул); e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Seregin Nikolai Nikolaivich – doctor (PhD), senior lecturer of department of archaeology, ethnography and museology of the Altai State University (Barnaul); e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

УДК 316.324.3(51)

С.Г. Кляшторный

КИПЧАКИ И ПОЛОВЦЫ: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье рассмотрены политические ситуации и миграционные передвижения тюркских племён Центральной Азии в 9–11 вв., приведших к переселению в степную зону Восточной Европы кипчаков, команов, басмылов, кунов и некоторых других племенных групп и формированию здесь новых массивов тюркоязычного населения.

Ключевые слова: кипчаки, половцы, команы, Центральная Азия, евразийские степи, Тахир Марвази.

История Восточной Европы в X–XII вв. отмечена обширной миграцией сюда тюркоязычных племен из Центральной Азии, оказавших заметное влияние не только на политическую, но и на этнокультурную жизнь этого огромного региона. Вместе с тем, отчетливо проявилось исторически скорое воздействие этнополитических процессов на Дальнем Востоке на события в западной части евразийского пространства.

Самым заметным вторжением тюркских кочевников было, по общему мнению, кипчакская оккупация степей Евразии между Иртышем и Дунаем. Действительно, в восточной части евразийских степей, после распада государства кимаков в Прииртышье, в XI–XII вв. очевидно полное преобладание кипчаков, именовавшихся в VI–VIII вв. «шестью племенами сиров»[1]. Ставки кипчакских ханов

[1] Ранняя история кипчаков и их первое упоминание вне исторического контекста в арабском источнике (Ибн Хордадбех. Книга путей и провинций, 846–847 гг.), восходящее, скорее всего, ко второй половине VIII в., рассмотрены мною в двух статьях [см.: Кляшторный, 1986, с. 153–164; Klyaštornyj, 1988, s. 73–90].

известны на Сыр-Дарье и на Урале, а в XII в. они разделили власть с ханами племен канглы.

Отождествление посткимакских племен с кипчаками уже давно стало общим в исследовательской и учебной литературе, так же как отождествление монголов с татарами для несколько более позднего времени. Подразумевается, что с самого своего появления кипчаки представляли собой хотя и многоплеменную, но этнически достаточно гомогенную тюркоязычную общность, а различия в их поименовании в мусульманских, русских и западных источниках носят окказиональный характер.

Кипчаки

Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадиане, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу (прозвание по месту рождения) – ал-Марвази, т.е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», – писал он впоследствии [Бертельс, 1959, с. 175].

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрков». Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали *Мафазат ал-гузз* – «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил главную суть изменений – первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и Кипчак* «Степью кипчаков». Прошло полстолетия, и причерноморские степи стали «Полем половецким» русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-Дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что приволжские степные просторы, ранее называемые «Хазарской степью», давно стали Степью кипчаков [Бартольд, 1968, с.525].

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом

упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди в рассказе о печенегах и их уходе на запад пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему: «...а мы упомянули... причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море. – *С.К.*)» [МИТТ, т. 1, с. 166].

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со столичным городом Янгикентом на нижней Сыр-Дарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т.е. земли по средней Сыр-Дарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник, ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди, – в Приаралье и на Сыр-Дарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран «(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков» [МИТТ, т. I, с. 185]. Те же сведения есть и у других географов – современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В.В. Бартольд – он заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кипчаки, западное крыло Кимакской державы [Бартольд, 1968а, с. 550]. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кипчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кипчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

Половцы, куны, команы

Были ли кипчаками, как это принято считать, те тюркские племена, которые в русских, венгерских и западных источниках именовались *половцами – кунами – команами*?

Убедительность положительного ответа нарушает краткая информация, содержащаяся в одном арабском сочинении начала XII в. Придворный врач сельджукского султана Меликшаха, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории огузских племен.

«Среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» [Minorsky, 1942, p. 29–30].

Итак, согласно Марвази, *кытаи*, т.е. кидане, вытеснили из своих владений племя *кунов*. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени *каи* куны вторглись в земли *шары*, те – в земли *туркменов*, которые в свою очередь захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов. Независимо от того были ли войны между перечисленными Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X – первой половины XI вв., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу – тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане – Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский прессинг, Ганьсуйский коридор. Исламизированные караханидские карлуки, в недавнем прошлом – христиане-несториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад – через верховья Оби и Иртыша,

Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы[2].

В 1027 г. кидани, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года, ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотоле в мусульманских сочинениях восточнотюркских племени – кунов и каи [Abu ‘l-Rayhan al-Biruni, 1934, p. 145]. Проходит немного времени и на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских *гази*, борцов за веру, с тюрками-язычниками. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари, к сожалению, в очень фрагментарных записях. Но там перечислены главные враги тюрок-мусульман – ябаку, басмылы, чомулы, каи, йемеки [Mahmud al-Kašgari, 1982, N. I, p. 82, 340; t. II, p. 120, 268, 330]. Самих мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари и Марвази именуют туркменами, так же, как и исламизированных в X – начале XI вв. огузов-сельджукидов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сырдарьинских огузов и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов и те ушли в степи. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их *торками*, т.е. турками, а византийцы *узами*, т.е. огузами. Таков конечный итог событий, сохраненных в изложении Марвази. Вернемся к фольклорным записям и историко-этнографическим свидетельствам Махмуда ал-Кашгари [Там же].

Главным героем тех эпических отрывков, которые записал Махмуд, был гази Арслан-тегин, иногда именуемый еще *бекеч*, «принц». Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых караханидских каганов, но надежное отождествление вряд ли воз-

[2] Анализ военно-политических событий, связанных с продвижением киданей (кара-кытаев) в западный ареал Центральной Азии см. теперь: Biran, 2005, p.19–92.

можно. Впрочем, Б.Д. Кочнев полагал, что «победителем Бука-Будрача наиболее правдоподобно считать караханидского князя Арслан-тегина Ахмада ибн Мухаммада ибн Хасана/Харуна, который совершил поход против неверных около 440/1048–1049 г.» [Кочнев, 2002, с.178]. Иногда главным героем эпических песен выступает сам *хакан*, имя которого у Махмуда отсутствует. Впрочем, оно и не нужно было Махмуду, ведь приводимые им отрывки героических повествований были лишь стихотворными примерами, поясняющими употребление какого-либо слова.

Враги Караханидов, племена тюрков-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за рекой Ила (Или), в стране Мынглак. Это ограки, пограничное племя, которое жило в местности Кара Йигач. Это прииртышские йемеки, т.е. кимаки, к тому времени ставшие восточным крылом племенного союза кипчаков. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трех племен: *басмылов*, *чомулов* и *ябаку*, а также соседи ябаку – *каи*. Названные три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли еще в VII–VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава, с ее стремлением навязать свою власть и свою идеологию, отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало в мусульманских хрониках. И только песни о героях-гази, попавшие на страницы грамматического труда почтенного филолога из Кашгара, отразили напряжение и непримиримость, предопределившие силу и глубину будущего прорыва мусульманского барьера, массовость и стремительность миграций к новым землям и новым границам.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображаются ябаку, чомулы и басмылы, которых уйгурская руническая надпись из Могойн Шине-усу упоминает вместе с карлуками. Именно басмылы после разгрома Тюркского каганата в 742 г. стали преемниками имперской традиции – ведь идикутами, т.е. августейшими государями басмылов были князья из рода Ашина, но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками. Позднее басмылы

входят как господствующее племя в иную племенную группу, и это зафиксировано Марвази. Рассказывая о народе *шары*, он пишет: «...они [шары] известны по имени их вождя, а он – басмыл» [Minorsky, 1942, p. 19].

Особенно досаждали мусульманам бек басмылов и вождь ябаку Будрач, носивший прозвище Бёке, т.е. «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришел в страну мусульман с семисоттысячным(!) войском ябаку и басмылов, но гази Арслан-тегин во главе сорока тысяч мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи гази накануне битвы:

Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сожжем-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигиты.
(Поэтический перевод И.В.Стеблевой [Стеблева, 1971, с. 147]).

Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд ал-Кашгари, или же их связывали иные отношения, остается неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное повествование армянского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» на «желтых». В исследовательской литературе принято отождествлять «желтых» или «рыжих» Матфея с шары, т.е. тоже с «желтыми», о которых писали Марвази и его компилятор Ауфи [Marquart, 1914, s. 55; Minorsky, 1942, p. 102]. Но упускается из виду, что только у ябаку вождь именовался «великим змеем» и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции шары, назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем каи, странным образом опущено Махмудом ал-Кашгари, отлично знавшим этническую ситуацию на караханидской границе и не забывшим каи. Если в ситуации с шары Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем – так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью [ДТС, с. 221].

Куны – одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на юго-восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Сунский посол Ван Яньдэ, направленный в 981–983 гг. к уйгурскому *идикуту*, правителю Кочо (Турфанский оазис), в своих дорожных заметках пишет о племени *дачун*, т.е. о племени «великих змей» («великого змея»), обитавшего где-то между пустыней Алашань и Гобийским Алтаем. С этим племенем кидани вели длительную войну, завершившуюся их победой. Все события происходили незадолго до путешествия Ванна Яньдэ и безукоризненно коррелируют как с рассказом Марвази о бегстве кунов под натиском киданей, так и с отождествлением кунов с ябаку («народом змей/змея») [Малявкин, 1974, с. 88, 165; Ögel, 1961, p. 175]. В связи с какими событиями второй половины X в. они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами.

Каи принято отождествлять с монголоязычными *си* из племенного союза *шивэй*, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям *си* из племен шивэй (*татабы* рунических текстов), китайские источники многократно упоминают «белых си», которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза теле. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о каи как об одном из тюркоязычных племен, имевших, правда, свой диалект.

Название еще одного из упомянутых Махмудом ал-Кашгари племен, входящих в антикараханидскую коалицию, *чомул* (*чумул*), не встречается в других мусульманских источниках. Однако же в *Худуд ал-алам* (X в.) упомянут в северных предгорьях восточного Тянь-Шаня город (селение) Дж.м.лкат (*Чомулкат?) глава которого носил высокий тюркский титул ябгу [Minorsky, 1937, p. 94, 272–273, 275]. Вместе с тем, как показал Дж. Гамильтон, чомулы (китайское *tchung-yun*, хотано-сакское *cumuda*) и места их обитания («страна чомулов») неоднократно упоминаются в китайских и хотано-сакских итинерариях IX–X вв. [Hamilton, 1977, p. 508–521]. Одна их группа локализуется близ хотана, вдоль северо-западной оконечности Нань-Шаня, другая – на северных склонах Восточного Тянь-Шаня, т.е. там, где согласно *Худуд ал-алам* находился *Чомулкат. Очевидно, что караханидское продвижение вдоль северных склонов Алтын-

тага и южнее пустыни Такла-Макан, в ходе которого был завоеван Хотан, вытеснило чомулов на север, где они присоединились к врагам кашгарских илек-ханов.

Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима *шары*. Здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «желтых» тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изначально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен кроме тюрков-ашина, т.е. кёк-тюрков, «синих» тюрков, еще и тюрков-шели, т.е. тюрков-шары, «желтых» тюрков. Это разделение на группы устойчиво сохранялось, и в 735 г. в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана – Мочжо – заменило его родовое имя – ашина) и «желтоголовых» тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (*ак*) и «черных» (*кара*). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны иные цветовые маркеры – «синие» и «желтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые». Обозначения со словом *сары ~ шары* преобладают среди племен кипчакской группы – казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение *кызыл* преобладает среди туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркеры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кипчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но

характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы.

Б.Е. Кумековым, изучившим арабские источники о кипчаках, установлено, что в IX–X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа команов (куманов), которая в начале XI в. «попала под политическое влияние кыпчаков» [Кумеков, 1993, с. 66–67]. В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего политически стимулируемой кипчаками, но возглавленной команами-кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов-команов, существовало племя *кытан*, т.е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династийный род Ашина – хан Осень (Асень) возможно был родичем Шарукана Старого, – и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства – Асеней (Ашена).

В приаральской части Дешт-и Кипчака состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кипчакские объединения, но не слившиеся с ним. Главная ставка канглы была на нижней Сыр-Дарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» [Сокровенное сказание, 1941, с. 151]. Но с приходом монголов в истории Великой степи началась другая эпоха.

Основные результаты приведенного сопоставления событий и этнонимов из разных источников могут быть суммированы в таблице (см. ниже).

Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кипчаков, основные кочевья которых остались к востоку от Игиле и Приаралья в Восточном Дешт-и Кипчаке. Там, в 30-е годы XII в. сложились две группировки кипчакских племен – приаральская и сыгнакская (сырдарьинская), которые по разному

Мусульманские источники		Матфей	Китайские источники	Русские и западные источники
ал-Бируни Марвази	Махмуд ал-Кашгари			
кун	ябаку	«народ змей»	хунь	хынь, кун, коман
каи	каи		белые си	каепичи
шары, басмыл	басмыл	«рыжие»	басими, туцзюе-шэли	половцы, плавцы, фалоны, паллидии
туркмены (карлуки)	туркмены (карлуки)			
гуззы	гуззы	узы		узы, торки
баджнаки	баджнаки	паченики		печенеги
кытай			цидань	кытанъ

строили свои отношения с государством хорезмшахов. Сыгнакская группа попала в большую зависимость от Хорезма, но их вассалитет оставался достаточно условным. Ополчение кипчакских племен составляло основу хорезмийской военной мощи, а династия хорезмшахов была связана с кипчаками теснейшими родственными узами. Но исторические судьбы и половцев-команов, и восточных кипчаков полностью изменил монгольское завоевание.

Список источников и литературы:

Бартольд, 1968 – Бартольд В.В. Гузз // Сочинения. Т.V. М., 1968.

Бартольд, 1968а – Бартольд В.В. Кипчаки // Сочинения. Т. V. М., 1968.

Бертельс, 1959 – Бертельс А.Е. Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Кляшторный, 1986 – Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica 1986. К 80-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1986. С. 153–164.

Кочнев, 2002 – Кочнев Б.Д. Кто был победителем Бука-Будрача: из истории Карахандов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Новая серия. Т. I(XXVI). СПб., 2002.

Кумеков, 1993 – Кумеков Б.Е. Об этнонимии кипчакской конфедерации Западного Дешт-и Кипчака XII – начала XIII в. // Изв. НАН Республики Казахстан (серия обществ. наук). Алматы, 1993. № 1.

Малявкин, 1974 – Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX веке. Новосибирск, 1974.

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении. В 2 т. М.-Л., 1938–1939. Т. I.

Сокровенное сказание, 1941 – Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240. Перевод С.А. Козиной. М.-Л., 1941.

Стеблева, 1971 – Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.

Abu ‘l-Rayhan al-Biruni, 1934 – Abu ‘l-Rayhan al-Biruni. The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology. The translated by R.R. Wright. London, 1934.

Biran, 2005 – Biran M. Eurasian history. Between China and the Islamic worlds. Cambridge, 2005.

Klyaštornyj, 1988 – Klyaštornyj. Die Kiptschaken auf den runischen Denkmälern // Central Asian Journal. Vol. 32. № 1–2. Leiden, 1988. S. 73–90.

Mahmud al-Kašgari, 1982 – Mahmud al-Kašgari. Compendium of the Turkic dialects (Divan luγat at-Turk). Ed. and translated by R. Dankoff, Y. Kelly. Harvard University, 1982.

Marquart, 1914 – Marquazt Y. Ueber das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914.

Minorsky, 1937 – V. Minorsky. Hudud-al-‘Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. London, 1937.

Minorsky, 1942 – Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942. (J.Y. Folong Fund. Vol. XXII).

Hamilton, 1977 – J. Hamilton. Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // Bulletin of the Shool on Oriental and African Society. Vol. XL. Pt. 3. London, 1977. P.508–521.

Ögel, 1961 – Ögel B. Ein Tor nach China in 10.Yhdt // Central Asian Journal. Vol. VI. Leiden, 1961.

S.G. Klyashtorny

QIPCHAQS AND POLOVCIANS: CENTRAL ASIAN BACKGROUND

The history of the Eastern Europe in 10–12 centuries A.D. has been marked by a vast migration of Turkic-language tribes from Central Asia to this region. The most noticeable invasion of the Turkic nomads in common opinion was the Qipchaq occupation of the Eurasian steppelands situated between the Irtysh and the Danube rivers. Doubtlessly in the eastern part of the Eurasian steppelands in the 11th century there predominated the tribes which are called “Qipchaqs” in the

Oriental sources. Were the Turkic tribes called "Polovcians = Comans = Quns" in Russian and Western sources really Qipčaqs?

The question of the identification of Qipchaqs = Polovcians = Comans = Quns has for long become popular in the scientific literature. According to the concept mostly accepted it were the Qipchaqs who on forcing the the Oghuzes out of the lands adjacent to the Aral Sea invaded the steppes of the South-Eastern Europe, and on ousting or absorbing the Pechenegs had been dominating there until the Mongol conquest. It is implied that from the very beginning the Qipchaqs being multitribal still were a quite homogeneous Turkic-language community similar to the unions of the Pechenegs and the Oghuzes. In this case, the difference in their denomination in Muslim, Russian and Western sources is of occasional character.

The harmony of such a structure was slightly broken by a brief information found in the work of Tahir Marvazi (12 century A.D.). In connection with the invasion to "the lands of the Pechenegs", i.e. to the steppes of the South-Eastern Europe, Marvazi does not mention the Qipchaqs at all and gives another succession of events not deviating from the chronological framework of the 10th – first half of the 11th centuries which looks as follows. The Qitay (the Kidans) are forcing out westwards the tribe (tribes) Qun which are pursued by the tribes Qai together with whom they are forcing out the tribes Shary. Then all of them invade the lands of the Türkmens, the latter force out the Oghuzes who in their turn move to the lands of the Pechenegs.

The invasion of the Oghuzes (Uzes, Torks) to the steppes of the South-Eastern Europe took place in 1050, and as early as five years after this date at the boundaries of the Rus' there appeared the tribes which were called by the Russians as Polovcians. In the above-mentioned chain one can definitely identify only the Turkmens – this is how Marvazi himself together with Mahmud al-Kashghari call converted into Islam Oghuz-Seljuks and Qarluqs from Semirechje and Kashghar regions.

Prior to Marvazi the Quns and the Qais had been mentioned among the eastern Turkic tribes by al-Biruni (A.D. 1029) only. The "Shary" (Yellow) are recorded by the Armenian historian Mattews of Edessa when he describes the events of the middle of the 11th century: "the People of Snakes" attacked the "Reds".

Meanwhile some coincidences allow one to build a table that urges to return to the interpretation of the Marvazi's text and to the Polovcian problem in general once again.

In the work of Mahmud al-Kashgari one can find epic evidences on the wars of Qarakhanide "ghazies" with pagan Turks which took place untill the middle of the 11th century in Jungaria and North-Eastern Qazaqstan. Here the tribes that fighted against the Muslims are listed: Basmil, Yabaqu, Čomul, Yemek, Qai. This coalition was headed by the Yabaqu chief Boke, i.e. Big

Snake, who has his personal name Budrač. After numerous battles the Muslims finally got the upper hand.

Marvazi has an addition to the story about the Shary tribe "who are known by the name of a chief of theirs which is Basmil". Basmil chiefs were noblemen from the Turkic dynastic clan Ashina. The name of this dynastic clan has been preserved by old Russian sources. This was the name of the Polovcian khan Asen'.

The coincidences mentioned together with the circumstances that accompanied them allow to suppose that the Polovcian-Cuman conglomerate of the Turkic tribes can not be identified as the Qipchaqs, who in 11–13 centuries were still inhabitting the lands between the Irtysh river and the Caspian Sea.

***Keywords**:* kipchaks, cumans, comana, Central Asia, the Eurasian steppes, Tahir Marvazi

Сведения об авторе

Кляшторный Сергей Григорьевич – ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, профессор, почетный член Академии наук РТ (г. Санкт-Петербург); e-mail: klyashtor2004@mail.ru

Klyashtorny Sergey Grigoryevich – Institute of Oriental Manuscripts, the Russian Academy of Sciences, Professor, Honorary Member of the Tatarstan Academy od Sciences (St. Petersburg); e-mail: klyashtor2004@mail.ru

УДК 316.324.3(470.6)

Ю.В. Зеленский

КИПЧАКИ В ПОДОНЬЕ И ПРЕДКАВКАЗЬЕ В XI–XIV вв.

В статье рассматривается этнополитическая и социально-политическая история половецких племён Дона и Северо-Западного Кавказа. Особое внимание уделяется взаимоотношениям половцев с Киевской Русью и древнерусскими княжествами в XI–XIV вв.

Ключевые слова: кипчаки, летопись, Древняя Русь, князья, поход, погребения, каменные изваяния.

Во время перекочёвки на запад кипчаки, прежде всего, заняли донецкие, нижнедонские и приазовские степи. Самые ранние половецкие изваяния локализуются в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца и в Северном Приазовье.

В середине XI в. на границах русских земель появляются кипчаки (в летописи их называли половцами). Летопись впервые упоминает об их появлении на границах Руси под 1055 г. Степняков возглавлял хан Блушь: «Приде Блушь с Половци и створи Всеволодъ мир с ними и възвратишися въ свояси» [Ипатьевская летопись, 2001, с. 151]. Из этого отрывка видно, что половцы заключили мир с переяславским князем Всеволодом Ярославичем.

В 1061 г. и 1068 г. кипчаки совершали набеги на территорию Переяславской «земли». Существует мнение, что во время последнего вторжения половцев возглавлял хан Шарукан [Рыбаков, 1964, с.99]. Если это предположение верно, то набег был совершён донскими половцами. С.А. Плетнёва предполагала, что первые нападения совершали донские половцы [Плетнёва С.А., 1990, с.41–42].

В 1078 князья Борис Вячеславич и Олег Святославич воевали против Всеволода Ярославича и пришедшего к нему на помощь Изяслава Ярославича. Во время этой междоусобной войны мятеж-

ные князья нанимали половцев. Одно время я предполагал, что они использовали кипчаков, кочевавших на территории Восточного Приазовья. Однако затем я от этой версии отказался. Скорее всего, подразумеваются донские половцы, и Олег Святославич нанимал их проезжая через их кочевья из Чернигова в Тмуторокань [Михайлова, 2006, с.96]. В 1094 г. когда княживший в Тмуторокани Олег Святославич вновь пытался отвоевать Чернигов у Владимира Мономаха, он также нанимал половцев, но непонятно где он их нанимал.

Уже в конце XI – начале XII вв. можно говорить о существовании у кипчаков двух центров – Донского и Приднепровского. Во главе первого находился Шарукан, во главе второго – Боняк. Иногда донские и днепровские половцы действовали совместно. Так, в 1107 г. кипчаки во главе с Боняком и Шаруканом подошли к Лубнам, но этот набег был отражён, брат Шарукана Сугр попал в плен, сам Шарукан с трудом избежал пленения.

Этот набег заставил русских князей планировать поход против донских половцев. В 1109 г. Владимир Мономах отправил для разведывательного похода на Дон воеводу Дмитра Иворовича. Поход был удачным, русские захватили множество половецких веж. Однако затем донские половцы пограбили окрестности Переяславля.

В 1111 г. против донских половцев был предпринят поход. Он подробно был описан в летописи и неоднократно описывался историками, что избавляет от необходимости делать это ещё раз.

Н.М. Карамзин и вслед за ним К.В. Кудряшов считали, что 19 марта русские подошли к «Дону» [Карамзин, 1988, с. 83; Кудряшов, 1948, с. 114], причем Н.М. Карамзин считал, что речь здесь идёт непосредственно о Доне, а не о Северском Донце, как предполагают многие современные исследователи. 19 марта (21 марта по К.В. Кудряшову) русские воины подошли к половецкому городку Шаруканю. Судя по названию, город принадлежал хану Шарукану. Н.М. Карамзин приводил другое название этого города – Осенев. Если это так, то город принадлежал хану Осеню, его считают отцом Шарукана. Население города вышло к русским князьям с дарами и поэтому его не сожгли. Историки считают, что город был заселен ясами. Затем, на следующий день или 22 марта по К.В. Кудряшову, был взят и сожжён город Сугров (он принадлежал брату Шарукана Сугру), жители которого отказались сдаться. 24 марта половцы были разгромлены на «протоке Дегея». Решающее сражение состоялось

27 марта на р. Сальнице (Тор). Н.М. Карамзин считал, что сражение состоялось на р. Сал [Карамзин, 1988, с. 83]. Половцы были разгромлены.

Летописцы, а вслед за ними и историки преувеличивают масштаб побед русских князей. Однако половцы не покинули донецкие степи. На правобережье притоков Северского Донца (Тор, Сухой Торец) кочевала орда сына Шарукана, Сырчана. Мы видим, что в 1116 г. пришлось повторить поход во время которого были вновь захвачены «города» Шарукань, Сугров и Балин. В 1116 г. в летописи было записано, что половцы на Дону сражались с торками и печенегами и заставили их покинуть донецкие степи. Половцы также заставили русское население покинуть Белую Вежу. Половцы якобы покинули донские степи и перекочевали в Предкавказье. Если это и так, то в предкавказских степях половцы задержались ненадолго. Практически сразу же они переселились в Грузию. С.А. Плетнёва неоднократно высказывала предположение, что почти все половцы кочевали не в Грузии (где это просто невозможно), а в прикубанских степях и в любой момент готовы были переселиться в Грузию [Плетнёва, 1990]. Однако это переселение было слишком длительным процессом и занимало много времени. Поэтому я считаю, что половцы сразу же переселились в Грузию. Таким образом, нет никаких оснований считать, что кипчаки в начале XII в. находились в степном Прикубанье. В грузинских хрониках, правда, упоминаются «дербентские» кипчаки, но, вероятно, они располагались в самом городе как наёмники.

В 30-х – 80-х гг. XII в. кипчаки постоянно участвовали в междоусобицах русских князей. В 1149 г. Юрий Долгорукий во время борьбы за Киев с Изяславом Мстиславичем привлекал донских половцев. О предкавказских половцах в летописи в этот период не упоминается.

В конце XII в. вновь происходит складывание двух половецких объединений. Днепровское объединение возглавлял хан Кобяк, а донское – Кончак. В 1181 г. (С.А. Плетнёва датировала это событие 1180 г.) донские половцы во главе с Кончаком выступили союзниками Святослава Всеволодовича во время его междоусобной войны против Рюрика Ростиславича. Половцы были разбиты, брат Кончака был убит, а два его сына попали в плен.

После того, как Кобяк в 1183 г. или в 1184 г. попал в плен после разгрома днепровских половцев Святославом Всеволодовичем и был казнён, днепровское объединение половцев приходит в упадок и донские половцы остаются единственной серьёзной силой. Кончак задумал не просто набег, а достаточно серьёзный поход. С.А. Плетнёва датировала его мартом 1184 г., а Б.А. Рыбаков – февралём 1185 г. М.С. Грушевский писал о двух походах весной 1184 г. и весной 1185 г. По словам летописца, половцы хотели захватить и сжечь русские города. У Кончака в войске был мусульманин, который мог якобы «стрелять огнем» у половцев были приспособления для осады городов. Против кочевников выступили князья Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич. В сражении на р. Хорол половцы были разгромлены, в плен попал и мусульманин «стреляющий живым огнем». Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич направили за половцами в погоню шесть тысяч чёрных клобуков во главе с Кунтувдеем, но те не догнали половцев якобы из-за таяния снегов. А.В. Гудзь-Марков считает, что в плен попал и Кончак, но затем бежал [Гудзь-Марков, 2005, с. 318], однако в летописи ничего об этом не сообщалось.

Святослав Всеволодович, княживший в Киеве, готовил в 1185 г. поход объединённых дружин князей против донских половцев, но, как известно, он не состоялся из-за неподготовленного похода Игоря Святославича. Обстоятельства этого похода подробнейшим образом описаны и в летописи, и в «Слове о полку Игореве» и поэтому на них не стоит останавливаться. Единственное, что стоит отметить, что дружины князей, участвующих в походе после переправы через Сальницу двинулись не на восток – к р. Тор (такой маршрут предложил К.В. Кудряшов), а в междуречье Самары и её притока речки Бык [Плетнёва, 1975, с. 291]. На таком маршруте похода настаивал Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1971, с.218–256]. Вежи Кончака в это время располагались на правом берегу Тора.

Зимой 1191 г. Игорь Святославич предпринял второй поход против донских половцев, но он также закончился неудачей. Кипчаки сумели отвести вежи в глубь степи. В конце того же года он отправился против них вместе с братом Всеволодом. Святослав Всеволодович послал своих сыновей Всеволода, Владимира и Ростислава, а Олег Святославич – сына Давыда. Весной 1199 г. Всеволод Большое Гнездо и его сын Константин совершили поход против донских

половцев, но степняки не приняли боя. В 1205 г. поход против донских половцев совершили рязанские князья.

Историк XIX в. П.Г. Бутков предположил, что в конце XII в. сын Андрея Боголюбского, Юрий, изгнанный из Владимира своим братом Всеволодом Большое Гнездо, некоторое время жил на Северном Кавказе, на реке Сунже. Однако его сообщение достаточно запутанно. Он писал, что «Юрий удалился на Дон или к Кавказу, и явился на Сунже или Севенче, во владениях ханов Хазарии (?), подлежавшей обширному Дашт-Кипчаку» [Малахов, 1992, с.132]. Таким образом, П.Г. Бутков предлагал два маршрута бегства Юрия и наиболее вероятным считал Дон. Позже исследователи также считали, что Юрий Андреевич находился во владениях половецкого хана Севенджа или Севенча, иногда под Севенджем подразумевают город [Виноградов, Голованова, 1982, с, 182–183]. Однако Т.М. Минаева предполагала, что этот город располагался не на Северном Кавказе, который был периферией «половецкой земли», а в верховьях р. Псел [Минаева, 1964, с. 190]. Возможно, Юрий Андреевич сразу же был приглашён непосредственно в Грузию, где и стал мужем Тамар. С.Н. Малахов утверждает, что Юрий находился в сопредельных с Русью половецких землях и оттуда через Нижний Дон, по Залозному торговому пути через Тмуторокань попал в Грузию [Малахов, 1992, с.132].

Д.А. Расовский считал, что в конце XII – начале XIII вв. в предкавказских степях жили аланы и, как он писал, другие мелкие кавказские народы [Малахов, 1992, с. 129]. В.А. Кузнецов считает это предположение противоречащим историческим источникам, но непонятно о каких источниках идёт речь [Кузнецов, 1971, с. 32].

Скорее всего, кипчаки появляются на Северо-Западном Кавказе в начале XIII в. Находки половецких каменных изваяний и половецких погребений позволяют проследить районы их кочевания.

Одним из центров половецких кочевий была территория Среднего Прикубанья и Восточного Закубанья. Свидетельством этого является тот факт, что они не разбросаны по степи, а концентрируются в одном месте – в бассейне реки Горькая Балка, около Новокубанска [Навротский, 1995, с. 157]. Отсюда изваяния до революции доставлялись в Кубанский Войсковой этнографический и естественноисторический музей в Екатеринодаре и в советское время в Армавирский краеведческий музей. В этом районе обнаружены и поло-

вецкие захоронения золотоордынского периода [Пьянков, Зеленский, 1994, с. 47–49].

Половецкие изваяния воздвигались на курганах, которые были разбросаны по степи на правобережье и левобережье рек Бейсуг, Челбас, Ея, Сосыка [Зеленский, 1998, с.41]. Об этом свидетельствует тот факт, что из этих районов в музеи Краснодарского края поступило больше всего каменных изваяний [Белоруцкий, 1953, с.257; Ждановский, 1977, с.289–292]. Судя по тщательной обработке изваяний, они датируются концом XII – серединой XIII вв. Половецких погребений в этом районе не открыто, но следует отметить, что в таких районах Краснодарского края, как Белоглинский, Тихорецкий, Выселковский, Павловский, Ленинградский, Каневской, не проводились многочисленные археологические раскопки. Возможно, именно поэтому нет сведений о ранних половецких погребениях.

Половцы кочевали и в Среднем Прикубанье, в районе современных Усть-Лабинска и Кореновска. Здесь и до революции, и в наше время находили каменные изваяния. Известны в этом районе и половецкие погребения конца XIII – начала XIV вв.

Большое количество половецких захоронений раскопано в низовьях Кубани и Восточном Приазовье, в низовьях рек Понура и Кирпили [Зеленский, 1998а, с.41). Земли Восточного Приазовья кочевники могли использовать как зимние пастбища. Именно поэтому отсюда не поступали каменные изваяния. Кипчаки не рассматривали этот район как место постоянного пребывания. Следует также отметить и то, что в погребениях Нижнего Прикубанья и Восточного Приазовья практически нет «эталонных» вещей (котлов, гривен, распрямлённых гривен, нагрудных блях, украшений женского головного убора, лазуритовых подвесок), характерных для половецких погребений.

Судя по наличию каменных изваяний, кочевали половцы и в верховьях Кубани [Фелицын, 1882]. Отсюда в Кубанский Войсковой этнографический и естественноисторический музей и Ставропольский музей были доставлены каменные изваяния. Известны в верховьях Кубани и половецкие погребения XII – середины XIII вв. и золотоордынского времени.

На Тамани пока открыто только одно погребение. Но его невозможно точно датировать. Оно может быть как половецким, так и печенежским и торческим. В одной из дореволюционных газет было

помещено сообщение о находке каменного изваяния в ст. Фонталовской. Но описание изваяния неопределенно и каким народом оно было воздвигнуто неясно. Таким образом, нельзя твёрдо считать его половецким.

В Западном Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье половецких погребений домонгольского времени нет. В этих районах не отмечены находки каменных изваяний. Половцы не проникали за Кубань. С адыгами отношения у них были мирными. В половецких погребениях найдена кружальная посуда, изготовленная адыгскими мастерами. В адыгских захоронениях встречены кочевнические украшения.

Совершенно точно можно говорить о пребывании кипчаков на территории Предкавказья во время монгольского похода 1222–1223 гг. Во время этого похода через горные проходы монгольские войска дошли до земли алан. Аланы подготовились к сражению, заключив военный союз с кипчаками. Согласно китайскому историческому сочинению Юань-ши, первое столкновение монголов и алано-половецкого войска состоялось у реки Бу-цзу [Иванов, 1914, с.7]. Х.А. Хизриев отождествил её с Сунжей [Хизриев, 1984, с.9]. Если согласиться с таким отождествлением, то мы получаем дополнительное свидетельство того, что кипчаки к этому времени находились в этом районе, но как мы увидим, дальше они подкочевали сюда из Подонья. В.М. Батчаев предположил другое место сражения, а именно – правобережье р. Кумы [Батчаев, 1980, с. 81].

Эта битва не принесла никому победы. Перед вторым сражением монгольские предводители пошли на хитрость. Они уговорили кипчаков оставить алан. «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, – говорили они, – так что вам нечего помогать им; вера ваша непохожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем денег и одежды, сколько хотите; оставьте нас с ними» [Тизенгаузен, 1884, с.25].

Соблазнившись подарками, половцы покинули алан. После этого монголы сначала разбили алан, а затем на Дону разгромили половцев. Именно во время этого сражения погиб сын Кончака Юрий.

Часть кипчаков, захватив Дербент, прорвалась в Закавказье [Киракос Ганзакеци, 1976, с.139], другие обратились за помощью к русским князьям. «Остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою» [Тизенгаузен, 1884, с.3, 26]. Длительное время

историки ограничивали район, куда укрылись половцы, горным массивом Центрального Кавказа. В.М. Батчаев предложил другую локализацию. Земли предкавказских кипчаков он расположил в среднем течении Кумы и Кубани и предположил, что половцы укрылись в ущельях Кубани [Батчаев,1980, с. 82]. Е.И. Нарожный считает, что до вторжения Чингизидов половцы кочевали на Кубани вдоль реки несколькими группировками, о чём свидетельствует наличие в Прикубанье каменных изваяний [Нарожный, 1996, с. 19]. Горы и болота, среди которых скрылись половцы после разгрома, Е.И. Нарожный помещает то ли в Крыму, то ли в районе Новороссийска.

После этой победы, перезимовав в Предкавказье, Джебе и Субедей достигли Крыма и разграбили Судак [Тизенгаузен, 1884, с.26]. В историческом сочинении XVIII в. «Родословная туркмен» сказано, что «Большинство кипчаков ушло в юрт черкесов и туманов» [Кононов, 1958, с.44]. Черкесами в то время называли адыгов, а кто такие туманы непонятно. Возможно, имеется в виду Тамань (известны варианты Туман, Таман). Может быть имеются в виду болотистые, «туманные» земли Западного Закубанья, населенные адыгами. Именно в это время появляется ряд погребений в Северо-Восточном Причерноморье, которые исследователи склонны отождествлять с половецкими. А в погребениях адыгов конца XIII–XIV вв. появляются вещи кочевнического облика, которые археологи считают половецкими. Половцы также откочевали в горные районы современной Чечни и Ингушетии. Об этом свидетельствуют находки в горных могильниках второй половины XIII–XIV вв. таких вещей как берестяные колчаны, костяные накладки на лук, нагрудные бляхи [Нарожный, 2005, с. 105, 109; Нарожный, 2003, с. 247].

Л.Э. Голубев считает, что во время «великой замятни» половцы покидают правобережье Кубани и Восточное Приазовье [Голубев, 2002, с. 21]. Однако в двух погребениях из степного Прикубанья найдены золотоордынские монеты 1365 года чеканки. Значит, половцы кочевали здесь еще во время «великой замятни», а может быть и позже. Возможно, их пребывание здесь продолжалось до похода Тимура 1395 г.

В Подонье кипчаки также продолжали обитать в золотоордынское время. Об этом свидетельствуют находки половецких погребений на урочище Каменная балка, у хут. Верхне-Янченков и на Миусском полуострове [Плетнёва, 1962, с. 133–137; Кирпичников,

1962, с. 138–141]. Правда, захоронение у хут. Верхне-Янченков А.Н. Кирпичников датировал XII в. [Кирпичников, 1962, с.138], но он же считает, что такие шлемы бытовали и в XIII в. В кочевнических погребениях шлемы являются надёжным хронологическим индикатором золотоордынского времени.

Таким образом, существуют две точки зрения, рассматривающие различные аспекты взаимодействия кипчаков Подонья и Предкавказья. Одни исследователи (С.В. Гуркин, В.А. Тарабанов, А.В. Гадло) считали, что предкавказские земли были важнейшей составной частью Дешт-и-Кипчак. Другие полагают, что предкавказские половцы входили в состав подонского объединения, возглавляемого Кончаком [Кляшторный, Савинов, 1994, с.42].

Список источников и литературы:

Батчаев, 1980 – Батчаев В.М., Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып.1. Нальчик, 1980.

Белоруцкий, 1956 – Белоруцкий Н.Л. Находка каменного изваяния в Краснодарском крае // СА. № 3. 1956.

Виноградов, Голованова, 1982 – Виноградов В.Б., Голованова С.А. Страница русско-кавказских отношений XII века // ВИ. 1982. № 7.

Голубев, 2002 – Голубев Л.Э. Три аспекта из жизни адыгов в конце XIV – XV вв. // Голос минувшего. Краснодар, 2002. № 1–2.

Гудзь-Марков, 2005 – Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V – XIII вв. М., 2005.

Ждановский, 1977 – Ждановский А.М. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // СА. №1. 1977.

Зеленский, 1998 – Зеленский Ю.В. Картирование половецких кочевий Прикубанья и Закубанья с помощью археологических источников // XX юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Железноводск-Ставрополь, 1998.

Иванов, 1914 – Иванов А.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши // Записки разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. СПб., 1914.

Ипатьевская летопись, 2001 – Ипатьевская летопись. М., 2001.

Карамзин, 1988 – Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн.1.

Киракос Ганзакеци, 1976 – Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976.

Кирпичников, 1962 – Кирпичников А.Н. Шлем XII века из погребения кочевника (по материалам раскопок Кобяковской археологической экспедиции 1960 г.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

Кляшторный, Савинов, 1994 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кононов, 1958 – Кононов А.Н. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-Гази хана Хивинского. М., 1958.

Кудряшов, 1948 – Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

Кузнецов, 1971 – Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Малахов, 1992 – Малахов С.Н. Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в. // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.

Михайлова, 2006 – Михайлова И.Б. Древняя Русь и Степь // Россия и степной мир Евразии. СПб., 2006.

Навротский, 1995 – Навротский Н.И. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир-М., 1995. Вып.1.

Нарожный, 1996 – Нарожный Е.И. О маршруте движения Чингизидов в 1222 г. // Археология и краеведение Кубани. Материалы IV межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции. Краснодар-Армавир, 1996.

Нарожный, 2003 – Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII – XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.

Нарожный, 2005 – Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.

Плетнёва, 1962 – Плетнёва С.А. Половецкие погребения в урочище Каменная балка // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

Плетнёва, 1975 – Плетнёва С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X – XIII вв. М., 1975.

Плетнёва, 1990 – Плетнёва С.А. Половцы. М., 1990.

Пьянков, Зеленский, 1994 – Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение из Восточного Закубанья // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции (сентябрь 1994 г.). Армавир, 1994.

Рыбаков, 1964 – Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964.

Рыбаков, 1971 – Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Фелицын, 1882 – Фелицын Е.Д. Археологическая карта Кубанской области. Екатеринодар, 1882.

Хизриев, 1984 – Хизриев Х.А. Первые походы Чингисидов на Северный Кавказ и их политические последствия // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1984.

Ju.V. Zelenskiy

KIPCHAKS IN THE DON AND THE CAUCASUS IN THE XI–XIV CENTURIES

The article considers the ethno-political and socio-political history of the kipchak tribes don and North-Western Caucasus. Special attention is paid to the relationship of the polovtsian with Kievan Rus and old russian principalities in XI–XIV centuries.

***Keywords*:** kipchaks, the chronicle, Ancient Rus, princes, hike, burial, stone sculptures.

Сведения об авторе

Зеленский Юрий Викторович – старший научный сотрудник отдела археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (г. Краснодар); e-mail: yuriy_zelenskiy @mail.ru

Zelenskiy Yuriy Viktorovich – senior researcher of department of archaeological funds of Krasnodar state historical and archaeological Museum-reserve (Krasnodar); e-mail: yuriy_zelenskiy@mail.ru

УДК 316.324.3(470.6)

Е.И. Нарожный

ПОЛОВЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (Некоторые итоги и перспективы изучения)

В статье предлагается краткий историографический обзор точек зрения исследователей о времени появления половцев на Северном Кавказе, хронология и динамика их пребывания здесь и последующих исторических судеб. На основе учета половецких изваяний предлагается версия, объясняющая причины появления в регионе массовых мест «захоронений» половецких изваяний в небольших курганах с процессом исламизации половцев в XIV веке, что и предопределило процесс кардинального отказа от прежних и традиционных культов и обрядов, вытесненных процессом принятия ислама.

***Ключевые слова*:** Северный Кавказ, половцы, изваяния, расселение, исламизация

1. Из истории изучения

На фоне истории становления длительного по времени и неоднозначного по содержанию научного интереса к половцам восточноевропейских степей вообще (историографию проблемы см.: [Плетнева, 1958, 1981; Мавродина, 1983, с. 11–75]), проблема изучения пребывания половцев на Северном Кавказе и поисков половецкого наследия в регионе имеют солидную историографическую базу.

Первые и смутные сведения о половцах связаны с упоминанием каменных «баб» с территории Северного Кавказа эпизодически попадавших в поле зрения отдельных письменных свидетельств или авторов еще в XVII–XVIII веках [Минаева, 1964, с. 164–170 и сл.; Малахов, 2000, с. 94–96]. Непосредственный интерес к ним и половцам в регионе начался значительно позднее. Отмена крепостного права в России, окончание Кавказской войны, последовавшая колонизация крестьянами из российской глубинки, направленная на Кавказ, масштабное освоение здесь земельного фонда и пр. во многом

способствовали не только экономическому освоению предгорно-равнинных (степных) северокавказских территорий, связанных с землепашеством. Судя по документальным источникам того времени, в ходе расширения пахотных угодий заметно участились случаи обнаружения каменных изваяний, извлекаемых крестьянами и казаками из невысоких земляных «бугров», растаскиваемых во время распашки, а нередко, и во время откровенно грабительских «раскопок», в ряде случаев носивших массовый и организованный характер[1]. Отдельные статуи, находимые ими в ходе грабительских раскопок или же при сельхозработах, сразу же стали объектом собирательства представителями сельских социальных элит[2], «украшавших» свои усадьбы. Отдельные изваяния устанавливают в городских парках некоторых городов региона[3], а также и у входов в государственные учреждения. Массовость находок побуждает представителей земских судов, уездных и губернских властей обратить внимание на данный факт[4], дав толчок к началу формирования музейных коллек-

[1] А. Твалчелиридзе, описывая состояние Ставропольской губернии в конце XIX века, например, применительно только к сел. Рагули (основано в сентябре 1861 года) пишет о процветании «воровства» [Твалчелиридзе, 1897, с.438], среди которого, как отмечают уже другие авторы, был «промысел» на курганах. Вероятно, именно с такими «раскопками» и были связаны находки нумизматических материалов [Нарожный, Нарожная, 2001, с. 21–26] и серия великолепных металлических изделий [Федоров-Давыдов, 1976, с. 168 и др.] из окрестностей Рагули, часть из которых, в конечном счете, оказалась в музейных фондах страны.

[2] Об этом см.: Минаева, 1964, с 150–156 и сл..; Кузнецов,1980, с. 70–74.

[3] Француз Ф..Жиль, побывавший в 1858 году на Северном Кавказе, сообщал о значительном количестве каменных изваяний (300 статуй), находившихся, в основном, в верховьях Кубани; несколько статуй было перевезено в Пятигорск [Соснина, 2000, с.73, рис.1]. Сведения о поступлении статуй в Пятигорск приводят и другие авторы [Кузнецов, 1980, с.73–74]. Правда, судя по рисункам Ф. Жиля, речь идет все же, о статуях древнетюркского происхождения [Березин, Нарожный, Иванченко, 2003, с. 4–5; Нарожный, 2002а, с. 35–39; Нарожный, 2002б, с.131–143]. Есть сведения и о статуях, в XIX – нач. XX вв., установленных на территориях городских парков Пятигорска и Ставрополя [Минаева, 1964, с. 153–154; Ставропольский, 2005, с.10–12, 28–30].

[4] Различные примеры на этот счет были приведены Т.М. Минаевой [Минаева, 1964, с. 177].

ций в Пятигорске [Кузнецов, 1980, с. 69–78][5], Ставрополе[6] и Екатеринодаре (Краснодаре)[7]. Важным шагом на пути к началу изучения половецких статуй с территории Северного Кавказа стало создание большеформатной «Археологической карты Кубанской области», опубликованной в 1882 году известным кубанским исследователем и основателем современного «Краснодарского археологического музея-заповедника» – Е.Д. Фелицыным [Фелицын, 1882, карта]. На ней были обозначены все, известные на тот момент, случаи обнаружения каменных изваяний с территории Кубанской области (современный Краснодарский край и часть Ставропольского края). С тех пор «половецкий период» обязательно учитывается во многих обобщающих работах по истории региона, включая, к примеру и знаменитый труд Ф.А. Щербины по истории кубанского казачества [Щербина, 2001, с. 310–320][8].

Уже к началу 1940-х годов был сформулирован и поставлен вопрос об актуальности накопления историко-археологических материалов, связанных с тюрками и тюркским наследием на Северном Кавказе с целью изучения динамики, характера и последствий взаимоотношений тюрок с местным населением [Иессен, 1941, с.30], хотя решение данной проблемы растянется не на одно десятилетие.

Заметным шагом в развитии интереса к северокавказским половцам продемонстрировала книга К.В. Кудряшова [Кудряшов, 1948]; основываясь на данных русских летописей, указанный автор

[5] Такую же информацию приводит и Ф. Жиль [Соснина, 2000, с. 73].

[6] Подробные сведения приводит Т.М. Минаева [Минаева, 1964, с.174–178 и сл.].

[7] В.А. Тарабанов и Ю.В. Зеленский полагают, что основная часть краснодарской коллекции каменных изваяний была привезена из тех самых мест, которые обозначены Е.Д. Фелицыным на его «Археологической карте …» [Тарабанов, 1991, с. 81–83; Зеленский. 2001, с. 32–37].

[8] Данная проблема, на протяжении первой половины XX века будет широко представлена и в другой казачьей литературе, в которой половцы, впрочем, как и черные клобуки из южнорусских степей, декларативно будут упоминаться в качестве одних из предков современных казаков [Савельев, 1915, с. 58–70 и сл.; Половцы, 1970, с. 390–391]. Правда, в конце XX – начале XXI веков, проблема стала характерной не только для казачьей истории. Сегодня, половцев, в качестве непосредственных и прямых первопредков рассматривают историки, изучающие историю современных кумыков Дагестана, ногайцев и крымских татар.

очертил ареал бытования «предкавказских половцев». География расселения была расширена С.А. Плетневой [Плетнева, 1958, карта]. В 1960 году была проведена известная конференция, посвященная происхождению современных балкарцев и карачаевцев [О происхождении, 1960], оказавшаяся во многом знаковой для последующего направления в изучении половцев и их наследия в регионе. Основным предметом в обсуждениях на данном форуме стали письменные свидетельства ал-Асира о первом появлении Чингизидов на Северном Кавказе (1222 г.), т.е. за год до битвы на р. Калке: они, пройдя округу Дербента, вышли в регион. Объединенное алано-половецкое войско вступило в противостояние с противником. Троекратное сражение, как далее описывает средневековый автор, никому не принесло победы. Тогда Чингизиды, прибегнув к хитрости и, при помощи различных посулов и щедрых подношений, смогли разъединить недавних союзников. Разбив затем аланов, оставшихся одних, Чингизиды разворачиваются и, коварно нарушив свои обещания, следуют вдогонку за половцами. Восточный автор повествует далее: бросившись вдогонку за половцами, разбивают их. Остальные половецкие орды вынуждены были скрыться «в горах, болотах», или уйти «в страну русских», что вызвало вполне конкретные северокавказские ассоциации, связанные с верховьями р. Кубани.[9] Спасшиеся половцы, якобы, именно здесь, на Верхней Кубани, как было решено на конференции, оказались в контексте культуроформирующего воздействия на предков современных карачаевцев и балкарцев. Версия на длительное время определит и основной вектор научного интереса к половецкой проблеме.

В 1964 году Т.М. Минаева опубликовала большую статью о «половцах на Ставропольской возвышенности». Статья была построена не только на ограниченных археологических материалах [Минаева, 1964, с.162–187]. Опиралась она и на уже упоминавшуюся «Археоло-

[9] В.М. Батчаев вполне справедливо усомнился в справедливости верхнекубанской локализации всех ориентиров, указанных источником при описании географии бегства половцев, в особенности, «болот» [Батчаев, 1980, с79–95]. Да и сам маршрут движения Чингизидов через Северный Кавказ в 1222 году ныне представляется иначе. Вторжением была охвачена лишь северная часть региона, не затронувшим его предгорной зоны [Нарожный, 1996, с.5–6; 2008г, с. 70–75], что ставит под сомнение возможность появления половцев в верховьях Кубани.

гическую карту …» Е.Д. Фелицына, на сведения из документальных источников XIX века и на материалы из фондов Ставропольского краеведческого музея, Т.М. Минаева приводит исчерпывающую на тот период сводку находок каменных изваяний со Ставропольской возвышенности [Минаева, 1964, с. 162–187][10]. Еще два года спустя увидела свет монография Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966]. Это исследование значительно углубило представления того времени о средневековых, в т.ч. половецких кочевниках Северного Кавказа. Правда, используемый в его монографии археологический материал, связанный с территорией Северного Кавказа был ограниченным. В 1973–1974 годах увидели свет два фундаментальных свода С.А. Плетневой, посвященных анализу археологических древностей черных клобуков Поросья [Плетнева, 1973] и половецких каменных изваяний [Плетнева, 1974]. Публикуя сводку собранных сведений о половецких каменных изваяниях Восточной Европы, С.А. Плетнева описывает и каменные изваяния с территории Северного Кавказа, хранившиеся в музейных коллекциях региона[11].

[10] Правда, отдельные из опубликованных Т.М. Минаевой статуй, были впоследствии отнесены к скифскому времени [Ольховский, 1998, с.31–32, рис. 2,1], а другие изваяния определяются как принадлежность к иной, древнетюркской линии со следами явного хронологического и эволюционного развития на Северном Кавказе [Нарожный, 1999, с. 58–62]. Средневековые захоронения из окрестностей аула Кубина на Верхней Кубани [Минаева, 1964, с.158, рис.1, рис. 2], относят не только к половецким памятникам. Ныне они сопоставляются и с более ранним, хазарским, временем [Соков, 2003, с. 12–13]. Украшения, опубликованные Т.М. Минаевой из кургана у сел. Воздвиженского [Минаева, 1964, с.175, рис.4,1], впрочем, как и из культурного слоя Маджарского городища [Минаева, 1964, с.175, рис.4,2], по всей вероятности, не половецкие, а черноклобуцкие [Нарожный, 2000, с. 138–150; 2003б, с. 212–223].

[11] Помимо коллекций из соседней Ростовской области, С.А. Плетнева дает описание 13 изваяний из Ставропольского краеведческого музея [Плетнева, 1974, с.100–101], 2 изваяния из Пятигорского краеведческого музея [Плетнева, 1974, с. 101]. Отдельно учтены ею еще 12 статуй с территории Ставропольского края [Плетнева, 1974, с. 102], а также 2 изваяния с территории «Краснодарского края» [Плетнева, 1974, с.102] и 53 статуи из фондов Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына [Плетнева, 1974, с.102–105]. В своде учтено и изваяние «из Краснодара», в свое время перевезенное в Государственный Эрмитаж [Плетнева, 1974, с. 112, № 1318].

В 1978 году увидела свет и монография Я.А. и Г.С. Федоровых [Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978], которые посвятили проблеме два раздела: «Половцы-кыпчаки на Северном Кавказе» [Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, с. 206–226] и «Половецкое наследство» [Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978, с. 227–251].

Интерес к проблеме, проявленный в 1980-е годы, был связан с разными исследователями. В.А. Кузнецов, к примеру, вводит в научный оборот каменные изваяния из Пятигорья [Кузнецов, 1980, с. 69–78][12], не учтенные С.А. Плетневой. Исторические судьбы предкавказских половцев и связанная с половцами тюркизация предков современных балкарцев и карачаевцев вновь становится предметом специального изучения В.М. Батчаева. Возвращаясь к итоговым выводам конференции 1960 года по вопросам этногенеза балкарцев и карачаевцев, В.М. Батчаев вполне справедливо полагает, что эта проблема решается гораздо сложнее [Батчаев, 1980, с. 78–95]. Эту версию указанный автор развивает и позже [Батчаев,1988б, с. 80–122; 200а, с. 11–34 и сл.], не исключая и воздействующей роли на этот процесс со стороны неких «маджарцев»-половцев [Батчаев, 1988б, с.160–190][13]. В традиционном русле влияние половцев на этногенез балкарцев и карачаевцев рассматривал и Х.Х. Биджиев [Биджиев, 1983]. Различные аспекты истории половецкого присутствия на Северном Кавказе рассматривались и в иных изданиях того периода.

В конце XX – в начале XXI столетий заметными стали, как минимум, несколько аспектов интересующей нас проблемы. Во-первых, ссылаясь на обобщающие выводы С.А. Плетневой, кавказоведы полностью принимают ее версию относительно времени появления половцев в регионе, а также и об увязке их финальной истории с Чингизидскими завоеваниями в регионе [Плетнева, 1974, с.8]. По-крайней мере, в литературе неоднократно отмечалось: «Хронологически пребывание половцев в Предкавказье приходится на период с середины XI до середины XIII вв. (время татаро-монголь-

[12] В публикации приводятся фотографии не только половецких изваяний, некогда находившихся в фондах городских музеев кавказских минеральных вод, но и более ранних, древнетюркских. Одно из «половецких» изваяний, впоследствии, В.С. Ольховский отнес к скифскому времени [Ольховский, 1998, с. 33–34, рис.3].

[13] Об этой версии см.: Нарожный, 2007, с. 14–28.; Нарожный, 2010а, с. 174–193.

ского нашествия)», когда в степях господствует завершающий этап господства «круглой половецкой скульптуры, развивавшейся в степях до вторжения монголов» [Кузнецов, 1980, с. 75]. Вторым итоговым направлением была дальнейшая разработка вопроса участия половцев в этногенезе современных балкарцев и карачаевцев и других современных, тюркоязычных обитателей Северного Кавказа.

Между тем, в конце XX столетия был активизирован научный интерес к половецким археологическим древностям на территории соседней Ростовской области, что определялось публикациями совершено новых святилищ, каменных и деревянных изваяний оттуда [Волков, Ларенок, 1988, с.85–88; Гуркин, 1991, с.103–113, рис.29, рис.30, рис.31; Гугуев, Гуркин, 1992, с. 111–143; Гуркин, 1998, с. 29–37; Гугуев, 1998, с. 38–48; Ларенок, 2001, с.79–81]. Публикации во многом подталкивали и северокавказских исследователей к мобилизации археологических материалов половецкого круга. На фоне эпизодического появления новых находок каменных изваяний на Ставрополье [Прокопенко, 2001, с.111–113] и в Краснодарском крае [Ждановский, 1977, с.289–292, с.290–291, рис.1–2]. В научный оборот была введена целая коллекция каменных статуй из фондов Армавирского краеведческого музея [Навротский, Нарожный, 1992, с. 14–15; Навротский, 1995, с. 157–164; Плетнева, 1995, с.165–166]. Впоследствии, коллекция пополнилась новыми изваяниями [Лопатин, Лопатина, 2001, с. 110–111; Нарожный, Соков, 2011, с. 141–168]. Постепенно в научный оборот вводятся фотографии, сведения и другие находки каменных изваяний, разбросанных по станичным и городским музеям Ставропольского и Краснодарского краев [Нарожный, 2008д, с.74–78; Мамаев, Нарожный, 2008, с.189–190, с.190, рис.2; Нарожный, Лямцев, 2001, с.32–34; Нарожный, Соловьев, 2003, с. 27–28; Нарожный, Соков, 2012а; Нарожный, Соков, Харольская, 2012; Чхаидзе, 2008б, с.127, рис.7, с.138, рис.8; Нехаев, Голубев, Чхаидзе, 2009, с.148–149, с.156, рис.6, *1–2*].

Появляются и новые публикации «половецких» разрушенных комплексов из-под ст. Новоберезанской [Зеленский, Каминская, 1999, с. 82–87][14] и ст. Староминской [Анфимов, Зеленский, 2002б,

[14] Редкий кочевнический комплекс, все же, не половецкий, а раннеджучидский («монгольский») [Нарожный, Охонько, 2000, с.27–31], в котором был и великолепный набор поясной гарнитуры [Крамаровский 2001, с.59].

с. 44–147][15]. Несомненный интерес вызывает и целый ряд «половецких» захоронений – захоронение из окрестностей г. Новокубанска [Пьянков, Зеленский, 1994, с.45–47][16], у ст. Новотиторовской [Пьянков, Хачатурова, 1995, с.154–156][17], «половца» из окрестностей хут. Пролетарского [Зеленский, 1997, с. 89–91] и из степных районов Кубани [Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с.184–208][18]. Не меньший интерес вызывают и погребальные комплексы с металлическими «закрылками» от головных уборов [Зеленский, Цокур, 2003, с.209–213; Голубев, 2004, с. 249–253][19]. Помимо них в литературе появился и другой пласт новых погребальных комплексов с территории Северо-Западного Прикаспия [Нарожный, 2005б, с. 239, рис.5, с. 242, рис.8], Чечни [Нарожный, 2005а, с. 53–63; Басов, Нарожный,

[15] И в этом случае вряд ли речь можно вести о «половецком» погребальном комплексе, поскольку есть все основания ставить его в один ряд с черноклобуцкими [Нарожный, 2000, с. 138–150; 2003б, с. 212–223].

[16] Однако погребальный обряд данного захоронения заставляет сближать его с погребальными традициями тюркоязычных кочевников Восточного Причерноморья [Нарожный, 2010б, с. 266–267], с которыми, к примеру, связан курганный могильник в Цемесской долине под г. Новороссийском [Армарчук, Малышев, 1997, с. 92–114]. Выделяемые здесь черты смешанных погребальных обрядов (миксации с половцами и черными клобуками) [Армарчук, Малышев, 1997, с.130–133], ныне представляются еще более сложными, незавершенными и свидетельствующие о синхронном сосуществовании нескольких погребальных традиций [Нарожный, 2012, с. 138–142].

[17] Наряду с фрагментами гривны, в захоронении присутствовал и крупный сосуд, характерный для салтово-маяцкой культуры, но тип которых бытовал в Восточном Причерноморье, в курганах тюркоязычных кочевников и в XIV в., что не позволяет соглашаться с «домонгольской» датировкой данного захоронения, видя в нем захоронение, связанное с этнокультурными группами из Причерноморья.

[18] Часть этой серии погребенных публиковалась не один раз – см.: [Кочкаров, 2004, с. 94–107; Нарожный, 2005, 52, рис. 52, с. 70–120; Горелик, 2008, с. 139–159].

[19] Иная точка зрения относительно датировки данного захоронения, видит в нем захоронение, связанное с этнокультурными группами из Причерноморья. (см. прим. 16).

[19] Часть этой серии погребенных публиковалась не один раз – см.: [Кочкаров, 2004, с. 94–107; Нарожный, 2005, 52, рис. 52, с. 70–120; Горелик, 2008, с. 139–159].на эти погребения опубликована [Нарожный, 2008б, с.160–171].

2005, с.199–214; Нарожный. 2008е, с.525–542], Северной Осетии [Вольная, Нарожный, Ростунов, 2004, с. 238–243; Нарожный, 2005а, с.15–42; Басов, Нарожный, 2005, с.215–216ис. 15, рис.16], Ставрополья [Дружинина, 2007, с. 158–176; Нарожный, Охонько, 2007; Нарожный, Охонько, 2011; Чхаидзе, Дружинина, 2008, с.79–88; Бабенко, 2008, с.167–197; Бабенко, Калмыков, 2007, 225–244; Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2011, с.169–188], Карачаево-Черкессии [Нарожный, 2008в, с. 95–99]. Резко увеличилось и число новых погребальных комплексов с территории Краснодарского края [Чхаидзе, 2007, с. 66–69; 2008а, с. 89–94; 2008б, с. 118–138; 2009, с. 116–126; 2010, с.154–164; Бочкарев, Чхаидзе, 2009, с.127–144; Горелик, 2008, с. 139–159; Нехаев, Голубев, Чхаидзе, 2009, с. 145–156; Нарожный, 2010в, с. 164–169; Чхаидзе, Дружинина, 2010а, с.425–436; 2010б, с.110–125; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011 и др.]. Однако и эти публикации, несмотря на то, что обеспечили максимально полный на это время ввод новых источников, к позитивному решению половецкой проблемы так и не привели. Позитивным явлением стало лишь то, что реально прозвучал тезис о значительном этнокультурном разнообразии кочевого населения Северного Кавказа XIII–XIV вв. (половцы, черные клобуки, «монголы»), а также и о существовании погребальных комплексов со «смешанными» типами погребальных обрядов, требующих дальнейшего осмысления. В некоторых случаях, погребальные комплексы по-прежнему датируют достаточно широким хронологическим периодом «XII–XIV вв.», что требует специальных оговорок и пояснений, поскольку при таком хронологическом диапазоне «сливаются» два разнообразных по времени («домонгольский» и золотоордынский) периода, что ныне признается некоторыми авторами [Нарожный, 2005а, с. 160–168 и сл.; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с.10–11]. Между тем, ныне признается и существование половецких погребальных комплексов в золотоордынское время, что подтверждают и письменные источники, например, кануна Куликовской битвы, сообщавших о «призыве» под знамена Мамая и половцев. Вполне реально предполагать, что данный факт заставляет считать возможным и доживание до этого времени основного «набора» традиционных черт половецкой культуры, вне всякого сомнения, существенно подвергшейся трансформации под воздействием культуры Золотой Орды. На этом фоне особый интерес набирают

погребальные комплексы с восточной (половецкой) ориентировкой погребенных. При их атрибуции как «золотоордынских латников» или «тяжеловооруженных воинов» золотоордынского времени, открытым остается вопрос о причине сопровождения таких захоронений предметами защитного вооружения (шлемы с козырьками, наручами, поножами и пр.), считающимися категориями вооружения, занесенными в Восточную Европу монголами [Горелик, 1987] и др.

2. Современные подходы в оценке проблемы

Накопление совершенно новой источниковой базы позволяет несколько иначе смотреть и на «половецкую» проблему. Прежде всего, следует обратить внимание на те аксессуары, которые изображены на целом ряде каменных изваяний Восточной Европы, в т.ч. и на их прорисовки, опубликованные С.А. Плетневой в 1974 году. Рассматривая различные группы предметов, изображенных на каменных статуях, С.А. Плетнева вполне справедливо указывала и на их археологические прототипы. Однако приведенная ею подборка известных аналогий позволила ей еще раз ограничить время изготовления и использования каменных статуй началом XIII века, связав данное явление с появлением Чингизидов в Восточной Европе. Между тем, С.А. Плетнева, рассматривая отдельные аналогии аксессуарам, в нескольких случаях указывала и на существование эпизодических аналогий золотоордынского времени, например, декору на изображениях колчанов. Этот факт заставил посмотреть и на другие аналогии предметам, изображенным на статуях более внимательно. Можно уверенно констатировать: нагрудные бляхи [Нарожный, 2003а, с.252–253, рис.2, *1–7*, рис. 3, *1–3*], поясные крючья [Нарожный, 2003а, с 253, рис.3, 4–8], некоторые типы зеркал [Нарожный, 2003а, с.256–257, рис.4, *1–11*, рис. 5*, 1–18*], деревянные или костяные гребни [Нарожный, 2003а, с. 258, рис. 6, *1, 3–5*], портняжные ножницы [Нарожный, 2003а, с. 258, рис.6, *2,6–8*][20], изображенные на каменных скульптурах, имеют реальные аналогии. В том числе сре-

[20] Ныне известен и тип ножниц, вместо округлых колец, имеющих подквадратное оформление, т.е., как и на одном из половецких изваяний [Плетнева, 1974, с.42, рис.17, 11], что оспаривал Г.А. Федоров-Давыдов. Точно такие ножницы, к примеру, встречены в одном из захоронений могильника Лобанова щель [Марченко, Пьянков, 2002, с.205, рис. 17, 2].

ди материалов золотоордынского времени. Тем самым, вполне заманчиво ставить вопрос о том, что значительное количество каменных изваяний могло продолжать не только сохраняться, но и изготавливаться и в золотоордынское время. По-крайней мере, гипотеза вполне объясняет те известные случаи, когда половецкая каменная скульптура сохранялась не только в золотоордынское время, но и значительно позже, о чем, как уже говорилось выше, сообщали разнообразные документальные источники XVII – нач. XX веков, указывая на каменные изваяния, еще продолжавшие стоять на своих первоначальных местах, в т.ч. в пределах золотоордынских владений в регионе, совсем «не мешая кочевникам» XIII–XIV вв.

В ряде случаев исследователи обращают внимание на «поверженные» статуи, выявленные внутри каменных оградок-святилищ, увязывая это явление, нередко, с теми же «монголо-татарами[21]. Тем более, что вряд ли стоит сбрасывать со счетов и известный факт изготовления и почитания близких каменных изваяний и в самой средневековой Монголии, как до их исхода в Восточную Европу, так

[21] Однако проявления подобного варварства совсем не обязательно связывать только с золотоордынской эпохой, т.к. случаи уничтожения статуй зафиксированы и в XX столетии [Малахов, 2000].

[21] Рассматривая статуи, как проявление культа-первопредка и пиететность отношения к нему, укажем и на другие любопытные факты. В свое время, в горной Чечне были обнаружены несколько стел скифского времени, вероятно, низвергнутых с курганов и установленных «вверх ногами» в женском погребении местного могильника. Несмотря на дискуссионность восприятия ситуации, ее связывают с «местью» местного населения соседнему населению скифского времени [Махортых, 1981, с. 29–31]. Средневековые статуи древнетюркского образца, привнесенные на Северный Кавказ в раннем средневековье, имея признаки хронолого-эволюционного развития здесь, доживают до позднего средневековья. Любопытно, что уже к концу раннего средневековья, часть таких статуй изготавливалась с выбитыми на них христианскими крестами на плечах и лбу [Малахов, 2000, с.94–96]. Подобные статуи – «христианские рыцари», как их называли в XIX веке, впоследствии (вплоть до XVI века – ?), изготавливались и почитались уже без крестов, но с аксессуарами, характерными для той или иной эпохи [Нарожный, Соков, 2008, с. 17–39]. Приведенные примеры, как представляется, позволяют предполагать, что в определенные моменты времени, традиционная ментальность вполне позволяла производить определенные смысловые манипуляции со статуями первопредков. Вероятно, половцы не являли собой исключения.

и во время их пребывания там [Баяр, 1985, с. 148–159]. Все это вполне объясняет свидетельство Арабшаха (нач. XV в.), свидетельствовавшего о том, что многие из кочевников и в его время продолжали поклоняться идолам [Тизенгаузен, 1884, с.457], а также и тот факт, что в ряде микрорегионов Восточной Европы отдельные статуи продолжали оставаться на своих первоначальных местах вплоть до XVII–XIX вв. [Кузнецов. 1980, с.70–74; Атавин, Андреева, 1998, с.231; Пьянков, 2000, с.116–118; Малахов, 1999, с.27–28; 2000, с.94–96]. Однако в «схему» совершенно не вписывается небольшая группа «половецких святилищ» с территории Дона и Северного Кавказа, исследованные в разные годы. В одном случае, такие «святилища» представляют собой глубокие грунтовые ямы (Рис. 1, Рис. 2) в курганах, внутри которых выявлены по одной каменной или же деревянной статуе. Лишь однажды, внутри такой ямы, у подножия статуи находилось два захоронения (Рис. 2). Первый скелет уложен с восточной, второй – с западной ориентировками, определяемых как «человеческие жертвоприношения» [Гугуев, 2002, с.58–59, рис. 2, 1, рис.3, рис.4], что свидетельствует о принятии давней версии С.А. Плетневой. Сами же «святилища» позиционируют как «скрытые святилища». Между тем, семантика такого термина, как «святилище», не совсем соответствует отождествлению раскопанных объектов, заведомо скрытых под толщей земли, собственно, со «святилищами». Что касается человеческих «жертвоприношений», то и они, несмотря на свою беспрецедентность, любопытны, поскольку могут восприниматься иначе. В первую очередь, как «посвящение» статуе-символу двух человеческих «жертв», хотя в этом случае нарушается принцип «святилища», поскольку объектом поклонение в таком случае становится не только сама статуя. Заманчиво в захоронениях видеть определенную смысловую семантику, поскольку захоронение, ориентированное головой на северо-восток (т.е. с сезонным отклонением к северу от востока), вполне «вписывается» в канву традиционного половецкого погребального обряда. Второй скелет был уложен на правом боку, головой на запад. Несмотря на сильный сгиб нижних конечностей в коленных суставах, а также ориентировку лицевой части погребенного лицом не к югу (в сторону Кыблы), а на север, погребение-жертву можно рассматривать и как захоронение по мусульманскому обряду. Не противоречит тому и наличие двух железных предметов, сопровождавших его. Подобные «нару-

шения» мусульманской погребальной обрядности не редкость [Халикова, 1986, с. 47–49 и сл.; Нарожный, 1988, с. 159–172]. При такой постановке вопроса, сочетание традиционных, погребально-ритуальных черт половецкого обряда и новационного, мусульманского (?), не менее символично и дает ключ к пониманию проблемы в целом. Скрытость таких ритуальных и ритуально-погребалных комплексов внутри курганов, на глубине, указывает, вероятнее всего, уже не на собственно «святилище», а напоминает самую финальную стадию в использовании каменных изваяний и кардинального изменения к самому культу почитания подобных статуй для какой-то части половцев или для половцев на каких-то территориях.

Вторая группа «святилищ» находилась под курганными насыпями в виде оградок, сложенных из камня (оградки со следами разрушения) (Рис. 3); внутри – несколько статуй, сначала поверженных со своего первоначального места, а затем уложенных плашмя и, как правило, головой на запад. На наш взгляд, и в этом случае мы сталкиваемся с попытками ритуального «захоронения» прежних культовых символов, хотя и поверженных с места их первоначального нахождения, но ритуально уложенных во внутреннем интерьере прежних и традиционных святилищ. Другими словами, и в указанных ситуациях, насколько можно довериться имеющемуся археологическому материалу, мы вправе видеть и отголоски ритуального «захоронения» статуй-символов, которым поклонялись на протяжении длительного времени [Нарожный, 2003а, с. 245–274]. На подобное восприятие подобных археологических материалов, при всей их малочисленности, косвенно свидетельствуют и другие данные. В том числе – следы раскраски статуи, опубликованной Ю.К. Гугуевым [Гугуев, 2002]. Вполне вероятно, что данный факт может указывать и на возможность подобных, изначальных раскрасок всех изваяний, либо их аксессуаров, делавших статуи при их почитании еще более эффектными. Любопытно и другое: каменные изваяния, как полагают специалисты, в смысловом значении должны были олицетворять собой, несмотря на разность существующих точек зрения, почитаемых культовых персонажей [Федоров-Давыдов, 1966, с. 3–8]. Полагаем, что в случае с половецкими изваяниями, наступает момент, когда внутри традиционной структуры общества, поклонявшегося изваяниям, наступает момент, когда они прибегают к «сокрытию» таких изваяний, или же, к ритуальным их захоронениям.

В том, что указанные процессы носили массовый характер и достаточно широкий в географическом отношении размах, помимо выше указывавшихся ситуаций, могут свидетельствовать и находки изваяний, сосредоточенные в музейных коллекциях региона. Будучи в своей основной массе беспаспортными, многие статуи имеют на внешних поверхностях («спина», лицевая сторона и боковые грани) следы от неоднократных повреждений (Рис.4), нанесенных лемехами или плугом [Нарожный, Соков. 2012б, с. 365–367]. Во-вторых, в тех случаях, когда есть устные свидетельства находчиков таких статуй, информаторы единодушно утверждают следующее:

1. Изваяния – по одному или два экземпляра находились в центральных частях небольших курганообразных всхолмлений, диаметров 4–10 м и высотой до 1 м.

2. Статуи были уложены плашмя; противоречиво ведется речь об их нахождении «лицом вверх», реже – вниз, в отдельных случаях – на боковой поверхности.

Вне зависимости от противоречивого характера сведений (других просто нет), следует обращать внимание на характер повреждений на статуях, в особенности, от интенсивной распашки и механического воздействия плугом и степень «свежести» их нанесения. Судя по ним, абсолютное большинство таких статуй, изначально, лежало в таких курганах в положении «на спине» [Нарожный, Соков. 2012б, с. 365–367]. Не имея никакой другой, дополнительной информации, остается предполагать, что и в этих случаях мы сталкиваемся с ритуальными «погребениями» культового изображения, каковым обладали такие статуи. Получается, что в какой-то момент, потомки половцев, находясь уже в составе Золотой Орды, длительное время являясь непосредственным и активными участниками этнокультурных процессов внутри Золотой Орды [Нарожный, 2005а, с. 172–194; 2008а, с.490–494], прибегают к такой практике. Некоторый толчок к пониманию данной проблемы, в свое время, дал А.О. Добролюбский. Изучая погребальный обряд средневековых кочевников Северо-Западного Причерноморья, исследователь обращает внимание на заметный факт. В золотоордынское время, на исследуемой им территории происходит процесс глобального распространения западной ориентировки погребенных, повсеместно вытеснившей более ранние и традиционные ориентировки. В итоге, исследователь приходит к выводу о том, что происходит «отказ от

сознательного сохранении ориентировок могил по странам света – они потеряли для них былой смысл, либо приобрели какой-то новый» [Добролюбский, 1988, с.41]. По всей вероятности, тот самый «новый смысл» и заставлял кочевников постепенно отказываться от «старых» и традиционных культово-ритуальных и погребальных традиций и обрядов. Определялся он тем, что с момента окончания завоевательных компаний конца 1230 – начала 1240-х годов и образования Золотой Орды проходит достаточно длительный период, насыщенный не только бурными политическими событиями, но и этнокультурными процессами [Нарожный, 2008а, с.490–494], самого разнообразного содержания. Смешение (миксации), культурообразующие, или даже, культурообразующие явления, вызванные к жизни не только внутренней политикой Золотой Орды, вероятно, способствовали не только формированию, по определению Г.А. Федорова-Давыдова, «синкретической материальной культуры», но и определялось «синкретизмом» самого населения, в особенности, родившегося и уже выросшего внутри Золотой Орды. В XIV веке, вероятно, складываются условия, в рамках которых, в традиционной погребальной обрядности начинается глобальное изменений традиционных ориентировок погребенных на всеобщую, западную, что, вероятно, подталкивалось и начавшимся процессом исламизации [Нарожный, 2005а, с.173–194], протекавшей неоднозначно и с разной степенью «сопротивления» ей традиционными структурами [Мыськов,2004, с. 157–160; Нарожный, 2011, с. 264–271]. Во всяком случае, указанные явления не только способствовали частичному сохранению населением прежних, «старых» традиций. Постепенно происходит и их замена «новыми», в рамках которых и происходила смена ориентировок погребенных на западную, наблюдаемую в захоронениях не только тюркоязычных кочевников. То же самое наблюдается и в погребениях потомков «монголов», переселившихся в Восточную Европу [Нарожный, 2003а, с. 245–274; 2005а, с. 176–194; 2008ж, с. 142–147 и др.]. По всей вероятности, наступает и момент, когда традиционные «святилища» и статуи-символы перестают быть таковыми для новых поколений половцев Золотой Орды, которые и прибегают к практике т.н. «сокрытия», а на самом деле – к ритуальному «захоронению» как некогда почитавшихся изваяний, так и культовых мест-святилищ.

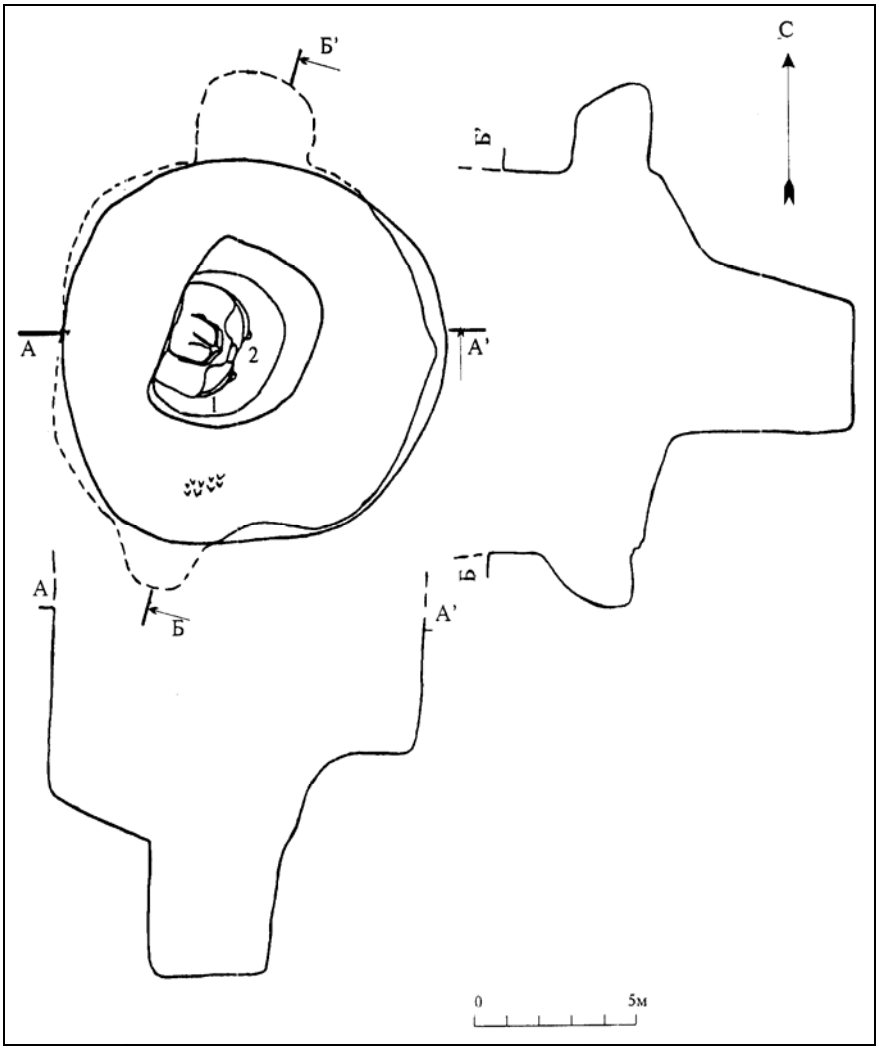

Рис. 1. Яма-«святилище» с территории Ставропольского края (по А.Г. Атавину и М.В. Андреевой).

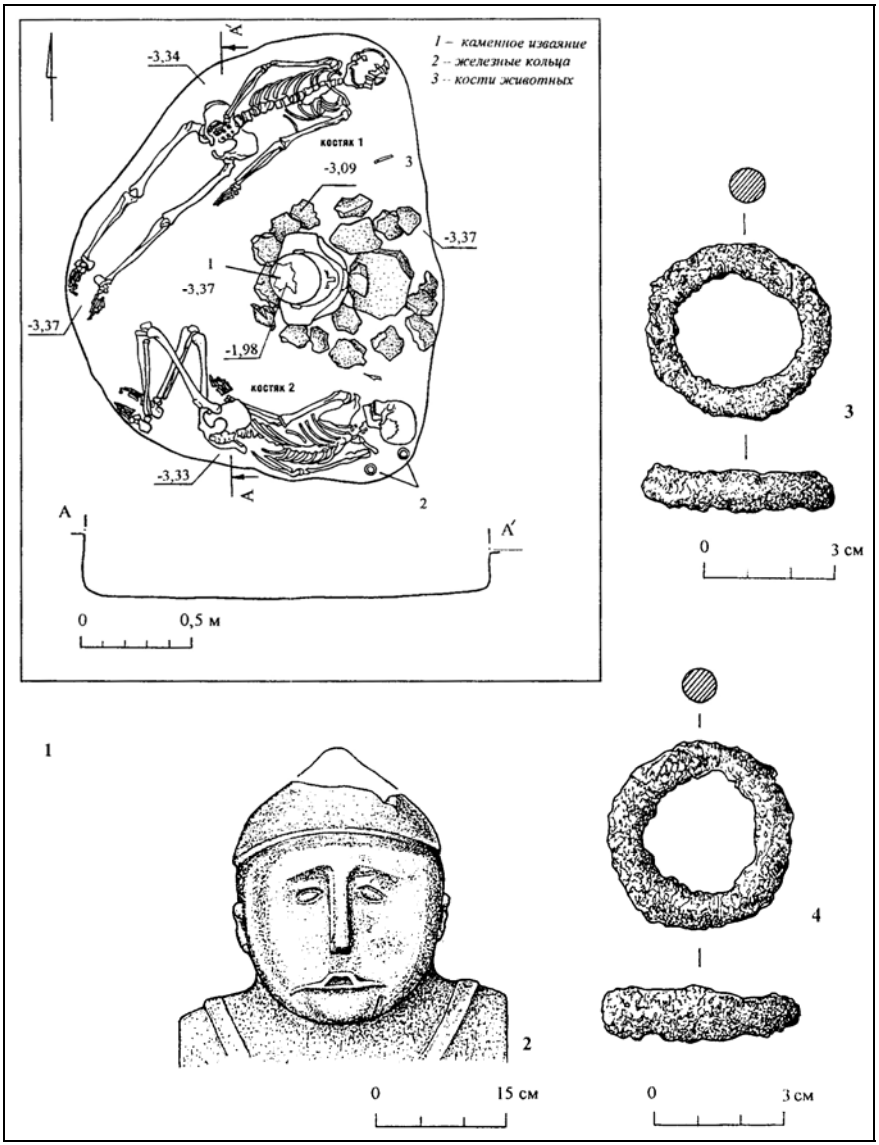

Рис. 2. «Святилище с человеческими жертвоприношениями» (по Ю.К. Гугуеву).

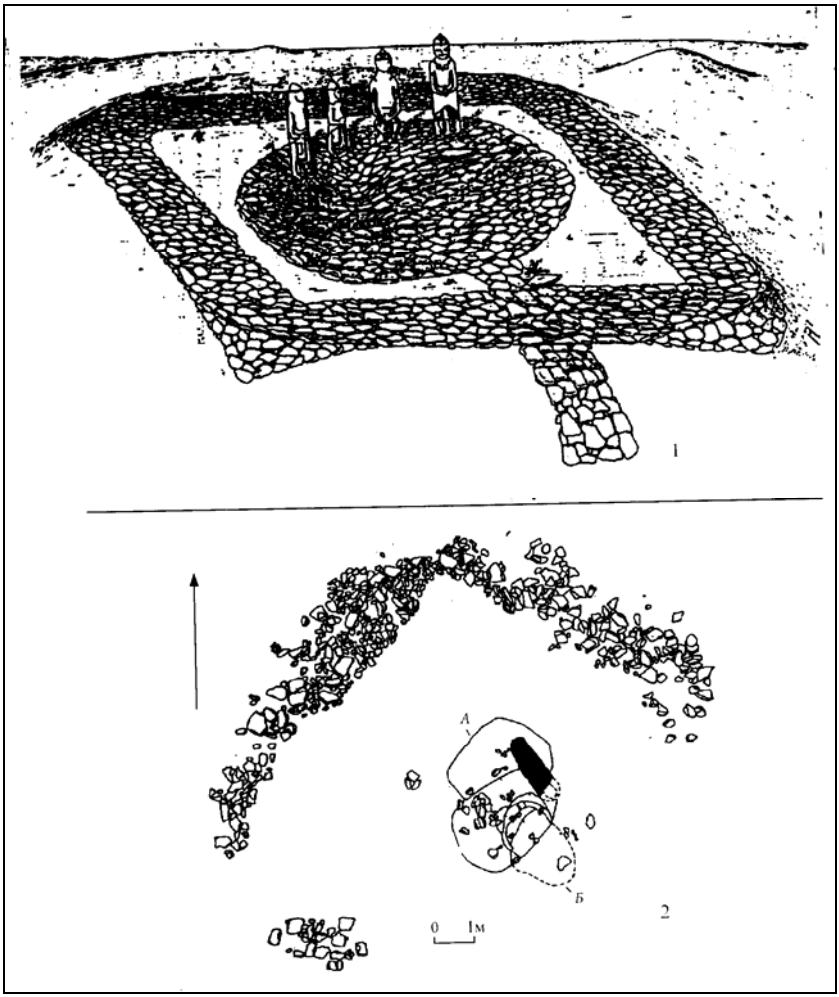

Рис. 3. Реконструкция каменного святилища
(по С.В. Гуркину и Ю.К. Гугуеву).

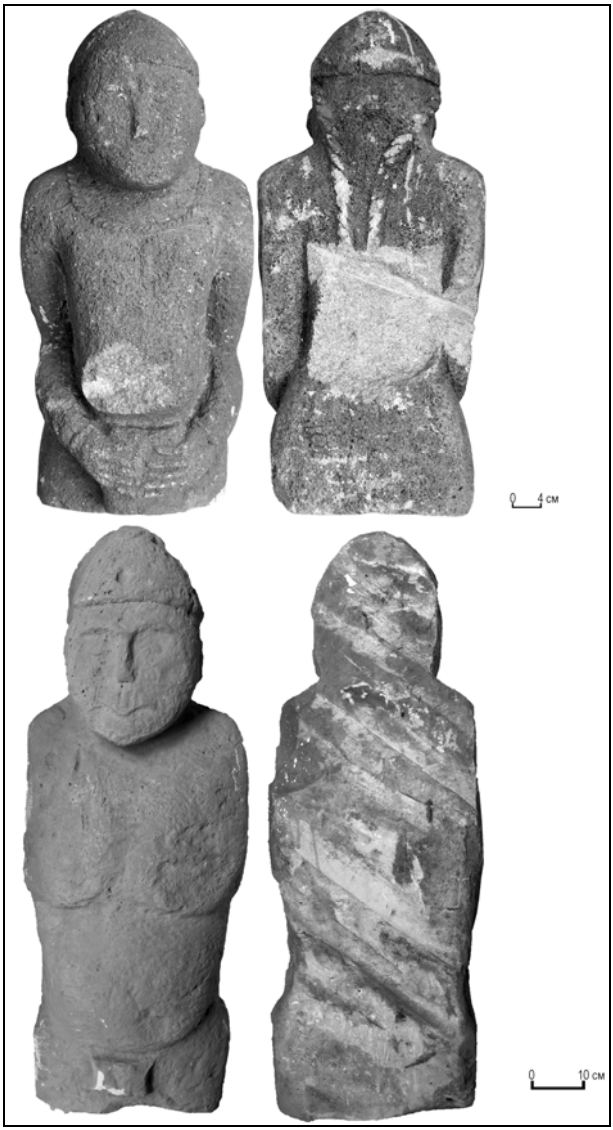

Рис. 4. Фото половецких каменных баб со следами механического воздействия во время сельхозработ.

Список источников и литературы:

Анфимов, Зеленский, 2002а – Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из восточного Приазовья // ИАА. Армавир-М.: АКМ-ИА РАН. Вып.8. 2002. С.68–71.

Анфимов, Зеленский, 2002б – Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В.К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического захоронения у станицы Староминской // МИАК. Краснодар: КубГУ, 2002. Вып.2. С. 164–167.

Армарчук, Малышев, 1997 – Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Армавир-М.: АКМ-ИА РАН. 1997. Вып.3. С.92–114.

Атавин, Андреева, 1998 – Атавин А.Г., Андреева М.В. Половецкое святилище из Ставрополья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. Вып.1. С.231–234.

Бабенко В.А. Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6: Золотоордынское время. Донецк: ДГУ-ИА НАН Украины, 2008. С.167–197.

Бабенко В.А., Калмыков А.А. Позднекочевнические погребения из курганных могильников Золотаревка-6 и Золотаревка-7 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 7: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М.: «Памятники исторической мысли», 2007. С. 225–244.

Басов В.И., Нарожный Е.И. Новые позднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа // МИАСК. Армавир: РМЦ АГПИ, 2005. Вып.1. С. 199–214.

Батчаев, 1980 – Батчаев В.М. Предкавказские половцы и вопросы средневековой тюркизации Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: «Эльбрус», 1980. Вып.1. С. 162–187.

Батчаев, 1988а – Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: «Эльбрус», 1988. 120 с.

Батчаев, 1988б – Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджара»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С.160–179.

Батчаев, 2006 – Батчаев В.М. Балкария в XV–XIX вв. М.: Институт археологии Кавказа. 2006. 260 с.

Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Батырского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: «Наука». Сиб-е отд-е, 1985. С.148–159.

Березин СЯ., Березин Я.Б., Нарожный Е.И. Средневековые кочевнические погребения из курганного могильника Ильинский-1 на Ставрополье // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2011. С. 236–237.

Березин, Нарожный, Иванченко, 2003 – Березин С.Я., Нарожный Е.И., Иванченко К.С. О каменных статуях верхнего Прикубанья (По сведениям Ф. Жиля и Г.Н. Прозрителева) // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Сборник тезисов студентов. Армавир, 2003. Вып.9. С.4–5.

Биджиев, 1983 – Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск. 1983. 275 с.

Бочкарев, Чхаидзе, 2009 – Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2009. Вып. 10. С.127–144.

Волков, Ларенок, 1988 – Волков И.В., Ларенок П.А. Половецкое святилище на Нижнем Дону // ВМГУ. История. М.: МГУ, 1988. № 1. С. 85–88.

Вольная, Нарожный, Ростунов, 2004 – Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. Поселение скифского времени и могильник XIV–XV веков «Сухая балка» (Северная Осетия) // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2004. Вып.3. С.229–262.

Голубев, 2004 – Голубев Л.Э. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // МИАК. Краснодар: КубГУ, 2004. Вып.4. С. 249–253.

Горелик, 1987 – Горелик М.В.Ранний монгольский доспех X–XIV вв. // Археология. Этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб-е отд-е, 1987. С.67–98.

Горелик, 2008 – Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2008. Вып. 9. С.139–169.

Гугуев, 1998 – Гугуев Ю.К. Половецкий поминальник с деревянной статуей на р. Маныч // ДА. Ростов-на-Дону, 1998. №1. С. 38–53.

Гугуев, Гуркин, 1992 – Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкие святилища середины XI – начала XIII в. на Правобережье Дона // Донские древности. Азов: АКМ, 1992. Вып. 1. С.111–143.

Гуркин, 1991 – Гуркин С.В. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов, 1991. Вып.10. С.103–114.

Гуркин, 1998 – Гуркин С.В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА СССР // ДА. Ростов-на-Дону, 1998. №1. С.29–37.

Добролюбский, 1988 – Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова Думка, 1988. 160 с.

Дружинина, 2007 – Дружинина И.А. Курганный могильник в урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в 1882 г.) // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2007. Вып.8. С.158–176.

Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011 – Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: РИЦ АГПА, 2011. 264 с.

Ждановский, 1977 – Ждановский А.М. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // СА. 1977. №1. С.289–292.

Зеленский, 1997 – Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // ИАА. Армавир-М.: АКМ-ИА РАН, 1997. Вып.3. С.89–91.

Зеленский, 2001 – Зеленский Ю.В. Формирование коллекции половецких каменных изваяний Краснодарского историко-археологического музея-заповедника // Музейный вестник. Краснодар: КГАМ, 2001. Вып.3. С.32–37.

Зеленский, 1999 – Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник. Краснодар, 1999. Вып.1. С.63–68.

Зеленский, Цокур, 2003 – Зеленский Ю.В., Цокур И.В. Погребение половчанки из Прикубанья // МИАК. Краснодар: КубГУ. 2003. Вып.3. С.209–212.

Иессен, 1941 – Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.-Л., 1941. С.3–87.

Кочкаров, 2004 – Кочкаров У.Ю. Позднекочевнические погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. М., 2004. № 217. С.94–107.

Крамаровский, 2001 – Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 гг. Казань, 2001. С.47–81.

Кудряшов, 1948 – Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М.: ОГИЗ География, 1948. 170 с.

Кузнецов, 1980 – Кузнецов В.А. Тюркские каменные изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: «Эльбрус», 1980. Вып.1. С.69–78.

Ларенок, 2001 – Ларенок В.А. Половецкие изваяния из фондов таганрогского музея-заповедника // ДА. Ростов-на-Дону, 2001. №1–2. С.79–88.

Лопатин, Лопатина, 2001 – Лопатин А.П., Лопатина Т.Е. Каменное половецкое изваяние из станицы Прочноокопской // ИАА. Армавир-М., 2001. Вып.7. С.110–111.

Мавродина, 1983 – Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники. Печенеги, торки, половцы. Историографический очерк. Л.: Наука, 1983. 80 с.

Малахов, 2000 – Малахов С.Н. Северокавказские каменные изваяния с христианскими символами: итоги и проблемы изучения // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000. С. 94–96.

Малахов, 1999 – Малахов С.Н. Новые данные к атрибуции половецких каменных изваяний в Предкавказье // Шестые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). Армавир: РИЦ АГПИ, 1999. С.27–28.

Мамаев, 2008 – Мамаев В.В., Нарожный Е.И. О половецких каменных изваяниях на фотографиях из Дагестана и станицы Николаевской Успенского района Краснодарского края // МИАСК. Армавир: РИЦ АГПА, 2008. Вып. 9. С.189–190.

Марченко, Пьянков, 2002 – Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова щель // МИАК. Краснодар: КубГУ, 2002. Вып.1. С.168–213.

Махортых, 1981 – Махортых С.В. Об Ичкеринских скифоидных стелах // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный: ЧИГУ, 1981. С.29–31.

Минаева, 1964 – Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1964. Вып. II. С.162–187.

Мыськов, 2003 – Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: ВГПИ, 2003. 176 с.

Навротский, 1995 – Навротский Н.И. Половецкие каменные изваяния из Армавирского краеведческого музея // ИАА. Армавир-М.: АКМ-ИА РАН, 1995. Вып.1. С.157–164.

Навротский, Нарожный – Навротский Н.И., Нарожный Е.И. Половецкие каменные изваяния Среднего Прикубанья // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья. Армавир: АГПИ, 1992. С.14–15.

Нарожный, 1988 – Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских захоронений Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С.159–172.

Нарожный, 1996 – Нарожный Е.И. О маршруте движения Чингизидов в 1222 году // Археология и краеведение Кубани. Материалы 1-й Краевой межвузовской студенческо-аспирантской конференции. Армавир-Краснодар: АГПИ-КубГУ, 1996. С.5–6.

Нарожный, 1999 – Нарожный Е.И. О каменной статуе из Черкесского музея (По поводу историко-культурной атрибуции Т.М.Минаевой и Х.Х. Биджиева) // III «Минаевские чтения»: Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 58–62.

Нарожный, 2000 – Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 138–150.

Нарожный, 2002а – Нарожный Е.И. О раннесредневековых изваяниях Прикубанья (Некоторые аспекты проблемы) // Девятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир, 2002. С.35–39.

Нарожный, 2002б– Нарожный Е.И. О верхнекубанских средневековых изваяниях // МИАК. Краснодар, 2002. Вып.2. С.131–143.

Нарожный, 2003а – Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецкое и золотоордынское время. Сб. научных трудов. Донецк: ДГУ-ИА НАН и ВАК Украины, 2003. С. 245–274.

Нарожный, 2003б – Нарожный Е.И. Половцы или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК. Вып.2 Армавир, 2003. С.212–223.

Нарожный, 2005а – Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимовоздействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. 220 с.

Нарожный, 2005б – Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Савостьянова) // МИАСК, Армавир, 2005. Вып.5. С. 226–244.

Нарожный, 2007 – Нарожный Е.И. Новый вариант версии тюркизации предков современных балкарцев (по поводу двух публикаций В.М. Батчаева) // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Пятигорск: ПГТУ, 2007. Вып.8. С. 14–28.

Нарожный, 2008а – Нарожный Е.И. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. М.: ИА РАН, 2008. Т.2. С.490–494.

Нарожный, 2008б – Нарожный Е.И. О датировке и этнокультурной атрибуции некоторых средневековых кочевнических комплексов // МИАСК. Армавир, 2008. Вып.9. С.160–172.

Нарожный, 2008в – Нарожный Е.И. Погребение 1 кургана 7 Кардоникского могильника в Зеленчукском районе Карачаево-Черкессии // АЖ. Армавир, 2008. № II. С.95–99.

Нарожный, 2008г – Нарожный Е.И. О событиях 1222 года на Северном Кавказе (Листая страницы «Историй…» различных уголков Юга России) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар: КГУКИ, 2008. №3.С.70–75.

Нарожный, 2008д – Нарожный Е.И. Новые находки половецких изваяний с территории Прикубанья (предварительная публикация) // АЖ. Армавир, 2008. № II. С.75–79.

Нарожный, 2008е – Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. Сб. памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН. 2008. С.525–542.

Нарожный, 2008ж – Нарожный Е.И. Этнографо-археологические признаки «монгольских» погребальных комплексов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. // Интеграция этнографических и археологических исследований. Сборник научных трудов. Материалы XVI международного научного сим-

позиума: «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Соболева. Новосибирск-Омск, 2008. С.142–147.

Нарожный, 2010а – Нарожный Е.И. Этапы тюркизации Северного Кавказа (некоторые проблемы и перспективы изучения) // Аланы и ясы в этнической истории регионов Евразии.- Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 24–26 июня 2010 года. Карачаевск, 2010. С.174–193.

Нарожный, 2010б – Нарожный Е.И. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Магас. 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. Магас, 2010. С.174–193.

Нарожный, 2010в – Нарожный Е.И. Кочевнические погребения из-под Усть-Лабинска (некоторые комментарии к сведениям Н.И.Веселовского) // МИАСК. Армавир, 2010. Вып. 11. С.164–169.

Нарожный, 2011 – Нарожный Е.И. Из истории исламизации в северокавказских владениях Золотой Орды // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Материалы Всероссийской научной конференции.7–8 октября 2011 г. Карачаевск. 2011. С.264–271.

Нарожный, 2012 – Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы Сб. материалов III международной научно-практической конференции. Красноярск-Кызыл, 2012. С.138–142.

Нарожный, Нарожная, 2001 – Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О золотоордынских памятниках в окрестностях с Рагули на Ставрополье // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. 1. Армавир, 2001. С.21–26.

Нарожный, Охонько, 2000 – Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новые раннеджучидские комплексы Северного Кавказа // IV «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа: Материалы региональной конференции. Ставрополь, 2000. С.27–31.

Нарожный, Охонько, 2007 – Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7). Армавир-Ставрополь, 2007. 187 с.

Нарожный, Охонько, 2011 – Нарожный Е, Охонько Н. Новопавловский кочевнический могильник эпохи Золотой Орды. Публикация материалов. Saarbrücken. LA P – 2011. 220 с.

Нарожный, Соков, 2008 – Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв. Некоторые итоги и перспекти-

вы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии. Международный сборник научных трудов. Кемерово-Алматы, 2008. С.17–39.

Нарожный, Соков, 2011 – Нарожный Е.И., Соков П.В. Новые средневековые изваяния с территории Средней Кубани // МИАСК. Армавир, 2011. Вып.12. С. 141–148.

Нарожный, Соков, 2012а – Нарожный Е.И., Соков П.В.Средневековые каменные изваяния из музея г. Тихорецка (Краснодарский край) // ИАА. Армавир-Краснодар-М., 2012. Вып.11 (в печати).

Нарожный, Соков, 2012б – Нарожный Е.И., Соков П.В. Новые находки средневековых каменных изваяний на Северном Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и материалы. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Издательский дом Мавраевъ, 2012. С.365–367.

Нарожный, Соков, Харольская, 2012 – Нарожный Е.И., Соков П.В., Харольская О.Г. Новое каменное изваяние эпохи средневековья из Выселковского района Краснодарского края // МИАСК. Армавир-Краснодар, 2012. Вып.13 (в печати).

Нарожный, Соловьев, 2003 – Нарожный Е.И., Соловьев А.Г. Новое половецкое каменное изваяние с правобережной Кубани //Десятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир, 2003. С.27–28.

Нарожный, Токарева, 1994 – Нарожный Е.И., Токарева И.О. О возможной исторической интерпретации результатов раскопок половецких святилищ // Археология и краеведение Кубани. Материалы Второй межвузовской студенческой конференции. Армавир, 1994. С.22–23.

Нехаев, Голубев, Чхаидзе, 2009 – Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная в Краснодарском крае // МИАСК. Армавир, 2009. Вып.10. С.145–156.

Ольховский, 1998 – Ольховский В.С. К изучению скифской скульптуры Северного Кавказа // ИАА. Армавир-М., 1998. Вып.4. С.28–39.

О происхождении, 1960 – О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. 150 с.

Плетнева, 1958 – Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Плетнева, 1974 – Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2. М.: Наука, 1974. 170 с.

Плетнева, 1981 – Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.

Плетнева, 1995 – Плетнева С.А. Об Армавирской коллекции половецких каменных изваяний // ИАА. Армавир-М., 1995. Вып.1. С.165–166.

Половцы, 1970 – Половцы // Казачий словарь-справочник. Т.2. Сост. Г.В. Губарев. Сан-Ансельмо (Калифорния), 1970. С.70–80.

Прокопенко, 2001 – Прокопенко Ю.А. Половецкое изваяние из поселка Радуга // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь: СГУ, 2001. С.111–113.

Пьянков, 2000 – Пьянков А.В Некоторые проблемы изучения верхнекубанских изваяний средневекового времени // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск, 2000. С.116–118.

Пьянков, Зеленский, 1994 – Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. Позднекочевническое захоронение из степного Закубаня // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. Армавир, 1994. С.45–47.

Пьянков, Хачатурова, 1995 – Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Армавир-М., 1995. Вып. 1. С.154–156.

Савельев. 1915 – Савельев Е.П. Древняя история казачества (Историческое исследование). Новочеркасск, 1915. 120 с.

Соснина, 2000 – Соснина Е. Край этот причудлив. Малоизвестные страницы истории Кавказских минеральных вод (перевод с франц. яз.). Пятигорск. 2000. 110 с.

Соков, 2003 – Соков П.В. О кочевнических захоронениях с территории Кубинского городища в Карачаево-Черкессии // Десятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир: АГПИ, 2003. С. 12–13.

Ставропольский, 2005 – Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ставрополь, 2005. 160 с.

Тарабанов, 1991 – Тарабанов В.А. Половецкие каменные изваяния Краснодарского музея-заповедника// Древности Кубани (Материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991. С.91–94.

Твалчелиридзе, 1897 – Твалчелиридзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. 640 с.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. 632 с.

Федоров Я.А., Федоров Г.С, 1978 – Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.,1978. 210 с.

Федоров-Давыдов, 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. 260 с.

Федоров-Давыдов, 1976 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 160 с.

Фелицын, 1882 – Фелицын Е.Д. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882, карта.

Халикова, 1986 – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – XIII в. Казань: КГУ, 1986. 160 с.

Чхаидзе, 2007 – Чхаидзе В.Н. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // АЖ. Армавир: ЦАИ АГПА, 2007. №1. С.66–69.

Чхаидзе, 2008а – Чхаидзе В.Н. Кочевнические погребения из раскопок Старотиторовского II могильника на Таманском полуострове // АЖ. Армавир, 2008. № II. С.89–94.

Чхаидзе, 2008б – Чхаидзе В.Н. Погребения средневековых кочевников и тюркские каменные изваяния из степного Прикубанья // МИАСК. Армавир, 2008. Вып.9. С.118–138.

Чхаидзе, 2009 – Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. // МИАСК. Армавир, 2009. Вып.10. С.116–126.

Чхаидзе, 2010 – Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИАСК. Армавир, 2010. Вып. 11. С.154–163.

Чхаидзе, Дружинина, 2010в – Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2010б. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционное военное искусство народов Евразии. М., 2010. №1. С.110–123.

Чхаидзе, Дружинина, 2010а – Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV в. из сел. Лосево в степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8: Золотоордынское время. Донецк, 2010.

Чхаидзе, Дружинина, 2008 – Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // АЖ. Армавир, 2008. № II. С.79–88.

Щербина, 2010 – Щербина Ф.А.История кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 2001 (Репринт 1916 г.). 640 с.

E.I. Narozhny

KUMANS OF NORTH CAUCASUS
(Some outputs and perspective of studying)

The article offers a brief historiographical overview of the researchers' viewpoint of the time of Kuman emergence in the North Caucasus, the chronology and dynamics of their staying here and the posterior historical destinies. On the basis of recording the Kuman sculptures they propose the version explaining

the causes of mass “burials” of Kuman sculptures emerging in small mounds in the region connected with the process of Islamization of the Kuman in the XIV century that predetermined the process of radical rejection of old and traditional cults and rituals, extruded by the process of converting to Islam.

Keywords: North Caucasus, Kuman, sculptures, resettlement, Islamization.

Сведения об авторе

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, зав. сектором системного изучения историко-археологических древностей ОАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар); e-mail: zai_ein@ mail.ru

Narozhny Evgeny Ivanovich – doctor of historical sciences, head sector of systematic study of historical and archaeological antiquities of the OJSC «Heritage of Kuban» (Krasnodar); e-mail: zai_ein@mail.ru

УДК 902(470.4:470.5)

В.А. Иванов

«КИПЧАКИЗАЦИЯ» УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Проблема времени и масштабов освоения племенами сары-кипчаков/половцев степей Урало-Поволжского региона исследователями поднималась неоднократно и решалась каждым по-своему. Причем, в зависимости от количества и характера источниковой базы роль кипчаков в этнической истории региона или занижается (Г.А.Федоров-Давыдов, В.П.Костюков), или преувеличивается (Р.Г.Кузеев, Б.Е.Кумеков, В.А.Иванов, В.А.Кригер, И.В.Антонов).

В настоящее время объем археологических материалов по средневековым кочевникам Урало-Поволжья позволяет с высокой степенью достоверности очертить круг кипчакских/половецких памятников в регионе и оценить динамику и масштабы его «кипчакизации». Схематически этот процесс выглядит следующим образом. В домонгольский период – XI–XII вв. – волна половецко-кипчакской миграции, в составе которой, по-видимому, находились и какие-то кимакские группы (наличие курганов с каменными конструкциями в Южнорусских степях) проходит степи Урало-Поволжья практически без остановки. Объясняется это в том числе и тем, что в это время территория региона находилась в заключительной стадии аридизации, то есть, природно-климатические условия здесь были близки современным и для полномасштабного кочевания мало пригодными. Следовательно, в домонгольский период этническая карта региона формировалась без их активного участия.

В эпоху Золотой Орды в степях Урало-Поволжья выделяются две этнокультурные группы кочевников, оставившие «каменные» и земляные курганы. Этнические корни первых уходят в кочевой мир Центральной Азии, а в формировании вторых прослеживается участие половецких/кипчакских племен степей Восточной Европы.

***Ключевые слова*:** половцы, кипчаки, кимаки, миграция, аридизация, гумидизация, историко-этнографическая область, Улус Джучи, Улус Шибана.

Начать данную статью, очевидно, следует с небольшой ремарки о том, что для этноисториков и археологов-медиевистов настала пора объединить свои усилия в деле реконструкции этнокультурной,

этнополитической и социально-экономической истории народов Урало-Поволжского региона. Все дальнейшие «сольные» (с точки зрения научных дисциплин) изыскания в этом направлении очень будут похожи на рассуждения гурманов о тонкостях кухни, которую никто из рассуждающих не пробовал, но много о ней слышал. К проблеме кипчакизации региона сказанное относится самым непосредственным образом.

Особый кипчакский этап в этнической истории в этнической истории населения Южного Урала и Приуралья впервые выделил Р.Г.Кузеев в своей, ставшей уже классической, книге, посвященной этногенезу башкир. Основным содержанием этого этапа ученый видел миграцию в Приуралье кипчакских племен с территории современного Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья. Наиболее активно, по мнению исследователя, этот процесс протекал во второй половине XII – начале XIII вв. Ареал расселения кипчаков в Волго-Яицком междуречье автор совмещает с границами гузо-печенежских кочевий, доводя его на севере до широты Жигулевских гор.

Вместе с тем, отсутствие соответствующих археологических памятников и других историко-этнографических данных (например, кипчакских этнонимов) домонгольского периода дало исследователю основание считать, что собственно кипчакская волна в Башкирию в домонгольское время не была мощной, кипчакское влияние на местное приуральское население (булгар и древних башкир) выразилось в языке и культуре через посредство «кьшчакизированных родо-племенных групп, остававшихся на путях движения кипчаков», тогда как сами кипчаки, «занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север» [Кузеев, 1974, с. 455–457].

Кипчакизацию региона, в смысле массового проникновения и расселения соответствующих родо-племенных групп (кипчакской, катайской, табынской, минской), исследователь связывает с этнополитическими коллизиями XIII–XIV вв., когда в результате разгрома кипчаков войсками Джучи-хана (о чем имеются сведения у Абу-л-Гази) и с появлением в Приуралье новых волн кочевников (правда, Р.Г.Кузеев не указывает – каких именно) происходит заселение кипчаками всей юго-западной Башкирии, от Самары на юге до низовьев Белой на севере. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовый сдвиг кочевников Приуралья (древних башкир) – на север, вплоть до

Пермских земель, и на восток, на Урал и в Зауралье. Закончился этот процесс формированием на базе взаимодействия пришлых кипчаков и местного прикамско-приуральского населения кипчако-булгарской или урало-поволжской подобщности языков кипчакской группы и сложением тех этнокультурных признаков, которые и легли в основу современной этнической характеристики башкирского народа [Там же, с. 184–185, 463–481].

Накопленная к началу 80-х годов источниковая база по археологии Южного Урала и Приуралья и существующие в то время точки зрения исследователей по поводу этнических интерпретаций тех или иных археологических культур вызвали к жизни концепцию Р.Г.Кузеева о Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО), в окончательном виде изложенную в специальной монографии, увидевшей свет в 1992 г. [Кузеев, 1992]. Но предварительно основные положения этой концепции, касающиеся ранних этапов формирования Волго-Уральской ИЭО, были изложены в серии статей, выпущенных исследователем в соавторстве с коллегами – этнографами, лингвистами и археологами – в первой половине 1980-х гг. Согласно предложенной концепции, в истории означенной ИЭО выделяются шесть этапов, охватывающих время с середины II тыс. до н.э. по XIX в. включительно. Каждый из этих этапов характеризуется соответствующими этнокультурными изменениями, вызванными этнополитическими процессами евразийского масштаба. До середины II тыс. н.э. эти изменения иллюстрируются динамикой археологических культур в регионе.

Основное содержание четвертого этапа в истории Волго-Уральской ИЭО (для региона – период монгольской экспансии) – массовое расселение здесь кипчакских племен, сыгравших роль этнического нивелира для местного (прежде всего – тюркского) населения. В плане контуров этнической карты региона это было время сокращения этнической территории волго-камских и приуральских финно-угров – мордвы, марийцев и удмуртов [Кузеев, Гарипов, Иванов, Моисеева, 1982, с. 9–11; Кузеев, Иванов, 1983, с. 15–16; 1984, с. 12–15].

Если в упомянутых выше работах давалась в основном общая схема этнической истории Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья, то в работах других исследователей уже проводилась конкретизация этнического состава населения отдельных районов региона в эпоху средневековья. Так, В.А.Кригер, проведя сравнительно-типологический анализ погребений XII–XIV вв. в степях Южного

Приуралья и синхронных им памятников Нижнего Поволжья и восточных областей южнорусских степей, пришел (а параллельно с ним – и автор этих строк) к выводу о том, что по своим морфологическим признакам курганы эпохи Золотой Орды в степях Урало-Поволжья – типично кипчакские [Кригер, 1984, с. 114–115; Иванов, 1984, с. 94–96]. Он же первым обратил внимание на наличие в степном Приуралье двух локально-типологических групп курганов кипчакского времени, отличающихся друг от друга оформлением надмогильных сооружений, ориентировкой погребенных, типами ритуальных конских захоронений, что в немалой степени способствует археологической конкретизации выдвинутого на основании письменных источников тезиса о полиэтничности кипчакского кочевого объединения (Дешт-и-Кипчак), западная граница которого, как считает В.А.Кригер, проходила по Волге [Кригер, 1985, с. 20–25].

Несколько позже в совместной монографии, посвященной анализу погребальных памятников Южного Приуралья XII–XIV вв. («кипчакского времени»), В.А.Кригер и автор этих строк попытались обосновать их кипчакскую принадлежность, используя для этого и сведения средневековых авторов, и археологические аналогии, и результаты историко-этнографических исследований [Иванов, Кригер, 1988, с.55–68].

Обобщением всех выдвинутых к началу 1990-х гг. точек зрения на этногенетические процессы в регионе явилась монография Р.Г.Кузеева, посвященная истории формирования Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО) [Кузеев, 1992]. В основе данного исследования лежит синтез данных археологии, антропологии, исторической этнографии и лингвистики, что позволило автору создать стройную, а главное – не противоречивую концепцию формирования этнической карты Урало-Поволжья, начиная с эпохи древности.

Интересующую нас эпоху в истории населения региона Р.Г.Кузеев разбивает на несколько периодов, которые условно можно назвать «добулгарским», «булгарским» и «кипчакским или золотоордынским»[1]. При реконструкции истории «добулгарского» периода исследователь во главу угла ставит проблему ранней тюркизации Урало-Поволжья и, на основании анализа системы этнокультурных интер-

[1] Сам Р.Г.Кузеев специально обозначает только раннебулгарский и булгарский периоды.

претаций имеющегося археологического материала первой половины I тыс. н.э. и данных исторической лингвистики, приходит к выводу о том, что начало массового проникновения тюрков в Волго-Уральскую область произошло не ранее последних столетий I тыс. н.э. и было связано с миграцией сюда булгарских племен [Там же, с. 46].

Процесс этот, по мнению исследователя, сопровождался установлением булгарской этнокультурной доминанты в лесостепной зоне региона[2], тогда как степи Приуралья и Заволжья в конце IX – X вв. становятся частью собственно тюркской, огузо-печенежской ойкумены. Составлявшие её кочевнические племена буквально с самого начала своего расселения в регионе активно включаются в процессы формирования Волго-Уральской ИЗО через взаимодействие с этнокультурным миром волго-уральской лесостепи [Там же, с. 58 и сл.]. Но в целом Волго-Уральская степь с её кочевническим (тюркским) населением к началу II тыс. н.э. становится южной границей рассматриваемой ИЭО [Там же, с. 66 и сл.].

В результате к началу монгольского нашествия в регионе складывается достаточно сложная этнокультурная ситуация, в которой, наряду с булгарами и башкирами, заметное положение продолжали сохранять и приуральские угры (носители чияликской культуры), хотя и находившиеся под мощным воздействием булгарской (тюрко-мусульманской) культуры [Там же, с. 78 и сл.].

Со второй половины XIII в., как считал Р.Г.Кузеев, этнокультурная пестрота в регионе нивелируется под воздействием **кипчакского этнического пласта, в эпоху Золотой Орды покрывшего степные и отчасти лесостепные районы Урало-Поволжья и обусловившего «общность не только значительных (в том числе и духовных) сфер культуры мишарей, татар и башкир, но и параллельное развитие и близость их языков»** [Там же, с. 79] (выделено мной – В.И.).

[2] Характерная деталь: в 1980-е годы в регионе археологией средневековых кочевников занимались только два исследователя: В.А.Кригер и автор этих строк. Сейчас здесь нет исследовательского центра, где не было бы своего специалиста по средневековым кочевникам. С одной стороны, это не может не радовать. С другой – вызывает недоумение отсутствием роста источниковой базы и новых методических подходов к анализу уже имеющегося материала.

В последующем, по мере накопления археологического материала, другими исследователями были высказаны и другие точки зрения об этнической принадлежности кочевников, оставивших в регионе погребения XIII–XIV вв. Суть их сводится к следующему: поскольку сейчас совершенно определенно установлено, что кочевники эпохи Золотой Орды в степях Урало-Поволжья оставили погребения двух больших групп – под земляными курганами и каменными конструкциями – считать их однородным этническим массивом (кипчакским) нельзя. И поскольку наиболее близкие аналогии «каменным» курганам мы находим на востоке Великого пояса евразийских степей, генетические корни оставившего их населения следует искать там же. То есть, наиболее вероятно, что «каменные» курганы оставлены племенами тюрко-монгольского происхождения – канглами, найманами, уйгурами и др. [Костюков, 2006, 2006а; 2010; Матюшко, 2008; Яминов, 2006].

Что же касается собственно кипчаков, то наиболее определенно по поводу их роли и места в этнической карте степей Южного Приуралья и Зауралья высказался В.П.Костюков. Опираясь на результаты перекрестного анализа данных археологии и средневековых письменных источников, он пришел к выводу о том, что на территории Улуса Шибана (степи Южного Зауралья и Приуралья – район плотной локализации «каменных курганов») в XIII–XIV вв. обитали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков, «в массе которых кыпчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [Костюков, 2006, с.200–235].

В начале 2000-х годов, когда целенаправленные полевые археологические изыскания в Урало-Поволжье окончательно сошли на нет, у исследователей-кочевниковедов региона обозначилась тенденция пересматривать или уточнять и дополнять выводы своих предшественников, правда, без обновления источниковой базы или совершенствования методики ее обработки. Характерный пример – одна из последних работ А.Ф.Яминова, посвященная обновлению типологии погребального обряда кочевников эпохи Золотой Орды.

А.Ф.Яминов, критически рассматривая типологию погребальных памятников эпохи Золотой Орды в степях Восточной Европы, разработанную в свое время Г.А.Федоровым-Давыдовым и использованную затем В.А.Ивановым и В.А.Кригером при характеристике погребений Урало-Поволжья, пришел к выводу о том, что данная

типология, примененная к памятникам Южного Приуралья, приводит к автоматическому разрыву источников и образованию фрагментарности в морфологических характеристиках сравниваемых групп памятников. В свою очередь, сам он предлагает свою типологию погребальных комплексов региона XIII–XIV вв., в основе которой лежат «такие детали захоронения, которые почти во всех случаях фиксируются исследователями – характеристика насыпи, ступеньки, подбои, ориентировка. Отделы выделяются по конструктивным особенностям сооружения насыпи. Типы же выделяются по форме могильной ямы, ориентировке погребенного и наличию или отсутствию костей коня». В итоге автор погребения Южного Приуралья разделяет на 10 отделов и 57 типов, в количественном выражении представленные от 1 до 65 погребений [Яминов, 2006, с.440–442]. Сам исследователь считает, что «столь большой набор типов[3] связан с полиэтничностью населения региона, смешение которого и явилось причиной появления такой вариабельности захоронений. Но при этом выделяется целый ряд погребальных комплексов, образующих устойчивые (по комбинации признаков) и неоднократно встречающиеся типы погребений[4]… Поэтому не будет некорректным предположение о том, что именно данные типы характеризуют погребальный обряд основного населения региона и в то же время служат основой для их этнической привязки и интерпретации, но в дальнейшем. **А пока мы считаем преждевременной столь жесткую этническую привязку исследованных памятников Приуралья и Зауралья** (выделено мной – В.И.), как это было предложено нашими коллегами ранее. Гораздо рациональнее, по нашему мнению, работать сейчас именно на уровне выявления, сбора и локализации отдельных типов погребальных памятников» [Там же, с.442].

Если исходить из приведенных А.Ф.Яминовым количественных показателей погребений, которые он рассматривает как основу для этнической привязки и интерпретации памятников XIII–XIV вв. в Южном Приуралье и Зауралье, для земляных курганов это будут простая могильная яма и могила со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок, западная и северная ориентировка погребенных (в общей сложности 75,8% от учтенных автором 116 погребений).

[3] Большинство из которых представлены единичными погребениями.

[4] А.Ф.Яминов выделяет 14 таких типов, частота встречаемости которых не менее 4 погребений.

Смотрим, чем это отличается от суммарной характеристики погребального обряда населения, оставившего в степях Урало-Поволжья погребения под земляными курганами? Простая могильная яма – 63,8%; могила с заплечиками – 8,9%; западная ориентировка погребенного – 51,1%; северная – 4,3%[5].

Для «каменных курганов» исследователь выделяет 11 типов этномаркирующих (по его мнению) погребений, от 4 до 20 комплексов в каждом. В общей сложности они составляют 61,9% всех учтенных автором погребений. Среди них абсолютно преобладают каменные выкладки (А.Ф.Яминов разделяет их на собственно выкладки и наброски) над могилой простой конструкции, в которой погребенный уложен головой на запад. Из 104 учтенных автором погребений их – 43. Затем по частоте встречаемости следуют каменно-земляные насыпи – 17 погребений – среди которых в 4-х могила имеет ступеньку вдоль длинной стенки, на которую уложен конь. Далее по нисходящей идут погребения в простой могиле с западной ориентировкой под каменными насыпями или насыпями, покрытыми каменным «панцирем» (по 11 погребений) и т.д. Все эти данные вполне совпадают с данными по суммарной характеристике погребального обряда «каменных курганов». Но главный вопрос здесь – насколько выделенные А.Ф.Яминовым типы погребений устойчивы в своих морфологических признаках и, соответственно, закономерны для анализируемых выборок? Проверить это не представляет сложности, благодаря современным компьютерным технологиям. Статистическая корреляция признаков погребального обряда курганов XIII–XIV вв. степного Приуралья показывает[6], что действительно устойчивую корреляцию обнаруживают такие признаки, как каменная наброска (выкладка) и простая могильная яма (теснота статистической связи = 0,495). Остальные из выделенных А.Ф.Яминовым признаков обряда для 14-ти типов этномаркирующих, по его мнению, погребений обнаруживают или отрицательную статистическую связь (например, типы AI = -0,132 или ГVI = -0,077), или положительную, но с очень малым значением (типы AIV = 0,083 или ГI = 0,009)[7].

[5] Это если не считать погребения, ориентированные на северо-запад, юго-запад, северо-восток, которые в совокупности дают еще 28,8%.

[6] Статистическая функция КОРРЕЛ стандартной программы Excel.

[7] То есть, те или иные признаки встречаются в одном и том же погребении, но на общем фоне их распространения в сравниваемых группах

Одним словом, предлагаемая А.Ф.Яминовым типология представляет собой не более чем реминисценцию популярных во второй половине прошлого столетия корреляционных таблиц, представлявших собой сетку координат, в ячейках которой знаками «+» или «0» отмечали факт присутствия того или иного элемента обрядности или предмета. С точки зрения археологического источниковедения эта типология представляет определенный интерес, но с точки зрения этнокультурных интерпретаций абсолютно бесполезна.

Вместе с тем, даже уже имеющийся археологический материал (при соответствующем методическом подходе к нему) позволяет внести определенную ясность в решение проблемы «кипчакизации» степей Урало-Поволжского региона со всеми вытекающими этноисторическими выводами.

В середине 1960-х гг. Г.А.Федоров-Давыдов оперировал материалом 47 курганов X–XIV вв. из раскопок Ф.Д.Нефедова, Б.Н.Гракова, К.Ф.Смирнова и М.Х.Садыковой на территории Оренбуржья и Башкирии. К интересующему нас времени (кипчакскому) исследователь отнес немногочисленные погребения 2-го и 3-го периодов (XII – начало XIII вв.), которые показывают, «... что в половецкое время западные районы степи были значительно многолюднее Поволжья и Заволжья. Наиболее интенсивное заселение происходит в придонецких, приазовских, приднепровских и приднестровских степях, а кочевники Поволжья, видимо, теряют первенствующее значение в общей массе кочевнического населения» [Федоров-Давыдов, 1966, с. 147]. В Приуралье, в частности, автор выделяет только одно погребение половецкого домонгольского периода (Нежинский могильник, курган №4).

Г.А.Фёдоровым-Давыдовым, фактически, была дана и первая этнокультурная интерпретация кочевнических памятников Заволжья и Южного Приуралья XII–XIV вв. Следуя за материалом, автор концентрирует своё внимание на характеристике и этнической интерпретации курганов южнорусских степей и, в частности, погребения XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (область Саксин) он вполне определенно связывает с половцами-команами [Федоров-Давыдов, 1966. 150]. Что касается Южного Приуралья, то здесь абсолютное большинство погребений, известных тогда автору, были отнесены им к

памятников настолько редко, что такая взаимовстречаемость может рассматриваться не более чем случайность.

концу XIII–XIV вв. (4-й период – по Г.А.Фёдорову-Давыдову). Среди них, в свою очередь, преобладают (59%) погребения, совершенные в простой могильной яме, иногда перекрытой деревом, с западной ориентировкой человека и без конского захоронения (тип А1), появление которых в степях Восточной Европы исследователь связывает с расселением. здесь кочевников торческо-печенежского объединения [Там же. 134]. Преобладание погребений данного типа в Поволжье в XIII–XIV вв., по мнению Г.А.Фёдорова-Давыдова, объясняется переселением сюда из Поросья печенежско-торческих и черноклобуцких племен [Там же, с.152–153].

Остальные погребения золотоордынского периода в рассматриваемом регионе – с северной ориентировкой человека, без коня (тип Д1), с северной ориентировкой в подбойной могиле (тип ДIII) или в прямоугольном каменном ящике (тип ДIV), с каменными или сырцовыми выкладками над могилой – автор связывает с южносибирскими кочевыми племенами, пришедшими сюда в составе монголо-татарского нашествия [Там же, с. 159]. Судя по составленной Г.А.Фёдоровым-Давыдовым карте, ареал расселения этих племен в Приуралье включал бассейн среднего течения р.Урал (от его восточной до западной излучины), средней Белой (погребение на горе Шах-Тау под Стерлитамаком) и низовья Камы (Рождественские курганы) [Там же, с. 154, рис.22].

Количественная ограниченность археологического материала, как мы видим, не позволила автору конкретизировать этнокультурный состав кочевников южноуральских степей в XIII–XIV вв.

Через 20 лет В.А.Кригер и автор этих строк имели в своем распоряжении материал уже из 195 погребений кипчакского времени, сравнительно-типологический анализ которых дал основание говорить об их половецко-кипчакской принадлежности [Иванов, Кригер, 1988, с.59–68].

В настоящее время в степях Заволжья и Южного Приуралья учтено в общей сложности 620 кочевнических погребений XII–XIV вв.[8] К «кыпчакскому домонгольскому периоду» (вторая половина XI – начало XIII вв.) [Иванов, Кригер, 1988, с. 39] относятся только 6,6% от указанного количества погребений (41 комплекс),

[8] Речь идет только о т.н. языческих погребениях, содержащих сопровождающий инвентарь и сопутствующие конские захоронения.

разбросанные по территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей, главным образом, по рекам Волга, Еруслан и Узени (рис. 1).

Морфология погребального обряда курганов этого периода выраженная в представительных для имеющейся выборки признаках, представлена в табл. 1[9].

Кипчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII – нач. XIII вв. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, как подбойные могилы и восточная ориентировка погребенных. С одной стороны, их как бы и немного. Это, по-видимому, и дает основание некоторым исследователям считать, что сравнительно-типологический анализ археологических признаков огузо-печенежско-кипчакских погребальных комплексов не имеет практического смысла и невозможен, поскольку все эти племена ведут свое начало от одного тюркского корня и в культурном плане дифференцируются только хронологически [Боталов, 2006, с.472].

С другой стороны, нельзя обойти вниманием и такую деталь, как географию рассматриваемых курганов на территории Урало-Поволжья. Погребения половецко-кипчакского (домонгольского) периода локализуются в регионе в пределах приуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи, главным образом, в ее северной части. И это вполне логично, поскольку именно в начале II тыс. н.э. гумидизация (увлажнение) Урало-Поволжской степи возрастает, в отличие от степей Южного Зауралья, которые по своим климатическим условиям были идентичны современным [Демкин, Демкина, эл. ресурс]. На этой территории сейчас известно только пять погребений рассматриваемого времени (Солнце, Третий Плёс, Киансай, к.5, Змеиный Дол, к.2, Большое Озеро I, к.11) и те находятся на юге современной Челябинской области, т.е. опять-таки на северной периферии зоны степей (рис. 1).

[9] По законам математической статистики, нижний порог значимости процентного показателя признаков в рассматриваемой выборке (41 погребение) должен быть не менее 9%. Более низкие показатели в данном случае считаются случайными и могут не учитываться [Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с.64].

Таблица 1.

Представительные признаки погребального обряда кочевников XII–XIV вв. (в %%)

№ п/п	Содержание признака	Кипчаки–половцы домонгольск. периода	Кипчаки–половцы домонгольск. периода Урало–Поволжья	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды с земл. курганами
1	Земляные курганы	92,50	100	86,7	90,0
2	Оградка из сырцового кирпича	–	–	–	2,9
3	Кирпичное сооружение-«мазар»	–	–	–	1,6
4	Могильник бескурганный	–	–	4,08	5,2
5	Кострище в насыпи	–	–	2,3	3,7
6	Отдельные угольки в насыпи	–	–	2,04	2,5
7	Кости животных в насыпи	3,90	–	8,67	13,9
8	Керамика в насыпи	–	–	1,2	2,9
9	Деревянная конструкция в насыпи	–	–	3,06	2,0
10	Ровик у основания насыпи	4,10	–	7,9	8,7
11	Основное погребение	42,7	77,5	77,3	89,2
12	Впускное погребение	57,30	22,5	22,7	7,6
13	Два и более погребений в насыпи	9,0	–	9,4	10,8
14	Могила простая	50,70	47,5	64,3	63,8
15	Стенки сужаются ко дну	–	–	–	1,4
16	Ступенька слева	6,20	–	2,3	7,9
17	Ступенька справа	2,0	–	1	1,6
18	Ступеньки вдоль длинных стенок	2,40	–	5,8	8,9
19	Ступеньки вдоль всех стенок	–	–	3,8	0,8
20	Подбой без уступа у входа	3,00	22,5	2,3	4,8
21	Подбой с уступом у входа	7,10	–	6,9	4,5

22	Перекрытие на засыпи могилы	12,80	–	18,6	18,7
23	Перекрытие на ступеньках	–	–	3,8	6,8
24	Перекрытие на одной ступеньке	–	–	–	3,9
25	Перекрыт подбой	2,40	–	3,3	3,5
26	Кирпичный склеп или заклад	–	–	–	2,5
27	Конструкция могилы неизвестна	28,90	30,0	13,2	7,9
28	Конская шкура слева от человека	17,00	22,5	4,08	6,2
29	Конская шкура справа от человека	8,30	12,5	1	1,2
30	Конская шкура над человеком (в засыпи или на перекрытии)	6,0	–	2,3	3,3
31	Остов коня слева от человека	9,50	–	4,08	2,3
32	Остов коня справа от человека	2,70	–	–	–
33	Остов коня на ступеньке	2,40	–	2,3	2,3
34	Остов коня в отдельной яме	–	–	3,3	1,8
35	Наличие сбруи без коня	9,20	9,5	27,8	17,4
36	Ориентировка погребенного: запад	33,40	45,2	32,9	51,1
37	восток	22,00	16,6	7,6	5,6
38	север	3,30	–	11,2	4,3
39	юг	–	–	1,8	4,3
40	северо-запад	7,10	–	7,9	6,6
41	северо-восток	7,70	11,9	16	8,7
42	юго-запад	5,30	14,3	7,1	13,5
43	юго-восток	4,70	–	2	1,0
44	Остатки гроба (колоды)	31,6	9,7	28,8	36,3
45	Деревянная рама	8,30	–	2,3	1,8
46	Остатки подстилки	5,7	–	7,6	9,3
47	Кости овцы в могиле	5,60	9,5	16,6	11,8
48	Кости КРС	–	–	1	1,0
49	Кости лошади	–	–	–	2,0
50	Кости животного не определены	3,90	–	3	3,5
51	Керамика в могиле	15,1	–	1,8	1,0
52	Удила	25,0	25,5	11,7	18,9
53	Стремена	41,4	40,0	13,6	24,4

54	Уздечные накладки	6,8	–	6	–
55	Костяна подпружная пряжка	–	–	–	–
56	Железные наконечники стрел	33,70	35,8	14,7	21,8
57	Костяные наконечники стрел	–	–	1,5	–
58	Костяные обкладки лука	11,90	13,2	2,5	1,2
59	Берестяной колчан	13,40	15,0	21,4	14,9
60	Костяные накл. На колчан	4,70	–	6,9	4,5
61	Колчанная петля	4,70	–	–	–
62	Сабля	31,60	–	5,3	2,5
63	Копье	2,70	–	4,3	1,2
64	Доспехи	8,60	–	3,0	0,8
65	Поясной набор	15,20		2,3	10,7
66	Детали пояса: пряжки, накладки	15,5		16,3	12,7
67	Серьги-подвески	15,20	14,7	10,4	8,5
68	Подвески из лазурита	2,0	–	–	–
69	Серьги в виде ?	–	–	14,8	12,7
70	Подвески-бубенчики (пуговицы)	16,40	13,7	6,9	3,7
71	Бусы	11,60	–	16,6	17,0
72	Перстень	2,00	–	3,5	1,8
73	Браслет	2,70	–	1,2	1,4
74	Зеркало	5,00	–	18,6	23,5
75	Головной убор-«бока»	4,40	–	9,4	11,6
76	Амулет-коранница	–	–	1,2	3,1
77	Гривна	5,90	–	–	–
78	Нож	29,20	29,0	39,8	42,0
79	Ножницы	2,0	–	12,5	17,6
80	Гребень	–	–	4,6	3,9
81	Кресало и кремень	13,40	13,0	21,7	19,7
82	Навершие нагайки	2,0	–	–	–
83	Шило	–	–	2,3	2,7
84	Кожаная сумка	–	–	4,6	4,5
85	Медный сосуд	10,10	–	14,8	–
86	Монеты	–	–	6,9	14,3
87	Без вещей	5,00	–	7,4	7,2
	Всего погребений:	335*	41**	392***	481****

* Нижний порог значимости 2%.
** Нижний порог значимости 9%.
*** Нижний порог значимости 1%.
**** Нижний порог значимости 0,8%.

В предшествующее время (X – перв. пол.XI вв.) северная периферия степей Урало-Поволжья была заселена печенегами, в погребальном обряде которых преобладали погребения, впущенные в насыпи более ранних курганов. Для рассматриваемого периода мы наблюдаем явное преобладание погребений, совершенных под специально сооруженными для них насыпями.

Наконец, все 24 представительных признака погребального обряда, характеризующие курганы второй половины XI – нач. XIII вв., фиксируются в погребальном обряде кипчаков/половцев/куманов степей Восточной Европы домонгольского периода, тогда как проведенный нами сравнительно-статистический анализ погребального обряда рассматриваемых курганов и курганов огузов и печенегов Урало-Поволжских степей обнаружил весьма невысокие показатели типологического сходства (C_3) – соответственно 0,36 и 0,46. Что дает достаточно оснований не связывать генезис кочевников рассматриваемого региона «кипчакского домонгольского периода» с предшествующими им здесь племенами огузов и печенегов.

То есть, данную группу погребений мы можем рассматривать как половецко-кипчакскую с включением в нее каких-то центрально-азиатских (кимакских?) родо-племенных групп, представленных в регионе и вообще в степях Восточной Европы немногочисленными курганами с каменными конструкциями. Мы, конечно, никогда не узнаем, какова была численность оставившего их населения в степях Урало-Поволжья, так же, как никогда не узнаем, сколько погребений было уничтожено распашками степной целины в XIX и XX вв. Но условно рассчитанная плотность распространения курганов домонгольского времени в регионе – 1:18304 км^2 – по-видимому адекватно отражает реальную этнодемографическую ситуацию степях Заволжья и Южного Приуралья в XII – начале XIII вв., исходя из которой**, роль кипчаков/половцев в динамике формирования этнической карты региона не была определяющей**. Следовательно, указанный период из хронологии процесса кипчакизации региона, под которым подразумевается массовое расселение здесь кипчакских племен и их влияние на языки, культуру и расогенез соседних народов, мы должны исключить. Таким образом, вывод Г.А.Федорова-Давыдова о том, что в предмонгольское время Поволжье и Южное Приуралье представляли собой периферию половецко-кипчакского мира остается верным.

Наиболее представительной для степей региона Урало-Поволжья является выборка курганов золотоордынского времени (XIII – XIV вв.), насчитывающая 579 комплексов[10]. Сейчас уже установленным и общепризнанным является тот факт, что по типу надмогильных сооружений кочевнические погребения эпохи Золотой Орды в Урало-Поволжье четко делятся на две группы: совершенные под земляными курганами (481 погребение) и совершенные под курганами, сооруженными с применением камня (97 погребений). В данном случае мы свое внимание сосредоточим на этнокультурной характеристике и интерпретации земляных курганов в регионе, поскольку предшествующих работах неоднократно отмечалось, что «каменные» курганы Южного Приуралья однозначно кипчакскими считать нельзя [Иванов, Яминов, 1993] (рис. 2).

В свое время Г.А.Федоров-Давыдов выдвинул концепцию этнической истории степей Восточной Европы в XIII–XIV вв. Согласно этой концепции, во-первых, «основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части оставались прежние кипчакские (половецкие) племена… Установлено, что обряды и наборы вещей, характерные для половцев XII – начала XIII в., существовали и в золотоордынский период», во-вторых, «Отмечено, что монгольское завоевание вызвало перераспределение кочевого населения в Дешт-и-Кипчак. Так, например, массы Черных Клобуков переселились из районов Роси на Волгу» и, в-третьих, «с пришлым с монголами из Сибири этносом можно, видимо, связывать погребения с северной ориентировкой, подбойные могилы, встречающиеся иногда в могилах вырезанные из листовой бронзы идольчики и головные уборы типа описанной Карпини шапки-бокки» [Федоров-Давыдов, 1981, с.231].

Эту концепцию поддерживают и другие исследователи – Г.Н.Гарустович, А.И.Ракушин, А.Ф.Яминов – резюме рассуждений которых очень четко сформулировал И.В.Антонов: «Кыпчаков, таким образом, можно считать основным компонентом населения ареала земляных курганов Волго-Уралья XIII–XIV вв.» [Антонов, 2006, с.46].

Предложенную Г.А.Федоровым-Давыдовым концепцию этнической истории степей Восточной Европы в эпоху Золотой Орды при-

[10] При критерии значимости 0,95 это позволяет учитывать признаки с показателем частоты встречаемости не ниже 0,7%.

мем за «нулевую гипотезу» и проверим ее через результаты сравнительно-статистического анализа по 87 альтернативным признакам (коэффициент C_3).

Полученные результаты представлены в табл.2 и они показывают, что наиболее тесную типологическую связь обнаруживают между собой курганы XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы (к западу от Волги) и синхронные погребения под земляными курганами Урало-Поволжья (C_3 = 0,91). Это может означать только одно – и те, и другие оставлены кочевниками, составлявшими единый этнокультурный массив кочевого населения Золотой Орды.

Таблица 2.

Таблица значений коэффициента формально-типологического сходства половцев/кипчаков и кочевников Золотой Орды

	Кипчаки-половцы домонгольск. периода	Кипчаки-половцы домонгольск. периода Урало-Поволжья	Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	Кочевники Золотой Орды с земляными курганами
Кипчаки-половцы домонгольского периода	–			
Кипчаки-половцы домонгольского периода Урало-Поволжья	0,38	–		
Кочевники Золотой Орды Южнорусских степей	0,76	0,33	–	
Кочевники Золотой Орды с земляными курганами	0,66	0,30	0,91	–

Но погребальный обряд кочевников Золотой Орды в Южнорусских степях обнаруживает высокий коэффициент формально-типологического сходства с погребальным обрядом половцев-кипчаков домонгольского периода (C_3 = 0,76), что вполне определенно указывает на непосредственное участие последних в формировании этнокуль-

турной карты восточноевропейской части Джучиева Улуса. Одновременно реминисценции погребального обряда половцев-кипчаков домонгольского периода отчетливо прослеживаются в земляных курганах Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды ($C_3 = 0{,}66$). Это также указывает не только на присутствие, но и на этнокультурную доминанту кипчаков в этнической карте региона XIII–XIV вв.

Итак, резюмируем. Если исходить из археологического материала, который по своим морфологическим признакам может быть идентифицирован с кипчаками-половцами, то:

- в домонгольский период присутствие кипчаков в степях Урало-Поволжья было настолько незначительным, что говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты региона не приходится;
- в эпоху Золотой Орды кочевники Восточноевропейских степей, от Мугоджар на востоке до Днестра и Дуная на западе, представляли собой единый в этнокультурном отношении массив;
- этническую основу этого массива составляли кипчаки-половцы (вывод Г.А.Федорова-Давыдова о половецко-кипчакской этнокультурной доминанте среди кочевого населения Золотой Орды вряд ли нуждается в пересмотре).

Список источников и литературы:

Антонов, 2006 – Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа, 2006.

Боталов, 2006 – Боталов С.Г. Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990 – Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.

Демкин, Демкина, эл. ресурс – Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. Электронный ресурс www.sgu.ru/files/nodes/ 41059/05.pdf.

Иванов, 1984 – Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р.Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Иванов, 1988 – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988.

Иванов, Яминов, 1993 – Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Костюков, 2006 а – Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006.

Костюков, 2006 – Костюков В.П. Культурные трансформации в уралоказахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Костюков, 2010 – Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010.

Кригер, 1984 – Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос.Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Кригер, 1985 – Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1985.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузеев, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев, Гарипов, Иванов, Моисеева, 1982 – Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Иванов В.А., Моисеева Н.Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.

Кузеев, Иванов, 1983 – Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V–XVI вв.). Препринт. Уфа, 1983.

Кузеев, Иванов, 1984 – Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI вв. и проблема происхождения чувашского этноса. // Болгары и чуваши. Чебоксары, 1984.

Матюшко, 2008 – Матюшко И.В. Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2008.

Федоров-Давыдов, 1966 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов, 1981 – Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Яминов, 2006 – Яминов А.Ф. Этнокультурная карта Южного Урала в эпоху Золотой Орды // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

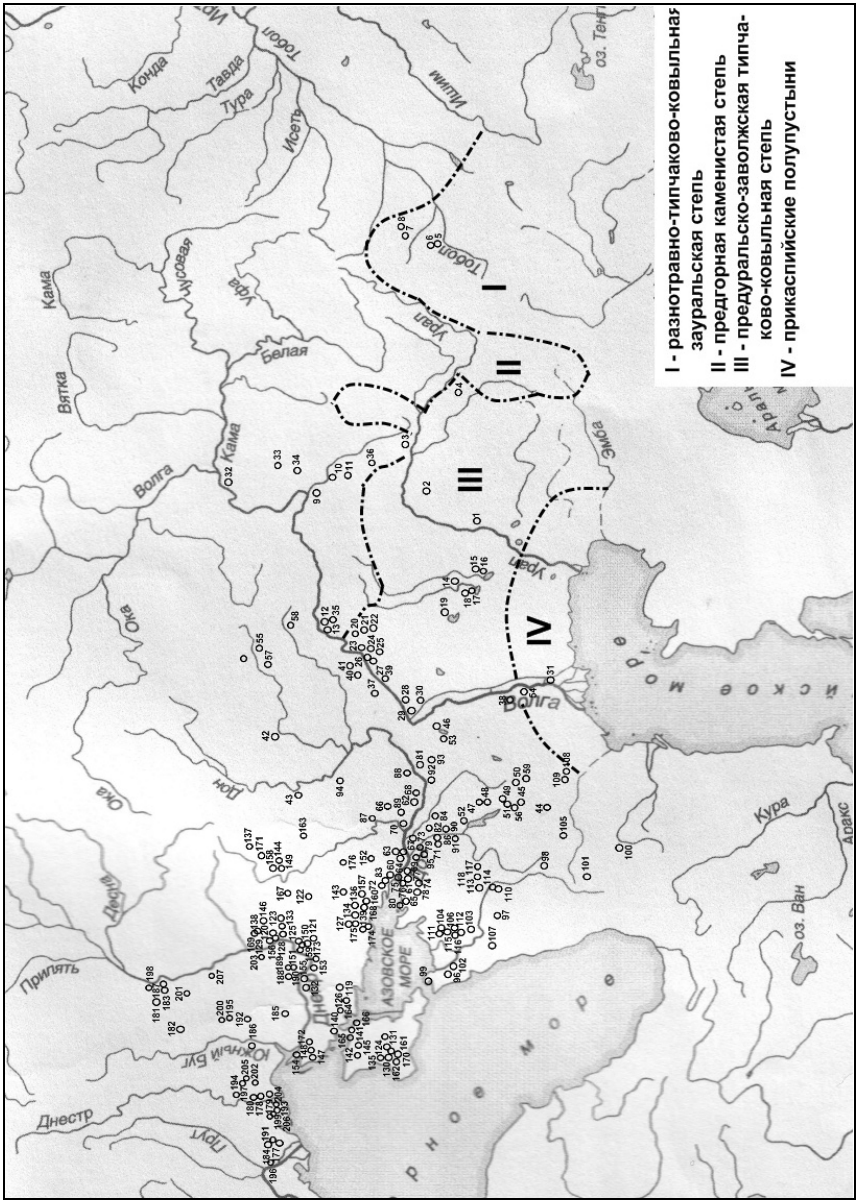

Рис. 1. Карта курганов половцев-кипчаков домонгольского периода в степях Восточной Европы.

1 – Базар-Тобе; 2 – Лебедевка VII; 3 – Белый Ключ; 4 – Буранчи I; 5 – Змеиный Дол; 6 – Каинсай; 7 – Третий Плес; 8 – Солнце; 9 – Белозерское; 10 – Покровский; 11 – Ново-Троевка; 12 – Покровск (Энгельс); 13 – Квасниковка; 14 – Курпе-Бай; 15 – Джангала; 16 – Джангала I; 17 – Джангала. Новая Казанка; 18 – Джангала. Кара-Оба; 19 – Озеро Раим; 20 – Мирный (Фриденберг); 21 – Визенмиллер I; 22 – Харьковка I; 23 – Ровное; 24 – Бережновка. Южн. Гр.; 25 – Бережновка I; 26 – Политотдельское; 27 – Бережновка; 28 – Калиновский; 29 – Красный Октябрь; 30 – Бахтияровка II; 31 – Сероглазово; 32 – Бабий бугор; 33 – Надеждинское; 34 – Белозерское; 35 – Скатовка; 36 – Покровский; 37 – Барановка; 38 – Косика; 39 – Быково I; 40 – Солянка I; 41 – Иловатка; 42 – Шемякинский; 43 – Ольховатка; 44 – Восточный Маныч; 45 – Чограйский; 46 – Купцын-Толга; 47 – Архаринский; 48 – ЛолаV; 49 – Элистинский; 50 – Волга-Чограй; 51 – Гашунский; 52 – Долина Восточного Маныча; 53 – Лиман Цаган-Нур; 54 – Никольское V; 55 – Таптулино; 56 – Три Брата; 57 – Лесное (Свинуха); 58 – Ершовка; 59 – Цаган – Усн; 60 – Бубнов Ерик V; 61 – Азов I; 62 – Богоявленский; 63 – Верхне – Яченков; 64 – Грушевский; 65 – Елизаветинский; 66 – Журавский; 67 – Камышеваха; 68 – Кастырский VI; 69 – Крепинский; 70 – Матюхин бугор; 71 – Маяк II; 72 – Морской Чулек; 73 – Надежновка I; 74 – Нижняя Козинка; 75 – Новоалександровка; 76 – Сонино; 77 – Аглос; 78 – Ново – Батайск; 79 – Верхний Янченков; 80 – Пелипенковская; 81 – Первомайский VII; 82 – Романово II; 83 – Русский Колодец; 84 – Сальские; 85 – Третьяки; 86 – у хут.Веселый; 87 – Усть-Белокалитвинск; 88 – Холодный I; 89 – Редкодуб I; 90 – Шахаево II; 91 – Южный; 92 – Ясырев I; 93 – Харинка; 94 – Вервековка; 95 – Тузлуки; 96 – Абинская; 97 – Ахметовская; 98 – Бешпагир; 99 – Бугадский; 100 – Буденетово II; 101 – Кужорская; 102 – Курчанская станица; 103 – Ладожская; 104 – Лебеди I; 105 – Новоселицкое; 106 – Овальный; 107 – Псебайская; 108 – Туркменский отряд; 109 – Чограй–8; 110 – Радуга; 111 – Малаи; 112 – Новотитаровская; 113 – Дмитриевская; 114 – Темижбекская; 115 – Северный; 116 – Бураковская; 117 – Южное; 118 – Кривенький; 119 – Аккермень; 120 – Афанасьевка; 121 – Большемихайловка I,II; 122 – Великая могила; 123 – Вербки II,IV; 124 – Вилино; 125 – Вильно – Грушевка; 126 – Владимировский; 127 – Волновахи; 128 – Георгиевское; 129 – Дмухайловка; 130 – Земля Плешковой; 131 – Казанка; 132 – Каиры; 133 – Каменка; 134 – Каменский; 135 – Кара – Кият; 136 – Каран; 137 – Ковалевка; 138 – Колпаковка XXVII; 139 – Колхоз «Прогресс»; 140 – Краснoперекопский; 141 – Куреевка; 142 – Луговское; 143 – Макеевка; 144 – Малая Камышеваха; 145 – Мартыновка; 146 – Марьевка III; 147 – Морская Кошара; 148 – Николаевка; 149 – Николаевский; 150 – Новоалександровка; 151 – Новогригорьевка; 152 – Ново – Ивановка; 153 – Носаки; 154 – Облои; 155 – Первомаевка; 156 – Пески; 157 – Полковое; 158 – пос.Студенок; 159 – Рясные могилы; 160 – Самойловка; 161 – Симферополь; 162 – Совхоз «Красный»; 163 – Сосновка; 164 – Терновка; 165 – Филатовка; 166 – Целинное; 167 – Черевков; 168 – Чермалык; 169 – Чернечина; 170 – Чокурча; 171 – Щуркино Поле; 172 – Юбилейное; 173 – Ясиноватая; 174 – Огородное; 175 – Новоандреевка; 176 – Новониколаевка; 177 – Баштановка; 178 – Беляевка; 179 – Великодолинское; 180 – Дзинилор; 181 – Зеленки; 182 – Земля Москопуло; 183 – Кагарлыцкая слобода; 184 – Каменка; 185 – Кирова; 186 – Ковалевка II; 187 – Краснополка; 188 – Круглая могила; 189 – Николаевский; 190 – Новогригорьевка; 191 – Новокаменка; 192 – Новорозановка; 193 – Павловка; 194 – Парканы; 195 – Пелагеевка; 196 – Плавни; 197 – Плоское; 198 – Россава; 199 – Сарата; 200 – Старогороженое; 201 – Степанцы; 202 – Суклея; 203 – Сухая Калина; 204 – Траповка; 205 – Флоринское; 206 – Фриденсфельд; 207 – Яблоновка.

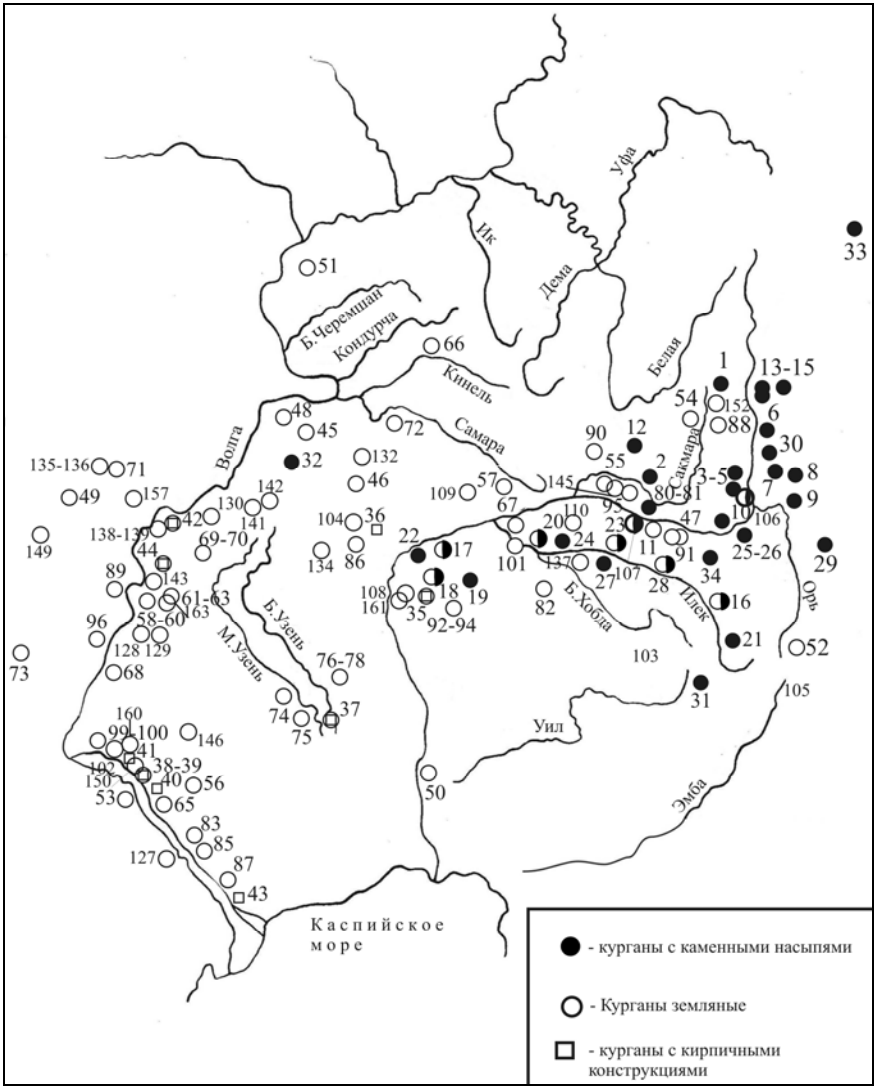

Рис. 2. Карта курганов XIII–XIV веков Урало-Поволжья.

1 – Ишкуловский II; 2 – Тлявгуловский; 3 – Новый Кумак; 4 – Новый Кумак II; 5 – Новый Кумак III; 6 – Покровский IV; 7 – Большевик II; 8 – Большевик III; 9 – Комсомольский VI; 10 – Хабарный I; 11 – Новочеркасский VII; 12 – Андреевский; 13 – Агаповский I; 14 – Агаповские горы 10; 15 – Агаповские горы 19; 16 – Жаксы-Каргала; 17 – Жарсуат; 18 – Жаман-Каргала I; 19 – Лебедевка IV; 20 – Линевский

одиночный; 21 – Шпаки II; 22 – Алебастрово II; 23 – Мертвецовский; 24 – Пчельник; 25 – Худай-Берген III; 26 – Худай-Берген IV; 27 – Тамар-Уткуль; 28–2-я верста от Илецкой защиты; 29 – Озерновский III; 30 – Березовский V; 31 – Новая База II; 32 – Пугачев; 33 – Федоровка; 34 – Салтак I; 35 – Лебедевка VIII; 36 – Озеро Раим; 37 – Мокринский I; 38 – Бахтияровка II; 39 – Бахтияровка III; 40 – Колобовка; 41 – Маляевка; 42 – Зауморье; 43 – Маячный бугор; 44 – Ровное; 45 – Абашевский; 46 – Августовка; 47 – Алабайтал; 48 – Александровский; 49 – Аткарский; 50 – Базар-Тюбе I; 51 – Балымерский; 52 – Байджигит; 53 – Барановский; 54 – Башкир-Беркутово; 55 – Башкирское стойло; 56 – Белокаменка; 57 – Белый Ключ; 58 – Бережновский; 59 – Бережновский I; 60 – Бережновский II; 61 – Блюменфельд; 62 – Блюменфельд, гр.А; 63 – Блюменфельд, гр.Б; 64 – Боаро; 65 – Болхуны; 66 – Бугурслановский I; 67 – Буранчи I; 68 – Верхне-Погромное; 69 – Визенмиллер II; 70 – Визенмиллер III; 71 – Выгон г.Петровска; 72 – Гвардейцы; 73 – Гусевка; 74 – Джангала, Сарайдин; 75 – Джангала; 76 – Джангала (Нов.Казанка); 77 – Джангала, Кара-Оба; 78 – Джангала, Сарайдин II; 79 – Кардаиловский; 80 – Жанаталапские; 81 – Жанаталапский II; 82 – Жарсуат I; 83 – Заплавное; 84 – Курнаевка; 85 – Заяры; 86 – Зеленый; 87 – Золотушинская. Сев.гр.; 88 – Ивановские IV; 89 – Иловля; 90 – Имангулово II; 91 – Казенная мельница; 92 – Лебедевка II; 93 – Лебедевка IV; 94 – Лебедевка VI; 95 – Каменно-Озерный; 96 – Камышин; 97 – Каратугайская волость; 98 – Кировский III; 99 – Колобовка; 100 – Колобовка IV; 101 – Линевский; 102 – Ленинское; 103 – Мамбеталы; 104 – Мамбетбай; 105 – Новая База; 106 – Новый Кумак; 107 – Урал; 108 – Челкар IV, V; 109 – Мустаево V; 110 – Лиман.

Графический формат рисунка затрудняет дальнейшее нанесение значков. Поэтому ниже дается продолжение списка известных в Урало-Поволжье курганов XIII–XIV вв., в котором курсивом выделены памятники, расположенные в Поволжье

111 – Козицкое; 112 – Кара-Оба; 113 – Кеппенталь; 114 – Крутец; 115 – Линевский одиночный; 116 – Лопатинский; 117 – Лысые горы; 118 – Мало-Халиловский; 119 – Маляевка; 120 – Мариенталь; 121 – Марьевка; 122 – Мечей-Киров; 123 – Мечетное городище; 124 – Мирный (Фриденберг); 125 – Мирный (Фриденберг) II; 126 – Молчановка I, III; 127 – Никольское I; 128 – Новая Меловатка; 129 – Новая Молчановка; 130 – Ново-Липовка; 131 – Новоорский I; 132 – Новопавловский; 133 – Новый Кумак II; 134 – Ногай-Чижен; 135 – Петровск; 136 – Петровск III; 137 – Покровка I; 138 – Покровск; 139 – Покровск. Юж.гр.; 140 – Покровский; 141 – Потемкино; 142 – Пугачев; 143 – Ровное; 144 – Родионовка; 145 – Россыпинские; 146 – Сайхин; 147 – Сарбулат II; 148 – Скатовка; 149 – Слобода Рудня; 150 – Солодовка II; 151 – Суслы; 152 – Тавлыкаевский II; 153 – Тамар-Уткуль; 154 – Терновка; 155 – Тонкошуровка; 156 – у Обелиска Славы (г.Орск); 157 – Усть-Курдюм; 158 – Харьковка; 159 – Харьковка. Гр.Б; 160 – Царевский; 161 – Челкар V; 162 – Шипово (Каменный); 163 – Штрасбург; 164 – Шульц; 165 – Ютаевский.

V.A. Ivanov

"KYPCHAKIZATSIYA" OF URAL-VOLGA REGION ACCORDING TO ARCHEOLOGY

The problem of time and the extent of development tribes sary-kypchaks/polovets in the steppes of the Ural-Volga region researchers have repeatedly raised and solved each in their own way. And, depending on the number and nature of the source base Kypchaks role in the ethnic history of the region or understated (G.A.Fedorov-Davydov, V.P.Kostyukov), or exaggerated (R.G.Kuzeev, B.E.Kumekov, V.A.Ivanov, V.A.Kriger, I.V.Antonov). At present, the amount of archaeological material on medieval nomads of the Ural-Volga region allows a high degree of confidence to outline the range of Kipchak / Polovtsian sites in the region and to assess the dynamics and scope of its "kypchakizatsii". Schematically, the process is as follows. In the pre-Mongol period – XI–XII centuries – Polovtsian-Kipchak wave of migration, within which, apparently, there were also some kimak group (the presence of mounds with stone structures in the southern Russian steppes) passes the steppes of the Ural-Volga region almost non-stop. This is explained, including the fact that at this time the territory of the region was in the final stages of aridity, that is, the climatic conditions here were similar to modern and fully nomadic unsuitable. Therefore, in the pre-Mongol period ethnic map of the region was formed without their active participation. In the era of the Golden Horde in the steppes of the Ural-Volga region into two distinct ethno-cultural group of nomads who left "stone" and earthen mounds. Ethnic roots go back to the first Central Asian nomadic world, and in the formation of the second, participation of the Polovtsian / Kipchak tribes in the steppes of Eastern Europe.

***Keywords*:** Kumans, Kipchaks, kimaks, migration, arid, humid, historical and ethnographic region, Ulus Jochi, Ulus Shiban.

Сведения об авторе

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (г. Уфа); e-mail: ivanov-sanych@rambler.ru

Ivanov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Cultural Heritage of the Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa); e-mail: ivanov-sanych@rambler.ru

УДК 393.05-057.66 (282.247.42)

И.В. Матюшко

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОЧЕВНИКОВ XI–XIII вв. СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ[1]

В статье проанализированы археологические материалы погребений кочевников XI–XIII вв. степного Приуралья. Погребения различаются по типу надмогильного сооружения. Эти различия позволили автору сделать ряд выводов. Обряд захоронения коня имеет этническую принадлежность.

Ключевые слова: каменные кольца под насыпью, каменный панцирь над насыпью, кимаки, кипчаки, кангле, особенности захоронений частей коня.

Главной особенностью кипчакских захоронений в степном Приуралье являлось использование камня при сооружении курганной насыпи. Это было отмечено еще Г.А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов, 1966] и подтвердилось при дальнейшем изучении [Иванов, Кригер, 1988]. В 2000-х годах в результате изучения погребального обряда средневековых кочевников Степного Приуралья автор данной работы предложила классификацию погребального обряда, в основе которой, в том числе, заложен тип надмогильного сооружения [Матюшко, 2007, с. 515–525].

В изученной базе данных погребений средневековых кочевников степного Приуралья IX–XIV вв., собранных автором, захоронения кипчаков домонгольского времени составили 15 комплексов, сосредоточенных на востоке Оренбургской области в курганном

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта «Роль государств эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья» (Соглашение с Министерством образования и науки Российской Федерации № 14.B37. 21.0963) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

могильнике (КМ) Новокумакский I, II, III на р. Кумак и в курганных могильниках Джангала на р. Большой и Малый Узень. Известны также одиночные погребения кипчаков домонгольского времени в степном Приуралье, которые являлись впускными и основными под земляными и каменно-земляными насыпями. Они представлены захоронениями в Западной Казахстане в курганном могильнике Шалкар III, курган 12, Лебедевка VIII, курган 6, Лебедевка VI, курган 10, в двух Илекшарских погребениях, в Лисаковском могильнике, кургане и других. Вместе эти погребения оставляют 4,7% от общего числа 319 учтенных всего в базе данных погребений кочевников степного Приуралья IX–XIV вв. По характеру курганной насыпи эти захоронения были отнесены к разным типам: в первый (тип Б I) были включены курганы с земляной насыпью, под которыми на уровне древней дневной поверхности вокруг погребения было выложено каменное кольцо. К этому типу относятся следующие погребения: Шалкар КМ III, курган 12 и два захоронения Новокумакского могильника: погребение 1 и погребение 2 из кургана 2, 1971 года.

Во всех случаях под земляной насыпью была зафиксированы камни. Они были выложены в виде каменного кольца, пространство внутри которого было заполнено редкой каменной наброской (рис. *1*) или же в виде каменной выкладки над могилой [Бисембаев, 2003, с. 73–74] (рис. *2*).

Погребения были совершены в ямах со ступенькой, иногда и с небольшим подбоем. В одном случае поперек могильной ямы были зафиксированы плахи от перекрытия.

На ступеньке, слева от человека, располагался череп коня с вытянутыми передними и задними ногами. Череп коня был ориентирован на запад. В зубах коня находились железные удила, а на костях ног железные стремена (рис. *2*).

Погребенные люди находились в деревянных рамах или на подстилке из дерева в позе вытянуто на спине, с руками вытянутыми вдоль тела. Ориентировка погребенных была головой на запад и юго-запад (рис. *2*).

Инвентарь из погребений представлен, кроме элементов сбруи, оружием и бытовыми предметами (ножом и кресалом). В одном случае на погребенном воине находился целый панцирный доспех (рис. *2*).

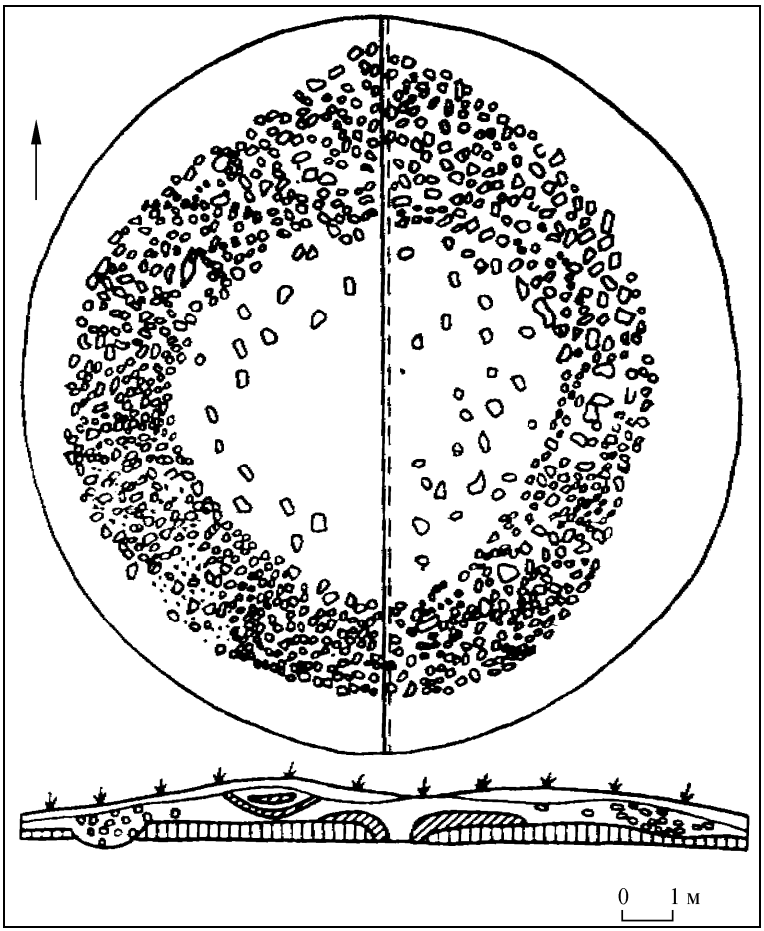

Рис. 1. Отдел Б. Тип 1. Характерный вид насыпи (дан по аналогии с курганом 9 курганного могильника Новый Кумак [В.А. Кригер, 1983, с. 173]).

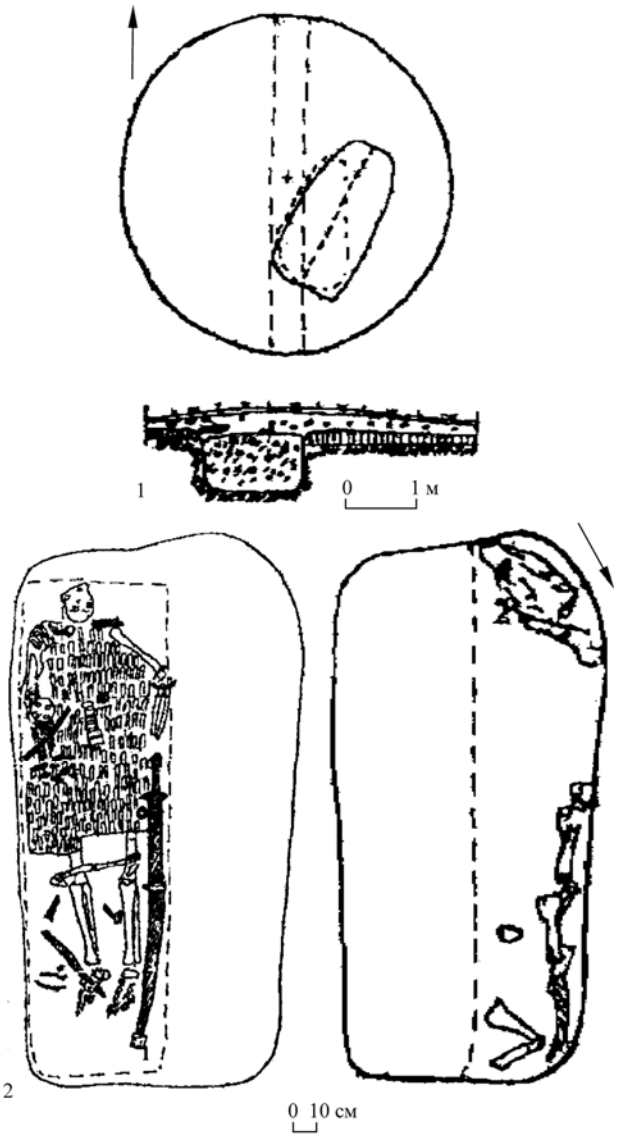

Рис. 2. Отдел Б. Тип I. Виды общих планов и планов погребений.
1, 2 – III курганный могильник Шалкар, курган 12.

Стремена из этого типа представлены только фрагментами. В одном случае сохранилась нижняя часть стремени с узкой закругленной подножкой, характерной для стремян домонгольского времени (рис. *3*). В другом погребении сохранилась только часть дужки, которая представляла собой выделенную петлю для продевания ремня. Стремена с подобной дужкой обычно относятся к типу «восьмеркообразные» (рис. *4*.). Этот тип стремян был широко представлен в памятниках X–XI вв. у кочевников степей Евразии [Гарустович, Иванов, 2001; Могильников, 2002, с. 95].

Удила имели большие и средние в диаметре кольца (рис. *3, 4*). Они появились в IX–XI вв. и затем имели широкое территориальное и хронологическое бытование [Федоров-Давыдов, 1966, с. 20].

Оружие в погребениях представлено наконечниками стрел, колчанами, мечами и саблей.

Наконечники стрел были железные и костяные (рис. *4*,*7*). Наиболее типичная форма железных наконечников – это срезни в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной верхней ударной гранью. Один железный наконечник был ромбический. Все они в сечении были плоские (типы В III и В IX, по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова). Переход к плоским – ромбическим, а затем веслообразным наконечникам связан был, очевидно, с необходимостью колоссального количества стрел для оснащения в XI–XII вв. обширных тюркских армий, а в XII–XIV вв. – монгольских орд, ковка таких наконечников гораздо проще, нежели трехгранных [Кызласов, 1960, 103].

Костяные наконечники стрел широко бытовали на протяжении всего периода средневековья [Федоров-Давыдов, 1966, с. 29].

В одном из погребений был зафиксирован колчан, поверх которого лежала большая круглая (9,3 см) бронзовая бляха-умбон, покрытая тонким листом серебра. Находки колчанов, украшенных круглыми посеребренными бляшками известны в курганах IX–XI вв. кочевников северо-западных предгорий Алтая и из курганов кимаков Верхнего Прииртышья [Могильников, 2002, с. 115].

Мечи из погребений представлены коротким и длинным палашом. Под палашом понимается прямой однолезвийный клинок треугольного сечения с прямым стержнем рукояти, продолжающим осевую линию клинка [Могильников, 2002, с. 103].

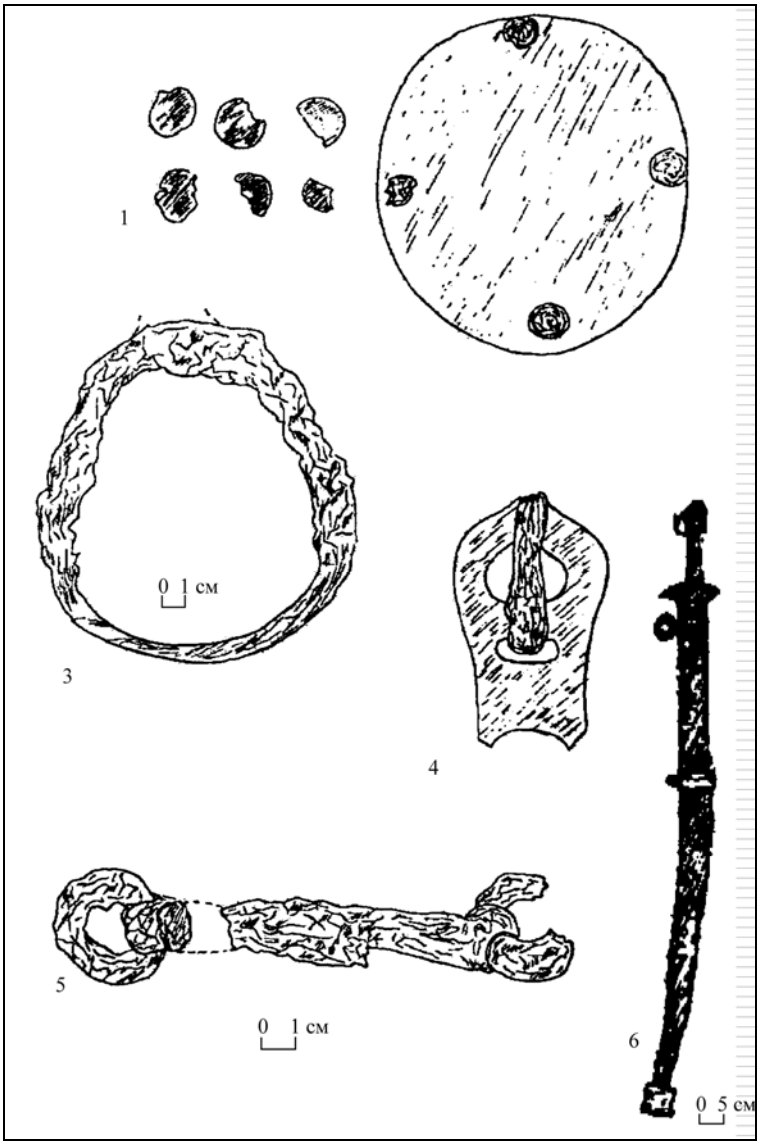

Рис. 3. Отдел Б. Тип I. Комплексы вещей из погребений.
1–5 – III курганный могильник Шалкар, курган 12.
1, 2 – бронза; 3, 5, 6 – железо; 4 – кость.

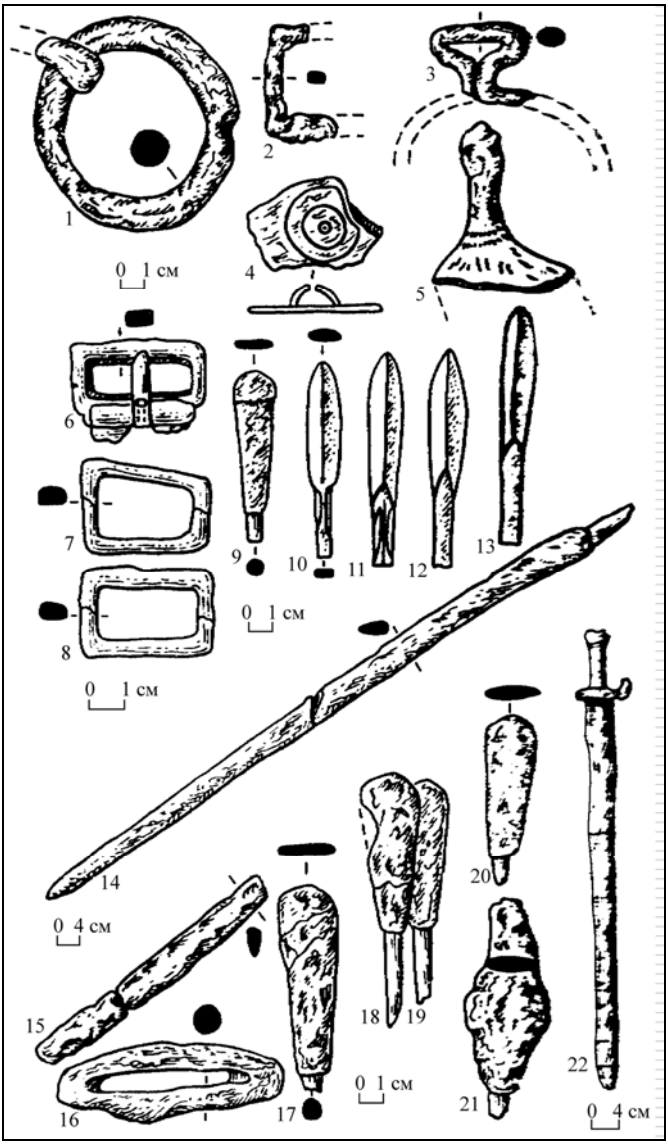

Рис. 4. Отдел Б. Тип I. Комплексы вещей из погребений.
1–14 – Новый Кумак, курган 2, погребение 1 (1971 г.);
15–22 – Новый Кумак, курган 2, погребение 2 (1971 г.).
1–3, 5, 9, 14–22 – железо; 4 – бронза; 6–8, 10–13 – кость.

Короткий палаш длиной 70 см имел прямое перекрестие с боковым выступом и круглое навершие (рис. *4*). Длинный палаш был более одного метра без навершия и перекрестия (рис. *4*). Однолезвийные прямые клинки предшествовали появлению сабли, но продолжали существовать и на протяжении XIII–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 24].

В одном из этих погребений был обнаружен прямой кинжал длиной 20 см без перекрестия со сломанным острием (рис. *4*). Кинжалы редко встречаются в погребениях восточноевропейских кочевников [Федоров-Давыдов, 1966, с. 24; Иванов, Кригер, 1988, с. 11].

В третьем погребении находилась широкая, слабоизогнутая, длиной 1,25 м с прямым брусковидным перекрестием и с рукоятью более узкой, чем клинок, сабля (рис. *3*). Стержень рукояти сабли был отогнут в сторону лезвия. Наибольшая ширина клинка достигала 6 см. Рукоять сабли имела шляпковидное навершие и деревянную обкладку, закрепленную с помощью штифтов [Бисембаев, 2003, с. 85; Кушаев, 1993, с. 104]. Находилась сабля в деревянных ножнах, на которых имелись железные и бронзовые оковки для подвешивания и украшения.

В этом же захоронении был обнаружен железный пластинчатый панцирь (рис. *2*). Он был целый и имел вид длиннополой безрукавной рубахи, которая состояла из железных пластин размерами 6 см х 1,5 см. Пластины были плоские с приостренным нижним краем. Они заходили друг на друга и крепились кожаными ремешками через небольшие отверстия в верхних и нижних частях [Бисембаев, 2003, с. 85]. Система соединения пластин с помощью ремешков позволяет относить данный доспех к разряду ламеллярных.

В поисках близких культурно-хронологических аналогий пластинчатых доспехов имеет значение форма и размеры пластин, а также система отверстий, декор и покрой [Горбунов, 2002, с. 76].

Узкие, плоские панцирные пластины с четырьмя отверстиями для скрепления подобные тем, из которых был сделан доспех из Шалкарского погребения, были обнаружены в наборе с другими типами пластин в погребении на Алтае (Балык-Соока, курган 11, которое датируется VIII–IX вв. н. э. Они имеют аналогии в Китайских материалах VII–IX вв. [Кубарев, 2002, с. 102].

На территорию степей Приуралья ламеллярные пластинчатые доспехи проникают вместе с приходом кипчаков только в XI веке и продолжают встречаться здесь в комплексах XI–XIII вв. (рис. *5*) и

XIII–XIV вв. Здесь следует отметить, что в погребениях XIII–XIV вв. были зафиксированы только фрагменты целого панциря.

В погребении с пластинчатым доспехом на лицевых костях человека была зафиксирована серебряная маска с прорезанными круглыми отверстиями для глаз [Кушаев, 1993, с. 104]. Возможно, эта маска являлась частью защитного наголовья (рис. *2*).

Другой инвентарь из погребений представлен бытовыми предметами и деталями костюма (круглыми бронзовыми пуговицами и пряжками).

Кресало было двулезвийное овальное с овальной прорезью (рис. *4*). Они были широко распространены у кочевников южнорусских степей с середины XII века [Плетнева, 1958, с. 169].

Круглые бронзовые пуговицы (тип А II) (рис. *3*) были также широко распространены [Федоров-Давыдов, 1966, с. 70].

Пряжки имели разные формы: в одном из погребений находилась прямоугольная железная пряжка с язычком (рис. *4*). Подобные пряжки были обнаружены в памятниках VIII–XI вв. и XIII века [Федоров-Давыдов, 1966, с. 46]. В другом погребении имелась костяная пряжка типа с железным язычком (рис. *3*). Подобные пряжки использовались, как сбруйные и как поясные и были широко распространены в тюркских памятниках IX–XI вв. [Могильников, 2002, с. 101].

Итак, по результатам анализа вещевого комплекса погребения с частями коня, уложенными на ступеньке слева от человека и с каменными выкладками на древнем горизонте, датируются в пределах XI–XIII вв. (до монгольского завоевания). Судя по набору вещей, захоронения данного типа являются погребениями мужчин-воинов.

В другой тип (Б II) вошли курганы с земляной насыпью, сверху обложенной камнями, образующим панцирь. Погребением, отнесенным к данному типу, было одно: Новоорский КМ I, курган 2, погребение 1. Земляная насыпь сверху была обложена камнями. На уровне погребенной почвы, около погребения, также были зафиксированы камни (рис. *6*). Расположение камней на уровне погребенной почвы позволяет связать данное погребение с захоронениями предыдущего типа (Б I), тем более, что аналогичными являются также место и способ захоронения частей коня: на ступеньке, слева от человека, ориентировка человека и коня головой на запад. Совпадают и другие детали обряда: могильная яма с подбоем, поза погребенного человека вытянутая на спине с руками, вытянутыми вдоль тела,

ориентировка погребенного головой на запад, наличие деревянной рамы (рис. *б*).

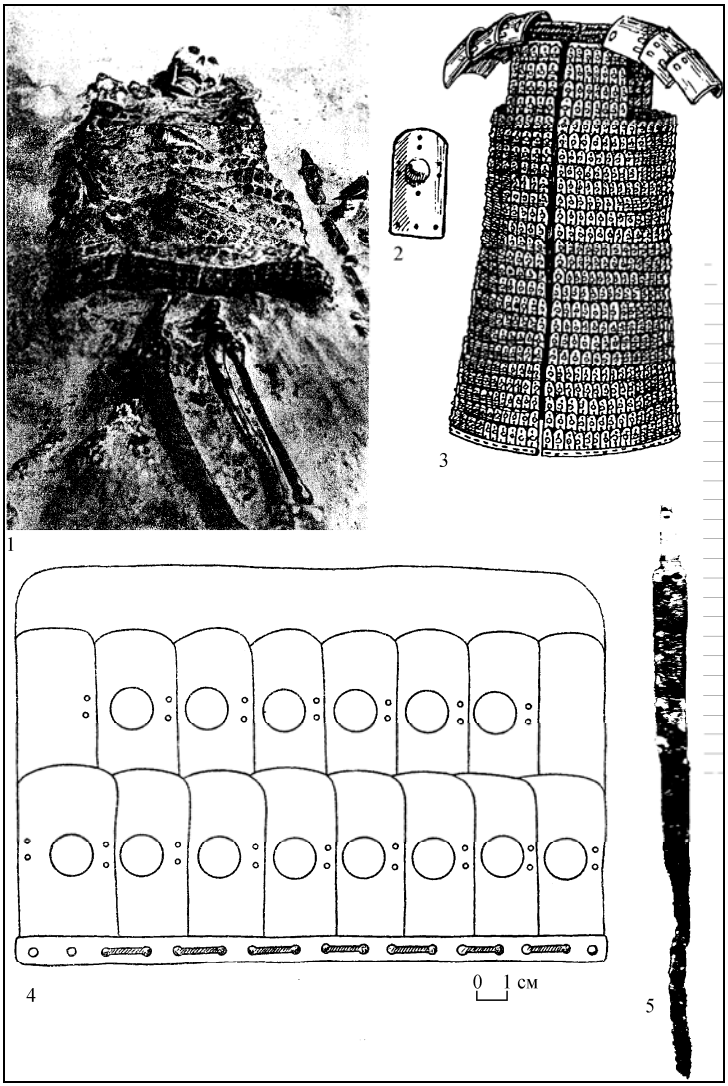

Рис. 5. Отдел Г. Тип. I. План погребения и вещи из кургана 19 КМ Джангала; 1 – план погребения; 2–4 – фрагменты ламеллярного доспеха; 2, 5 – железо; 3–4 – железо и кожа.

Набор сопроводительного инвентаря также как и в погребениях типа БІ состоит из предметов сбруи, оружия, бытовых вещей, поясной гарнитуры. Стремена были с расплющенной верхней частью дужки и широкой подножкой (Д І) (рис. *7*). Этот тип стремян ранее XII века не встречается [Федоров-Давыдов, 1966, с. 16].

Все наконечники стрел плоские. Они представлены листовидным типом (рис. *7*) и ромбическим типом с удлиненной нижней частью (рис. *7*). Такие типы наконечников более характерны для предмонгольского времени [Федоров-Давыдов, 1966, с. 27–28]. Сохранились древки от стрел длиной до 60 см [Заседателева, 1980, л. 15].

Наконечники стрел находились в берестяном колчане и в западном конце подбоя у южной стенки ямы. Колчан был длиной 59 см с широкой верхней частью и узкой нижней частью. Колчан находился с правой стороны скелета человека. На колчане и под ним были зафиксированы железные накладные бляшки, которые, соединяли части колчана и украшали его (рис. *7*). Украшение частей колчана с помощью накладных бляшек было более характерно для домонгольского времени [Могильников, 2002, с. 115].

Важно отметить, что в погребении был обнаружен кожаный пояс с десятью бронзовыми накладными бляшками, имитирующими лировидные пряжки с язычками (рис. *7*). Еще к поясу были прикреплены две фигурные пряжки с кольцами для подвешивания кожаных чехлов, внутри одного из которых лежало кресало. На конце пояса с одной стороны был закреплен наконечник в виде прямой пластины с одним ровным и другим приостренным краем. Внешняя сторона наконечника ремня была украшена растительным орнаментом. С другого конца к поясу с помощью обмотки было прикреплено кольцо, в которое продевался наконечник ремня. Для фиксации конца ремня использовался тренчик.

Прямых аналогий поясным бляхам-накладкам нами не было обнаружено. Также в комплекс входило однолезвийное калачевидное кресало без выступа с прямыми незамкнутыми концами (рис. *7*). Аналогии ему имеются в материалах кочевников южнорусских степей XI века [Плетнева, 1958, с. 168–169].

Таким образом, в погребении с частями коня, уложенными на ступеньке слева от человека под земляной насыпью, сверху обложенной камнями содержатся вещи, датирующиеся XI–XII вв.

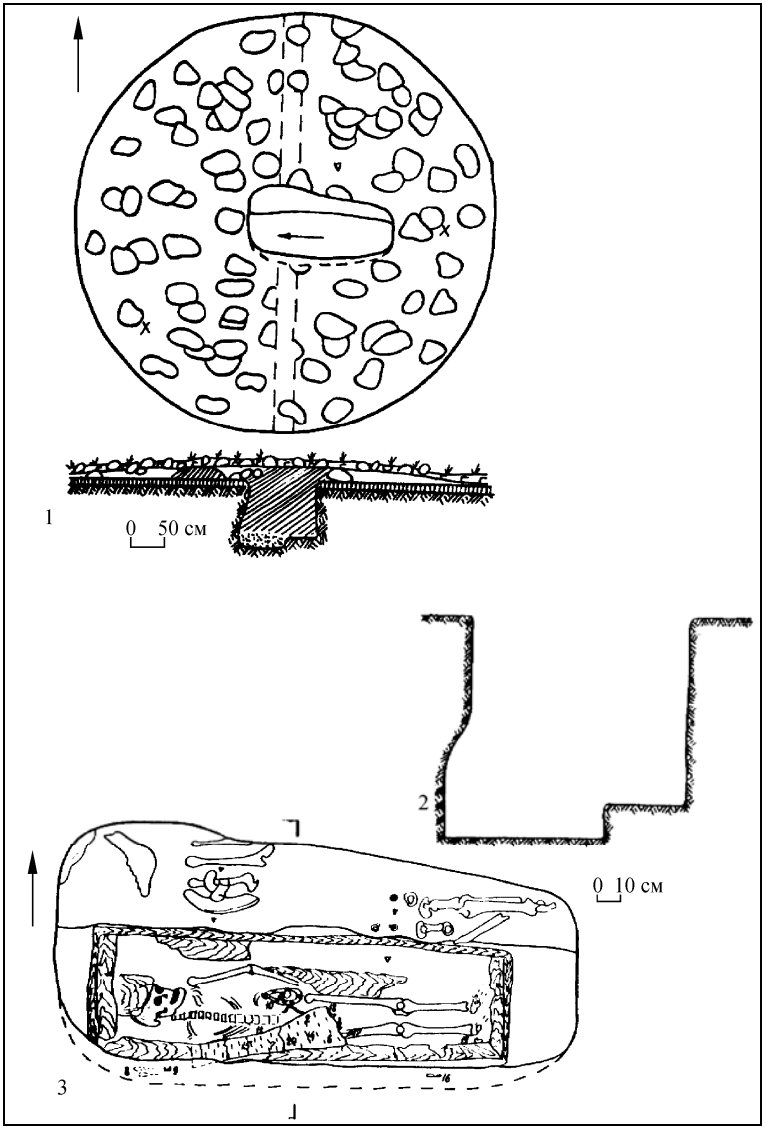

Рис. 6. Отдел Б. Тип II. Виды общих планов и планов погребений. 1–3 – Новоорский курганный могильник, курган 2.

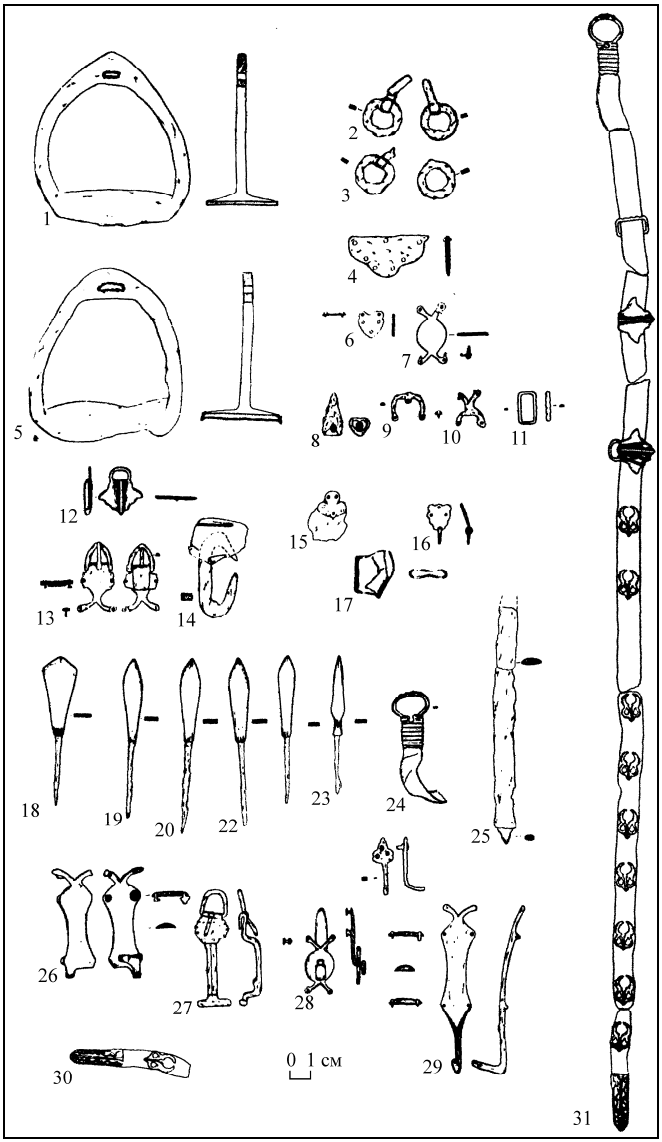

Рис. 7. Отдел Б. Тип II. Комплексы вещей из погребений. 1–31 – I Новоорский курганный могильник, курган 2, 1–23, 25–29 – железо; 12–13 – бронза; 24, 30, 31 – кожа и бронза.

Общей объединяющей чертой типов погребений БІ и Б II было захоронение на ступеньке слева от погребенного частей коня. Ориентировка погребенного человека и коня совпадала.

Также в степях Приуралья были распространены погребения под земляными насыпями в сопровождении частей коня, которые располагались справа от человека, с ориентировкой противоположной человеку и по характеру надмогильного сооружения они тоже различались, поэтому были отнесены к другим типам (Г І и Г II). К типу Г І относятся погребения под земляными курганами, где в захоронении части коня (череп и ноги) расположены на ступеньке справа от человека. Ориентировка человека и коня противоположная. Это были следующие комплексы: Джанагала КМ І, курган 19; Джанагала КМ І, курган 1; Джангала – Новая-Казанка, курган 1; Озеро Раим, курган 1; Карасу КМ І, курган 10.

Следует отметить, что одно из этих погребений (Джанагала КМ І, курган 19) было исследовано в дюнах, среди сыпучих бугристых песков. Никаких признаков курганной насыпи и очертаний могильной ямы не сохранилось [Синицын, 1951, с. 109]. Тем не менее, это погребение по способу и месту захоронения коня аналогично погребениям выделенного здесь типа.

Вокруг основания одно из курганов имелся ровик шириной до 3 м [Кушаев, 1993, с. 104].

Во всех погребениях на ступеньке справа от человека располагались кости коня: череп, передние и задние ноги, отчлененные по колено. Конь был ориентирован противоположно ориентировке человека. Вместе с частями коня находились предметы конской упряжи.

Погребенные люди были уложены на дне подбоя головой на восток, в позе вытянуто на спине. Руки были вытянуты вдоль тела или правая была согнута в локте. В одном из погребений был зафиксирован кусок мела.

В целом, все погребения данного типа являются захоронениями воинов-мужчин. Наборы вещей включают предметы конской упряжи (удила стремена, седло) и оружие (палаш или сабля, наконечники стрел, петли от колчанов). В одном из погребений находился целый железный ламеллярный панцирь (рис. *5*).

В другом погребении, был зафиксирован палаш (прямой меч) с изогнутой рукоятью (рис. *5*). Он был длиной 104 см (клинок – 93 см, рукоять – 11 см) и шириной 4,5 см. На рукояти была зафиксирована

деревянная обкладка. Конец лезвия на расстоянии 30 см от острия был заточен с двух сторон [Синицын, 1951, с. 109–111]. Мечи подобного типа являются исходной точкой в эволюции сабель. Вместе с тем, палаш находился в комплексе с наконечниками стрел и стременами, более характерными для периода XIII–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 24].

Пластинчатый панцирь из этого же комплекса имеет широкие хронологические аналогии. Панцирь имел вид длиной безрукавной рубашки, доходящей почти до колен. Его размеры были следующими: длина 110 см, ширина в плечах 40 см, ширина нижней полы 60 см (нижняя часть панциря была подобрана, образуя ленту в четыре слоя пластинок).

Доспех был изготовлен из железных пластинок продолговатой формы, размерами 6,5х3,5 см, толщиной до 1,5 мм. Один конец пластинок имел овально-закругленную форму, противоположный конец был обрезан прямолинейно и снабжен тремя дырочками в 1 мм. Такие же дырочки были расположены по боковым сторонам, однако, вследствие сильного окисления железа, количество их не установлено. Посередине на пластинках, с лицевой стороны были выпуклины в виде полушария, диаметром до 1 см. Наплечники состояли из шести дугообразно согнутых пластин 12х7 см (по три пластинники на каждом плече).

Пластинки панциря скреплялись правильными горизонтальными рядами так, что левый край одной пластинки покрывал правый край другой, а боковые дырочки их совпадали. Ряды панциря располагались в следующей последовательности: первый верхний ряд пластинок прикреплен к четырем железным полосам – две впереди и две сзади, расположенным около плеч. Размер этих полос 19х3,5 см. Пластинки прикреплены к полосам овальным концом вверх: нижний их конец скреплен кожаной обоймой, окаймляющей пластинки на 1 см. Обойма прошита через дырочки ремешком. На первый верхний ряд заходил на 1,5–2 см следующий нижний ряд, таким образом, получалась пластинчатая броня, состоящая из 25 параллельных рядов, расположенных чешуйками снизу вверх. С внутренней стороны на пластинках хорошо заметны прикипевшие следы холщевой ткани, служившей, вероятно, подбоем панциря [Синицын, 1951, с. 109–111].

Таким образом, по характеристике своих деталей данный железный панцирь относится к разряду ламеллярных (пластины соеди-

няются между собой через систему сквозных отверстий с помощью ремешков), к разделу вертикальных (пластины длиной стороной направлены по вертикали и набраны в горизонтальные полосы). Реконструкция доспеха была сделана М.В. Гореликом (рис. *5*).

Овально-прямоугольная форма, размеры пластин и их декоративное украшение умбонами (полусферическими выступами посередине пластины) имеют точные аналогии с панцирными пластинам из погребений на Алтае: в материалах комплексов Балык-Соока, курган 11 и курган № 7 в долине р. Сентелек, которые датируются VIII–IX вв. [Кубарев, 2002, с. 92–96, с. 100; Шульга, Горбунов, 2002, с. 115–124; Синицын, 1951, с. 109–111].

От доспеха из погребения Шалкар КМ III, курган 12, панцирь из Джангалинского погребения отличается более крупными размерами пластин и наличием декоративных полусферических выступов.

Традиция украшения пластин находит аналогии также в элементах брони у населения кенкольской культуры Семиречья IV–V вв. н.э., в Волжской Булгарии и на Руси в XII–XIII вв. н.э. [Шульга, Горбунов, 2002, с. 124].

Вместе с тем следует отметить, что находки целых защитных доспехов в погребениях средневековых кочевников евразийских степей достаточно редки и, вероятно, маркируют знатные воинские погребения.

В третьем погребении была зафиксирована слабоизогнутая сабля. Она была длиной около 96 см (клинок – 77 см, рукоять 17 см) и шириной 3,5 см. Рукоять была изогнута в сторону лезвия, перекрестие было прямое брусковидное. На рукояти было бронзовое навершие (рис. *5*). Сохранились железные наконечники от ножен сабли. Сабли такого типа имеют широкий хронологический диапазон с X–XIV (тип Б I) [Федоров-Давыдов 1966, с. 23]. В комплексе сабля находилась со стременем с узкой закругленной книзу подножкой, более характерной для домонгольского времени. Серцевидная железная пряжка из этого же погребения имеет аналогии в материалах тюркских захоронений IX–XI вв. [Могильников, 2003, с. 101]. Другой инвентарь из этого погребения имел широкое хронологического бытование: железные двусоставные удила с небольшими в диаметре кольцами, бронзовая серьга в форме кольца диаметром 2 см, костяная петля от колчана (рис. *5*).

Таким образом, датировка погребений с частями коня, расположенными на ступеньке справа от человека с противоположной ориентировкой отличается широким хронологическим размахом с IX по XIV вв.

Все же, вероятнее всего, что эти комплексы датируются XI – началом XIII вв. Верхняя граница определяется XI веком по типам односоставных удил, встречающихся в некоторых из погребений этого типа. Ограничение XIII веком бытования этих типов захоронений обосновывается преобладанием ромбических типов стрел, распространением накладок лука домонгольского типа, стремян с узкой закругленной книзу подножкой.

Для определения этнической принадлежности выделенных типов погребений были проведены аналогии с археологическими материалами IX–XI веков степей Восточной Европы.

В процессе поиска археологических аналогий выделенным типам погребений степей Приуралья учитывались два типообразующих признака погребального обряда: место и способ захоронения коня или его частей, а также характер надмогильного сооружения. Следует отметить, что погребения с конем являются наиболее характерными элементами погребального обряда кочевников-тюрок Алтая, Хакассии, Монголии, Семиречья, но детального совпадения с погребениями евразийских степей не было обнаружено [Федоров-Давыдов, 1966, с. 128]. Это характерно и для материалов, изученных недавно [Могильников, 2002; Кубарев, 2005].

Представления о назначении и роли коня в загробном мире, основанные в целом на его естественных функциях, как транспортного животного и источника пищи, и являющиеся у шаманистов общим элементом в их религиозных воззрениях, в каждом конкретном случае реализуются по-разному, начиная с умерщвления коня и его препровождения в загробный мир [Нестеров, 1990, с. 53].

Роль лошади, погребенной вместе с человеком, заключалась в доставке умершего и служении ему там так же, как при жизни на земле. Для этого лошадь была полностью экипирована. Этнографические данные свидетельствуют о том, что, согласно верованиям шаманистов, человек после смерти становится «сунезин» и путешествует по земле на лошади, если она была с ним препровождена, в течение 40 дней или одного года, после чего переселяется в мир мертвых, где превращается в «ўзўт». Исходя из того, что конь дол-

жен был доставить погребенного в загробный мир, то, вероятно, ориентировка головы коня в ту или иную сторону света указывает на маршрут движения, который соответствовал представлениям людей о «дороге в мире мертвых», при этом учитывались топографические особенности местности [Нестеров, 1990, с. 72].

Курганы с каменной наброской на насыпь типа панциря также представлены в памятниках кочевников северо-западных предгорий Алтая и еще у кимаков Верхнего Прииртышья [Могильников, 2002, с. 74].

Таким образом, различия в каменных конструкциях над погребениям XI века с частями коня, уложенными на ступеньке слева от человека, вероятно, были связаны с разными этносами. Вероятно, каменные кольца под земляными насыпями связаны с кипчаками, а каменная наброска типа панциря сверху земляной насыпи была связана с кимаками.

Этому не противоречат и данные письменных источников, из которых следует, что в конфедерацию кипчаков входила часть кимаков, канглы. А также части других племенных союзов [Арсланова, 2002, с. 195].

Захоронения XI–XIII вв., в которых встречается обряд расположения лошади справа от человека, также относятся к тюркским этносам. Они имеют аналогии в материалах тюркских погребений в Кудыргэ, Туве, из Минусинской котловины, в северо-западных предгорьях Алтая [Нестеров, 1990, с. 73; Могильников, 2002, с. 78]. От них приуральские погребения отличаются наличием не целого остова коня, а лишь его шкуры (череп и кости ног коня).

На расселение в Приуральской степи народа Кангле (до середины XIII века) указывают и другие письменные источники. Канглы, как сообщает Рубрук, были какими-то родственниками Команов. Их земля простиралась от низовий левобережья Волги и далее на восток, где границу их расселения невозможно точно установить. Автор оставил следующие географические привязки: «К северу от Каспийского моря находится та пустыня, в которой ныне живут Татары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле» [Рубрук, 2003, с. 155].

Плано Карпини сообщает, что в степях от Днепра до Урала проживали команы, а к юго-востоку от реки Урал (примерно до реки Сыр-Дарьи) находилась земля кангитов – таких же кочевников, как

были команы. Эти народы после продолжительной борьбы были завоеваны татарами (монголами): «На всей земле Комании мы видели многочисленные головы и кости мертвых людей, которые лежали на земле подобно навозу. Этих Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство, однако весьма многие из сбежавших возвращаются к ним» [Карпини, 2003, с. 94].

Таким образом, погребальный обряд кипчаков в степном Приуралье в домонгольский период имеет следующие особенности: каменные кольца под земляной насыпью или каменный панцирь сверху насыпи, захоронение частей коня слева от человека и в соответствии с ориентировкой человека или справа от человека, но тогда противоположно погребенному человеку. Учитывая эти различия, была сделана попытка выделить погребения кипчаков, кимаков и канглов.

Список использованной литературы:

Арсланова, 2002 – Арсланова А.А. Остались книги от времен былых… – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.

Атавин, 2008 – Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX- первой половине XIII века (печенеги, торки, половцы) //Древности юга России. М.: Издательство Института археологии РАН, 2008. С. 71–105.

Бисембаев, 2003 – Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: «Полиграфсервис», 2003. 236 с.

Гарустович, Иванов, 2001 – Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа: Изд-во «Рифей», 2001. 210 с.

Горбунов, 2002 – Горбунов В.В. Панцирь из Татарских могилок (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62–78.

Заседателева, 1981 – Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8855.

Иванов, Кригер, 1988 – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Карпини, 2003 – Карпини П. Путешествие в Евразийские степи. Алматы: Изд-во «Кочевник», 2003. С. 3–115.

Кригер, 1983 – Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника // СА. 1983. № 3. С. 171–187.

Кубарев, 2002 – Кубарев В.Г. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-сӧӧка. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–111.

Кубарев, 2005 – Кубарев В.Г. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кушаев, 1993 – Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: Изд-во пед. института, 1993. 171 с.

Кызласов, 1980 – Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2. С. 80–92.

Матюшко, 2007 – Матюшко И.В. Кочевнические культуры Южного Урала эпохи средневековья (по данным анализа взаимовстречаемости признаков погребального обряда) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 515–525.

Могильников, 2002 – Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Нестеров, 1990 – Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 143 с.

Плетнева, 1958 – Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 151–226.

Рубрук, 2003 – Рубрук В. Послание Вильгельма де Рубрук. Алматы: Изд-во «Кочевник», 2003. С.116–235.

Синицын, 1951 – Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 109–112.

Федоров-Давыдов, 1966 – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966. 271 с.

Шульга, Горбунов, 2002 – Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Селентек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–143.

I.V. Matyshko

THE FEATURES OF FUNERAL CEREMONY OF STEPPE PRE-URAL NOMADS OF XI–XIII CENTURIES

The article is devoted to analysis of material of 15 burials of steppe Pre-Ural nomads of XI–XIII centuries. The burials were divided into types basing on character of cemetery and way of horse burial. Description and comparison of burial types, mapping of monuments enabled author to draw some conclusions. The forms of horse burials indicate ethnic differences. The study was supported by the Ministry of education and science of the Russian Federation, project 14.B37.21.0963 (subject of research work – "A role of the states of an era of the Middle Ages and new time in the course of formation of the ethnocultural map of South Ural and Prikamye").

Keywords: funeral ceremony, cemetery, way of horse burial, ethnic differences.

Сведения об авторе

Матюшко Ирина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет» (г. Оренбург); e-mail: irina_dojnikova@mail.ru

Matyushko Irina Vyacheslavovna – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian history, the Orenburg state pedagogical university (Orenburg); e-mail: irina_dojnikova@mail.ru

УДК 316.324.3(45+57:43)

А.Л. Осипян

МИГРАЦИЯ, АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ В ОСЕДЛОМ ОБЩЕСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕХОДА ПОЛОВЦЕВ К ОСЕДЛОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ В ГАЛИЦКОЙ РУСИ И ВЕНГЕРСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В XIII–XV вв.[1]

Данная статья посвящена проблеме перехода к оседлому образу жизни кочевников-половцев (куманов, кипчаков). После разгрома монголами в 1220–1240-х годах значительная часть половцев откочевала из степей и перешла на службу к правителям стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Нами проведен сравнительный анализ процессов адаптации и интеграции половцев в двух странах – Венгерском королевстве и Галицком княжестве. Поскольку в Венгрии половцы проживали компактно в степи *пушта* (в бассейне реки Тиса), несли военную службу королю под началом своей знати, они интегрировались в венгерское общество как автономная корпорация и сохраняли свою культуру и язык до конца XV века. В Галицком княжестве половцы были расселены дисперсно – возле городов и замков. В 1349 г. Галицкая Русь стала провинцией Польского королевства, а половцы утратили военно-служебную функцию. Часть половцев была включена в дворянскую корпорацию (*шляхта*). Потомки половцев, жившие в городе Львове, постепенно интегрировались в разные городские «нации» в зависимости от того, к какой конфессии они принадлежали – католической, армянской или православной (*русинской*).

Ключевые слова: половцы, Галицкая Русь, Венгрия, миграция, адаптация, интеграция, кочевники, оседлость.

[1] Эта статья, в некоторой степени, является продолжением темы, поднятой нами в статье «Поширення християнства серед половців в XI–XIV ст.», опубликованной в журнале *Київська старовина* в №1 и №2 за 2005 г.

Несмотря на растущий интерес к истории Галицко-Волынского княжества, имеющий место в украинской историографии последние несколько лет, за пределами исследовательских интересов историков остаются половцы, в середине XIII в. осевшие во владениях князя Даниила Романовича. С одной стороны, подобную ситуацию можно объяснить незначительным количеством источников, особенно для периода конца XIII – первой половины XIV вв., с другой – вниманием украинских исследователей почти исключительно к политической истории княжества, которое рассматривается как важное соединяющее звено в истории украинской государственности – от Киевской Руси к украинской народности позднего средневековья и раннего нового времени. Поэтому этнические меньшинства, проживавшие на западно-украинских землях в этот период, остаются за пределами исследовательских интересов украинских историков. Что касается исследователей истории половцев (кипчаков, куманов) в степях Восточной Европы, то они, как правило, ограничивают свою работу 1230-и годами, когда в этом регионе установилось монгольское господство, и далее изучают уже историю Золотой Орды, кочевое население которой в их трудах выступает под названием «татаро-монголы» или «татары». Таким образом, половцы, отступавшие под натиском монголов и откочевавшие в страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, не вызывают существенного интереса ни у историков Галицко-Волынского княжества, ни у отечественных исследователей восточноевропейских кочевников. Одним из немногих исключений можно считать статью П.Голубовского «Половцы в Венгрии», опубликованную еще в 1889 г. [Голубовский, 1889]. В то же время, в венгерской исторической науке и востоковедении половецкая проблематика плодотворно исследуется на протяжении XIX–XXI вв.[2] Поэтому, нам кажется перспективной попытка осуществить сравнительный анализ процессов социальной и культурной трансформации половцев в Венгерском королевстве и

[2] Мы ограничимся лишь публикациями на английском и французском языках, с которыми имели возможность ознакомиться в ходе нашего исследования [Pálóczi Horváth, 1989; Rásonyi, 1957, p. 73–143; Rásonyi, 1962, p. 233–243; Rásonyi, 1967, p. 135–149; Vásáry, 1988, p. 260–271; Vásáry, 2005; Spinei, 2003; Nikolov, 1996; Nikolov, 2005].

Галицкой Руси[3] в XIII–XV вв. Это даст возможность выявить как общие черты, так и отличия в практиках приспособления кочевников к новым условиям жизни на новых территориях, соседних, но разделенных Карпатами. Сравнительный анализ с Венгрией также позволит выявить проблемы, требующие дальнейшего исследования украинскими историками.

Как Венгерское королевство, так и Галицкая Русь не были «неизвестной землей» для половцев до их переселения сюда в 1230–1240-х гг. Свой первый набег на Венгерское королевство половцы хана Капольча/Копульхи осуществили еще в 1085 г. по просьбе короля Шаламона (1063–1074), который вел борьбу со своим конкурентом королем Ласло I (1077–1095). Вместе с половцами Шаламон в 1085 г. предпринял набег на византийские владения [История Венгрии, 1971, с.124–125]. На протяжении последующих десятилетий половцы время от времени совершали набеги на Венгрию, либо же совместно с венграми нападали на Византию. С началом XIII в. Венгрия активизировала свою деятельность в Валахии и Молдавии, с целью выхода к Черному морю. Эти территории находились под контролем половцев, зимовавших в Нижнем Подунавье и использовавших эти земли в качестве базы для своих набегов на Балканы [Князький, 2000, с.121–129]. Христианизация половцев должна было остановить их набеги на Венгрию и поставить эти земли в зависимость от венгерской короны. Вот почему венгерские короли оказывали активную поддержку католической церкви, а именно – недавно созданному ордену доминиканцев («братьев проповедников»), провинция которого в Венгрии была учреждена уже в 1221 г. В 1224 г. архиепископ Эстергомский Роберт отправил доминиканцев в Куманию [Dobre, 2003, с.227]. Там около 1227 г. они крестили половецкого вождя Бориса или Борча (Boricius, Borics, Bortz, Bort, Borc, Burch, Barc) вместе с несколькими членами его клана [Richard, 1998, p. 24]. Успех мисси доминиканцев может быть связан с тем, что она началась вскоре после первого монгольского вторжения в Половецкую землю и поражения половецких и русских войск на реке Калке 16 июня 1223 г. Принимая католицизм, половецкая знать надеялась

[3] В позднесредневековых западноевропейских источниках «Галицкая Русь» выступает под названием *Ruthenia Rubra* – «Червонная Русь» или просто «Русь» (*Ruthenia*, *Russia*).

обеспечить себе протекцию венгерского короля и потенциальное убежище в Венгрии в случае бегства от монголов. Известно, что Борч был погребен в часовне девы Марии, возведенной доминиканцами [Там же]. В 1227 г. был крещен Мемброк (Membrok, Benbrorch, Benborch), сын Борча [Golden, 1998, p.219]. Именно тогда, а по другим данным в 1229 г., было создано Половецкое епископство, охватывавшее территорию между Карпатами и реками Олт, Дунай и Серет. Центр новой епархии располагался в Милково или Милко, на берегу одноименной реки – притока Серета [Dobre, 2003, p. 228, 234; Pálóczi Horváth, 1989, p.48]. Таким образом, это были не собственно половецкие степи, а подконтрольное половцам Нижнее Подунавье (будущая Валахия и юг Молдавии) с оседлым православным населением. С этого момента венгерские короли начали включать в свою титулатуру и Куманию (rex Cumaniae) [Pálóczi Horváth 1989, p.48]. Первым епископом Кумании (episcopus Cumanorum) был назначен доминиканец Теодор (Theodoric), которого активно поддерживала Венгрия. Известно, что 21 марта 1228 г. папа Григорий IX утвердил его в этом сане [Richard, 1998, p.24], и в 1234 г. отправил ему послание [Dobre, 2003, p.228]. Половецкое епископство прекратило свое существование в 1241 г. в результате монгольского вторжения. По некоторым данным около 90 доминиканцев приняли тогда мученическую смерть [Там же, p.228–229].

В 1238–1239 гг. монгольское войско Бату-хана начало последний этап покорения половцев в степях Северного Причерноморья и Приазовья. В этих условиях, половецкий хан Котян (Котень) Сутоевич во главе 40-тысячной орды в поисках убежища прибыл в Венгрию на Пасху 1239 г. [Pálóczi Horváth, 1989, p.47]. Венгерский король Бела IV (1235–1270) намеревался использовать половецкое войско для укрепления своей власти над своевольными феодалами, поэтому одарил половцев различными привилегиями [Pálóczi Horváth, 1989, p. 49–50]. Для расселения половцам были назначены степные земли в центре Венгрии к востоку от Дуная, в бассейне рек Тиса, Темеш, Марош и Кереш. Однако, соседство кочевников с местным оседлым населением приводило к многочисленным конфликтам [История Венгрии, 1971, с.131]. Как писал современник этих событий архидиакон Рогерий: «Однако, когда король куманов со своими дворянами и простолюдинами начал кочевать по Венгрии, поскольку у них были неисчислимые стада скота, это причинило

серьезное опустошение пастбищ, пашен, садов, огородов, виноградников и прочей собственности венгров» [Pálóczi Horváth, 1989, p. 49]. Феодалы были недовольны не только тем, что половцы «похозяйничали» в их владениях. Они также опасались, что король может использовать воинственных кочевников для ограничения независимости феодалов и укрепления королевской власти, существенно ограниченной «Золотой буллой» в 1222 г. Половцев начали обвинять в том, что они, якобы, являются тайными союзниками монголов, которые уже вплотную приблизились к границам Венгрии. Тогда, в марте 1241 г. Бела IV поселил Котяна с семьей в одной из королевских усадеб в городе Пешт. Однако, группа венгерских и немецких воинов, вероятно, подговоренных австрийским герцогом Фредериком Бабенбергом, захватила усадьбу и убила Котяна и его родственников. Узнав об этом, половцы быстро собрались и ушли на юг, покинув Венгрию, в которую через Карпатские перевалы уже входили монгольские войска [Pálóczi Horváth, 1989, p. 50–51]. 12 апреля 1241 г. в битве на реке Шайо войско Белы IV было полностью разгромлено монголами, которые подвергли Венгрию страшному опустошению. Покинув Венгрию, половцы перешли на службу к болгарскому царю Коломана I Асеня (1241–1246). Они принимали участие в бесконечных войнах между Болгарским царством, Латинской и Никейской империями [История Византии, 1967, с. 61, 64, 66, 70; Vásáry, 2005, p.64, 67, 115–118]. В 1246 г., после смерти своего покровителя царя Коломана I, бывшая орда Котяна вернулась в Венгрию по приглашению Белы IV [Pálóczi Horváth 1989, p. 52; Nikolov, 1996, p.49].

Часть половцев, в результате трагических событий 1230-х годов, перешла на службу к русским князьям. Исходя из имеющихся источников, больше всего половцев было на службе у Галицкого князя Даниила Романовича. Союзные отношения с половцами Даниил унаследовал от своего тестя князя Мстислава Мстиславича Удатного, ведь тот был женат на дочери Котяна: «Сей же Котянъ тесть бѣ князю Мьстиславу Мьстиславичу Галичьскому» [Тверская летопись, 1981, с.152]. Таким образом, Котян был дедом по материнской линии жены князя Даниила. Неудивительно, что Даниил старался использовать родственные связи в политической борьбе. Ярким примером может послужить летописное повествование о событиях 1228 г., когда князья Владимир Киевский и Михаил Черниговский пошли войной на владения Даниила, при этом Владимир еще и при-

звал на помощь половцев: «Володимер же всади Котяня и вси половци» [ГВЛ, с. 268]. Намереваясь разорвать союз Владимира с половцами, Даниил начинает переговоры с Котяном, в частности, апеллируя к их родственным связям: «Данило бо творящуся миръ сотворити с ними, переводя ими, и ѣха в ляхы по помощь, а Павла своего посла ко Котяневи, река: «Отче, измяти войну сю, прими мя в любовь собѣ». Он же (Котян. – А.О.) ѣхавъ взя землю Галичъскую, иде в землю Половецкую, и не обратися к нимъ» [Там же]. Таким образом, после переговоров, прислушавшись к просьбе Даниила, Котян ограничился традиционным для кочевых набегов ограблением Галицкой земли и вернулся в степи, не присоединившись к врагам Даниила.

В качестве союзников Мстислава Удатного половцы фигурируют в летописных статьях 1217, 1219, 1225 и 1227 гг. [Там же, с.254, 262, 266]. Союзные отношения Мстислава с Котяном были настолько тесны, что враги даже обвиняли Галицкого князя в том, что он планирует уничтожить своевольных бояр с помощью половцев: «Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ галичькимъ, яко: «Идеть Мстиславъ в поле и хощетъ вы предати тестеви своему Котяневи на избитье» [Там же, с. 262]. После смерти Мстислава Даниил унаследовал его налаженные контакты с Котяном. Уже в 1229 г. в ходе войны за Галицкую землю между венгерским королем и Даниилом Котян выступает на стороне последнего: «Данилъ же приведе к собѣ ляхы и половци Котяневы. А у короля бѣаху половци Бѣговаръсови» [Там же, с.274]. Вновь Даниил призвал половцев на помощь в 1233 г.: «Данилъ же ѣха Киеву и приведе половцѣ» [Там же, с.282]. Из дальнейшего повествования летописи видно, что это были половцы Котяна. Прочие князья также использовали половцев в войнах против Даниила (в 1234, 1235 гг.) [Там же, с.284, 286]. Однако, характерно, что в этих случаях Котян не фигурирует, к тому же, под 1235 г. летописец отметил, что половцы избегали открытого сражения с Даниилом и ограничились лишь захватом добычи: «Половци же придоша в землю Галичькую, не восхотѣша ити на Данила, вземшю всю землю Галичькую, возвратишася» [Там же, с.286].

Из имеющихся в нашем распоряжении источников видно, что еще в домонгольскую эпоху некоторые половцы переходили на службу к галицко-волынским князьям и получали от них владения «для корма». Данное предположение основано на летописной статье

1232 г., где сказано, что Даниил захватил город Плеснеск (недалеко от совр. г. Броды), который до этого держали бояре Арбузовичи: «Данилъ же поиде … Плѣсньску, и пришедъ взя и подъ Аръбузовичи» [Там же, с.282]. Арбузовичи, судя по всему, были половцами, поскольку в венгерских источниках под 1290 и 1298 гг. упоминается Арбуз – один из вождей тех половцев, которые осели в Венгрии после 1246 г. [Arbuz Cumanum, 1967, p.136]. В XIX в. исследователи Надеждин и Неволин указали на село Арбузов (укр. *Гарбузів*) вблизи Плеснеска как место усадьбы этого семейства [Котляр, 1998, с. 241–242]. Тот факт, что в летописи упомянуты именно Арбузовичи, а не один только Арбуз, указывает на то, что город Плеснеск был в держании у всего клана Арбузовичей, а не у одного лица. Естественно предположить в этом случае, что на службу они пришли со своими слугами, семьями и скотом. Подобные случаи имели место и в иных древнерусских княжествах. Причиной перехода половецких кланов на службу к русским князьям могли быть межклановые столкновения в степи. Отдельные половцы могли переходить на службу к князьям в поисках убежища, скрываясь от мести (за убийство или иной серьезный проступок), либо же были взяты в плен и со временем приняты в княжескую дружину.

Вероятно, много половцев перешло на службу к Даниилу на рубеже 1230–1240-х гг., в поисках спасения от монголов. Поскольку половцы и раньше приходили на призыв князя в качестве его союзников, то этим, вероятно, можно объяснить отсутствие специального упоминания в летописи. Летописец (и его современники) не воспринял приход половцев как что-то необычное. Кроме того, на службу к Даниилу половцы могли приходить постепенно, отдельными кланами, рассеянными монгольским нашествием, а не большой ордой, как это было в случае с приходом Котяна в Венгрию в 1239 г. Более того, вероятно и сами половцы в то время рассматривали свою службу как временную, поскольку никто не знал как долго монголы задержатся в причерноморских степях, и задержатся ли вообще, если не уйдут на восток, как это было после битвы на Калке в 1223 г. Показательным в этом плане является то, что сам Даниил не спешил с поездкой в Орду Бату-хана до осени 1245 г.

Уже под 1243 г. летописец сообщает, что известие о возвращении монголов из западного похода (на Польшу и Венгрию) Даниилу принес половец Актай: «Данилу же будущу во Холмѣ, прибежѣ к

нему половчинъ его именемь Актай» [ГВЛ, с.302]. Форма «половчинъ его» указывает на то, что половец был на службе у Даниила. В войске Даниила половцы упоминаются в 1245 г., в ходе войны с князем Ростиславом Михайловичем, который привел с собой венгров и поляков: «Данилъ же воружився, поемь вое свое, поиде рѣцѣ Сяну. Броду же глубоку сущу, и приѣхаша половци напередъ, и приѣхавше видиша стада ихъ (венгров и поляков. – А.О.). Не бѣ же страж ихъ у рѣкы. Половцем же не смѣющимъ разъграбити ихъ бес повеления княжа. Онѣм (венгры и поляки. – А.О.) же узрѣвшимъ и убѣгшимъ со стады своими во станы свое» [Там же, с.308]. В данном сюжете обращает на себя внимание, во-первых, то, что в этот раз (в отличие от домонгольского периода) Даниил не приглашал половцев через посланцев, не приводил их откуда-то себе на помощь, он, согласно летописи, просто «поемь вое свое» («собрал своих воинов»). Следовательно, половцы были где-то под рукой, в княжих владениях, а не в далекой степи, где теперь хозяйничали монголы. Более того, на этот раз половцы выступают не в качестве союзников, а лишь как часть княжеского войска. На это указывает и отсутствие упоминания о предводителе половцев. Из этого можно сделать вывод, что половцы были в непосредственном подчинении у Даниила. Летописец упомянул половцев только в связи с интересным, на его взгляд, случаем. А именно, половцы, двигаясь в авангарде войска Даниила, увидели стада скота противника, которые никто не охранял. Легкая добыча. Несомненно, что в любом ином случае кочевники непременно воспользовались бы удачей и захватили скот. Однако, на этот раз они не осмелились так поступить «бес повеления княжа» и упустили шанс (поляки и венгры загнали стада в свой лагерь). Именно из-за этого нетипичного поведения половцев этот сюжет заинтересовал современника-летописца, который и зафиксировал его на страницах летописи. Очевидно, что половцы были в полном распоряжении у князя Даниила, из-за чего даже потеряли легкую добычу. Если бы половцы были союзниками, а не слугами князя, они непременно захватили бы добычу, которую рассматривали как плату за предоставленную ими военную помощь.

В следующий раз половцы упоминаются в летописной статье 1251 г., когда Даниил со своим братом Васильком и польскими князьями Болеславом и Семовитом пошли войной на балтийское племя ятвягов. Так далеко на север в густые леса половцы еще нико-

гда не заходили, ни в ходе своих набегов, ни тогда, когда их приглашали русские князья в домонгольский период. Указывая на то, где был тот или иной князь в ходе битвы с ятвягами, летописец отмечает, что «Лазореви же назадѣ бывшу с половци, нападоша на нь крѣпко и хоруговь его отъяша» [Там же, с.316]. Этот Лазарь больше никогда не фигурирует в летописи, ни до, ни после битвы, из чего можно было бы сделать вывод, что он был боярином (возможно тысяцким?). С другой стороны, у него было собственное знамя («хоруговь»), что как-будто указывает на его княжеский статус. Был ли Лазарь крещеным половцем, или удельным русским князем – со всей определенностью сказать трудно. Скорее всего, он был служебным князем Даниила.

Под 1252 г. летописец сообщает, что Даниил оказал помощь литовскому князю Тевтивилу в борьбе с их общим врагом Мендовгом: «И посла Данило Тевтивила и помочь собѣ и с нимъ русь и половцѣ» [Там же, с.322]. Таким образом, Даниил распоряжался половцами как своим собственным войском. На это, собственно, и указывает летописец немного ниже: «Выѣха же Тевтивилъ изъ города, русь и половци Данилови с ними» [Там же]. Показательно, что летописец написал «половци Данилови» – процесс терминологической трансформации завершился. Напомним, что еще в 1229 г. в летописи «половцѣ Котяневы» и «половци Бѣговаръсови».

В последний раз половцы упоминаются в Галицко-Волынской летописи в 1253 г. во время похода Даниила на литовцев: «Данило же поиде с братомъ Василкомъ и со сыномъ Львом и с половци со сватомъ своимъ Тѣгакомъ» [Там же, с.322–324]. Характерно, что половецкий князь Тегак упомянут не перед «половци» (как надлежало бы предводителю), а позади, как придаток к ним. Возможно, де-факто Тегак и был командиром половецкого отряда, однако летописец упомянул его лишь потому, что Тегак был сватом, но не Даниила, а Льва Даниловича, который в 1247 г. женился на Констанции, дочери венгерского короля Белы IV (1235–1270). Вероятно, воспоминания об этом важном политическом событии еще были свежи[4], и летописец упомянул Тегака, который, очевидно, ездил в

[4] Статья, помещенная в летописи под 1253 г. (6761), на самом деле соответствует событиям 1250 или 1251 г., поскольку хронология Галицко-Волынской летописи весьма условна и приведенные там даты, как правило,

составе (или во главе?) свадебного посольства в Венгрию. Еще до монгольского нашествия Даниил предлагал Беле IV заключить брак между их детьми. Однако Бела IV, делавший ставку на главного врага Даниила – князя Ростислава Михайловича, отказал. В 1245 г. Даниил нанес сокрушительное поражение Ростиславу и венграм у города Ярослава. 26 октября этого же года Даниил отправился в Орду, где был весьма любезно принят Бату-ханом. После возвращения Даниила из Орды в начале 1246 г., уже Бела IV хотел породниться с Галицким князем, пребывавшим теперь под протекцией всемогущих монголов. Однако, теперь не спешил Даниил. Когда новый митрополит Кирилл (ранее занимал высокий пост печатника при дворе Даниила) отправился к патриарху в Никею, по дороге через Венгрию он вел переговоры с Белой IV относительно брака Льва и Констанции. После возвращения из Никеи Кирилл получил согласие Даниила. Вероятно, что при этих обстоятельствах Тегак и выступил в роли свата. По нашему мнению, чтобы быть сватам князя он должен был быть христианином. Более того, можно предположить, что Лазарь и Тегак это один и тот же человек, упомянутый в летописи под обоими своими именами – христианским и языческим.

То, что сватом Льва к венгерской принцессе выступает половец Тегак не должно нас удивлять, поскольку при королевском дворе Венгрии половцы занимали очень высокое положение. После возвращения половцев в Венгрию в 1246 г. король Бела IV женил своего наследника Иштвана (Стефана) на дочери половецкого хана, христианское имя которой было Эржебет (Елизавета). О ее отце известно только то, что он в 1254 г. крестился в доминиканском монастыре в Буде [Pálóczi Horváth, 1989, p.52–53, 78]. Став регентшей после смерти своего мужа короля Иштвана V (1270–1272), Эржебет, даже на печати подчеркивала свое половецкое происхождение: «Elisabet Dei gratia regina Ungarie et filia imperatoris Cumanorum»

отстают от реальных на 2–3 года. По мнению исследователей, в начальном виде эта летопись вообще не содержала конкретных дат, поскольку была написана по образцу жизнеописания (хронографа). Сам летописец в начале статьи 1254 г. (6762) отметил, что даты он вставит в свое сочинение позже: «Хронографу нужа есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разумѣеть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ. <…> Вся же лѣта спишемь, рощетъше во задняя» [ГВЛ, с.324].

[Там же, p.78] («Элизабет, Божьей милостью королева венгерская и дочь половецкого хана»). Таким образом, брат Констанции – невесты Льва – Иштван был женат на половчанке Эржебет, родственником которой мог быть Тегак. Следовательно, выбор его на роль свата выглядит абсолютно логичным. Безусловно, что только после соответствующих переговоров (проигнорированных летописцем) Даниил, с сыном и митрополитом Кириллом в 1247 г. прибыл в венгерский город Изволин, где и взял Констанцию за Льва, а Беле IV вернул его вассалов, взятых в плен несколько лет назад [ГВЛ, с.316]. Несомненно, после брака Льва и Констанции положение Тегака при галицком дворе укрепилось и летописец счел необходимым специально упомянуть его среди участников похода на литовцев.

После 1253 г. упоминания о половцах в Галицко-Волынской летописи больше не встречаются. Некоторые исследователи делают на основании этого ошибочный, по нашему мнению, вывод, что Тегак, забрав свою орду, вернулся в степи [Отрощенко, Рассамакін, 1986, с.34]. Это предположение выглядит довольно сомнительным. Во-первых, навряд ли Тегак, достигший такого высокого положения при дворе Даниила, ушел бы в степи под власть монголов, ставивших своей целью уничтожение половецкой знати и превращение рядовых половцев в своих слуг. (Наконец, Тегак мог просто умереть, чем и объясняется отсутствие дальнейших упоминаний о нем).

Во-вторых, следует учитывать особенности данной летописи, составленной из жизнеописаний четырех князей, написанных их придворными летописцами-биографами, и только позже соединенных позднейшим редактором в хронологической последовательности. Если первая часть летописи (жизнеописание Даниила Галицкого) изобилует упоминаниями о половцах, то в следующих трех (жизнеописания волынских князей) они отсутствуют. Это может быть свидетельством того, что половцы поселились только на землях Галицкого княжества и служили Галицким князьям, в то время как на Волыни их не было, поэтому волынские летописцы их и не упоминают. Жизнеописание Даниила Галицкого доведено до статьи 1260 г. (6768), далее идет жизнеописание его брата, волынского князя Василька. Следовательно, нет ничего удивительного, что после 1260 г. в Галицко-Волынской летописи нет ни одного упоминания о половцах.

В-третьих, половцы не упоминаются еще и потому, что их служба Галицким князьям уже не воспринималось как нечто необычное, а сами они, вероятно, не давали повода для упоминаний. Можно сделать вывод, что за 10–15 лет завершился первый этап инкорпорации половцев в галицкое общество, хотя до окончательной их аккультурации и ассимиляции было еще далеко. И если летописец уже не рассматривал половцев как отдельную политическую силу (достойную упоминания в летописи), то соседние народы, в войнах с которыми Даниил использовал своих половцев, упоминают их время от времени.

В четвертых, половцы на службе у галицких князей или просто в Галицкой земле упоминаются как в современных польских источниках (XIII в.), так и в сочинении «Тройственный Львов», принадлежащего перу львовского патриция и историка Юзефа-Бартоломея Зиморовича (1597–1677).

В этом отношении яркой иллюстрацией может послужить сравнительный анализ описания похода монгольского темника Бурундая на Польшу по данным Галицко-Волынской летописи (под 1261 г.) и Великопольской хроники (под 1259 г.). В начале летописной статьи польский автор перечисляет участников похода: «в Сандомирскую землю вторглись татары с пруссами, русскими. Куманами и иными народами» [«Великая хроника», 1987, с.187]. Тот факт, что сразу после татар он упомянул пруссов, потом русских и, наконец, куманов (то есть сразу после русских), свидетельствует, что речь тут идет о куманах, бывших на службе у русских (галицко-волынских) князей. В то же время, русский летописец не только не упоминает половцев/куманов, но и всячески старается замолчать или преуменьшить участие галицких и волынских князей в походе Бурундая [ГВЛ, с. 352–354]. Это и неудивительно, ведь по сообщению польского автора именно они – Василько, Лев и Роман – пообещали защитникам Сандомира безопасность, а когда те открыли ворота, монголы забрали в плен молодежь, а остальное население вырезали. Таким образом, используя источники, всегда следует помнить, что их авторы ставили себе цель не только донести некую информацию, но также и скрыть определенные факты. Тот факт, что польский автор упомянул куманов среди участников похода, а русский – нет, указывает на то, что оба они рассматривали одно и то же событие с разных перспектив. Следовательно, отсутствие упоминаний о по-

ловцах в Галицко-Волынской летописи после 1253 г. вовсе не может быть доказательством того, что они покинули эти земли.

* * *

Прежде чем перейти к анализу актовых материалов города Львова и сочинению Ю.-Б.Зиморовича, рассмотрим процессы аккультурации и ассимиляции половцев в Венгерском королевстве с середины XIII в.

В Венгрии половцам (*куны, палочи*), подразделявшимся на семь кланов, были отведены степные земли (*пушта*) на левом берегу Дуная в бассейне реки Тиса, где они продолжали вести кочевой образ жизни. Земли эти были малозаселенные, поскольку, по подсчетам венгерских исследователей, на этих территориях после монгольского нашествия осталось без населения около 50–80% сел [Pálóczi Horváth, 1989, p.54–55]. Следовательно, заселяя опустошенные монголами земли, венгерские короли имели в своем распоряжении недалеко от столицы половецкое войско, которое можно было использовать как в войнах против соседних государств, так и против собственных своевольных феодалов. Отдельную территорию для поселения получили ясы (асы, аланы), пришедшие в Венгрию вместе с половцами. Каждый половецкий клан компактно кочевал на отведенной ему территории отдельно от прочих. По подсчетам венгерских исследователей в Венгрию переселилось около 70–80 тыс. половцев и асов, которые вместе составляли около 7–8% населения королевства [Там же, p.61]. Они могли выставить от 4 до 8 тыс. воинов [Там же, p.73]. На протяжении второй половины XIII–XIV вв. половцы принимали участие во многих кампаниях венгерских королей в Чехии, Австрии и Молдавии [Там же, p.68–72]. Во второй половине XIII в. половцы сохраняли свой привычный образ жизни, социальную организацию, судопроизводство. Среди половцев действовали миссионеры-доминиканцы, о чем шла речь в грамоте от 1253 г. папы Иннокентия IV [Richard, 1998, p.31]. Однако, их деятельность была не очень успешной, поскольку папа Урбан IV в 1264 г. поручал архиепископу Эстергомскому следить за соблюдением католической веры у крещеных половцев, крестить прочих, и изгонять из королевства тех, кто отказывается креститься. В 1278 г. папа Николай III требовал у францисканцев в Венгрии евангелизировать куманов, «которые проявляют склонность к принятию католической веры»

[Там же, p.31–32]. Таким образом, в этот период процесс христианизации половцев в Венгрии находился лишь на начальном этапе.

Апогея влияния на политическую жизнь Венгрии половцы достигли в эпоху короля Ласло IV Половца (1272–1290), сына Иштвана V (1270–1272) Эржебет. Поскольку на момент восшествия на престол Ласло было только 10 лет, государством руководила его мать, королева Эржебет. В годы регентства Эржебет усилилось влияние группировок феодалов, боровшихся между собой за влияние на государственные дела. Фактически, началась война между двумя феодальными партиями, возглавляемыми кланами Чаки и Кьосеги. Когда молодой Ласло IV начал в 1277 г. самостоятельное правление, он прекрасно понимал, что сможет преодолеть феодальную анархию только с помощью половцев. В 1277–1278 гг. молодому королю удалось поодиночке разгромить войска обоих кланов и их зарубежных союзников. Признательный король проводил много времени среди верных половцев. Его также привлекало то, что в половецкой среде он мог чувствовать себя свободным от ограничений, налагаемых церковью. По свидетельству недоброжелателей, король даже начал подражать половцам в одежде и языческих обычаях. Он покинул свою супругу, Изабеллу Анжуйскую, дочь короля Сицилии, ради любовницы – половчанки по имени Эдуа[5]. Скорее всего, именно из-за своего поведения, нежели из-за происхождения, Ласло IV и получил от своих внутренних врагов прозвище «Кун» – «Половец» [Pálóczi Horváth, 1989, p.78].

Светские и церковные феодалы старались разорвать опасный для них союз короля с половцами и воспользовались прибытием в Венгрию папского легата, епископа Фермийского Филиппа, который должен был восстановить порядок в стране. Однако Филипп своими действиями скорее нарушил хрупкое равновесие в стране. Как точно отмечает венгерский историк Л.Контлер, внимание легата «было обращено» на то, половцы все еще оставались язычниками. С точки зрения иерархов Римо-Католической церкви союз короля с язычниками был недопустим [Контлер, 2002, с.102]. Под давлением легата

[5] «Sed spreto thoro coniugali filiabus adhesit Cumanorum, Ayduam, Cupchek et Manduam vocatas ac alias quamplures in concubinas habebat, quarum amore cor eius est merito depravatum, et a suis baronibus et regni nobilibus odio habebatur» [Johannes de Thurocz, 1985, p.139].

и феодалов Ласло IV был вынужден созвать совещание в Тетени при участии Алпара, Узура и иных половецких князей. По результатам совещания 10 августа 1279 г. король издал грамоту (*Constitutio Cumanorum*), которая должна была регулировать жизнь половцев в Венгрии [Pálóczi Horváth, 1989, p.79]. В частности, король призывал половцев «окончательно оставить почитание старых идолов и все и по отдельности языческие обряды, и обратиться к единству с католической, то есть православной верой, и святое крещение [принять] всем и каждому, независимо от сословия и пола, кто еще не был крещен»[6]. Пункт 6 предусматривал осуществление окончательной христианизации половцев следующим образом: «поскольку эти семь кланов живут и пребывают в разных местах и в нескольких диоцезиях […], каждый почтенный отец (епископ. – А.О.) [чтоб] заходил к кланам, пребывающим в его диоцезии, вместе с одним из наших баронов и двумя достойными доверия слугами из числа дворян королевства и подтвердил принятие святого крещения теми, кто еще не крестился» [Decreta regni medievalis Hungariae, 1999, p.69].

Половцы должны были осесть на землю и окончательно оставить свой кочевой образ жизни: «отныне они осядут и покинут свои шатры и жилища, сделанные из войлока. Они будут жить и оставаться в селениях на подобие христианских – с домами и жилищами, прикрепленными к земле» [Там же, p.67]. Из всех половецких обычаев и традиций им было позволено сохранить только одежду, длинные волосы (на половецких статуях мы видим их на спине, заплетенными в косы) и брить бороды, да и то лишь по просьбе Ласло IV: «Они будут соответствовать всем христианским обычаям, за исключением бритья бороды, обрезания волос и ношения одежды их покроя, кои обычаи высокочтимый отец господин легат, ради наших настоятельных просьб, согласился с мягкой отеческой добротой не понуждать их менять против их воли» [Там же]. Таким образом, через сорок лет после переселения из степей Приазовья и Причерноморья половцы все еще сохраняли во всей полноте свои традиции и образ жизни.

[6] «Ut ipsi relictis idolorum cultura et omnibus ac singulis paganorum ritibus prorsus dimissis ad catholice seu orthodoxe fidei unionem convertantur, ac sacri baptismatis universi et singuli cuiusqunque etatis et sexus, qui nondum sunt baptisati». [Decreta regni medievalis Hungariae, 1999, p.67].

Из постановления 1279 г. также видно, что у половцев были довольно напряженные отношения с местным оседлым населением: «Они полностью будут воздерживаться от какого-либо своеволия, измен и убийства христиан или пролития их крови на наших землях и в королевстве. И ни в коем случае они не будут совершать и не позволят совершить подобных вещей своим слугам и подданным (suos famulos et subiectos), как они поступали в прошлом» [Там же].

Пункт 5 (*cum super articulo restitutionis captivorum Christianorum*) грамоты требует от половцев освободить христиан, пребывающих у них в плену: «пленные христиане, захваченные каким-либо образом в нашем королевстве и землях, целиком и полностью возвращаются на свободу, они также не могут быть удерживаемы в будущем; [при этом] своих иноземных пленных, захваченных в иных королевствах, они могут оставить»[7]. Следовательно, переходя на службу к христианским правителям, половцы всегда захватывали в плен и удерживали у себя представителей местного населения (вероятно, преимущественно женщин), в качестве своеобразной дополнительной платы за службу. Так, например, бежав от постоянных нападений великого киевского князя Владимира Мономаха, половцы хана Атрака служили у грузинского царя Давида Строителя в 1118–1125 гг. После этого, по сообщению грузинской летописи, Давид вынужден был выкупать у половцев своих подданных: «кто может сосчитать пленных, коих он освободил и забрал у кипчаков за свой собственный счет» [Картлис цховреба, 1955, с.36–37]. Бежав от монголов на Балканы в 1230–1240-х годах, половцы, по сообщению византийского историка Никифора Григоры, грабили монастыри, а монашек забирали с собой [Никифор Григора, 2003, с.100; см. также: Vásáry, 2005, p.117]. Таким образом, во всех этих случаях половцы переходили на службу и захватывали пленных после бегства от врага. Бегство было следствием поражения. Естественно будет предположить, что поражение и бегство сопровождались утратой части скота и повозок (веж) с женами и детьми, потому и возникала

[7] «Quod captivos, quos in regno et terris nostris Christianos quoqunque modo retinebant, precise et absolute reddere, nec retinere tenebuntur; alios vero captivos suos in extraneis regnis captivatos retinebunt» [Decreta regni medievalis Hungariae, 1999, p.69].

необходимость компенсации потерь за счет захвата пленных уже на новых землях[8].

В соответствии с «Constitutio Cumanorum» половцы теряли право на отдельное судопроизводство (значит, сохраняли его до 1279 г.): «вожди куманов, знать и простонародье куманов будут подлежать юрисдикции палатина[9] королевство нашего […] и он будет судить их так же как и какого-либо жителя королевства нашего во всех делах, с помощью судьи либо первого (principe), который будет поставлен в каждом клане» [Decreta regni medievalis Hungariae, 1999, p.69]. У половцев все еще сохранялся обычай кровной мести. Он был настолько силен, что авторы постановления 1279 г. не решились отнести к юрисдикции палатина подобные дела: «если судебная тяжба возникнет между двумя знатными куманами относительно пролития крови или какого-то иного дела, судья из клана потерпевшего будет судить сам, а палатин ничего не будет говорить в судебном процессе между двумя знатными куманами» [Там же]. Однако, возможность кровной мести была существенно ограничена. Если бы одна из сторон не согласилась с приговором и апеллировала бы к королю, тот сам должен был вынести приговор с помощью судьи из клана потерпевшего. Осужденный на казнь мог бежать за пределы королевства и оттуда искать компромисс с потерпевшим. Если за изгнанника вступятся посредники: «тогда такой обвиняемый будет полностью освобожден от подобного изгнания, но от его собственности и добра ему надлежит возместить [вред] тому, кого он обидел» [Там же].

Пункт 4 обязывал половецких вождей и знать, подобно прочим слугам королевским (servientes regis), присоединяться к королевскому войску, в тех случаях, когда его будет лично возглавлять монарх

[8] Вот пример из древнерусской летописи о победе русских князей над половцами на реке Сутень / Молочная (1103 г.): «Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью» [Повесть, 1978, с.270].

[9] Палатин, или «младший король», как правило, сын короля, в задачи которого входило помогать королю управлять восточной частью королевства. Фактически палатин старался приобрести тот же объем власти, что и король, что приводило к неоднократным военным столкновениям. По мнению исследователей, наличие у венгров двух соправителей унаследовано ими еще со времен до переселения в Карпато-Дунайский регион, и соответствует двусоставной структуре многих кочевых обществ.

[Там же, p.68]. Согласно 8 пункту, ни король, ни его бароны и дворяне не должны были принимать к себе и удерживать у себя слуг половецких вождей и знати, а наоборот, обязаны были вернуть этих слуг со всем их имуществом (servos cum universes rebus suis). Вероятно, этот пункт можно истолковать как указание на то, что слуги половецкой знати закреплялись за ней навсегда, и по своему статусу соответствовали «сервам» средневековой Европы.

2 и 3 пункты назначали каждому клану определенную территорию для проживания и ведения хозяйства. В частности, половцам передавались «выморочные» земли, то есть владения умерших крестьян и дворян, не оставивших наследников, а также земли дворян и замковых слуг (jobagionum), заброшенные во времена татарского нашествия. В последнем случае, собственники за свои пустующие земли должны были получить компенсацию или равноценную замену. «Все эти земли будут поделены среди вождей и знати самими куманами в каждом клане, согласно положению и состоянию каждого. Однако, пустые земли дворян и замковых слуг, процветающие прибыльными преимуществами, и изобилующие рыбными ловлями и густыми лесами, как обсуждено выше, также как те земли, на кои дворяне и замковые слуги имеют право владения, либо людей, либо село, или в которых несколько меньшие преимущества получают – все эти земли останутся во владении тех же самых дворян и замковых слуг вольно и в мире с теми же самыми куманами; и это было согласовано с вождями и в целом со всеми куманами, для того, чтобы пока взаимные кумовские и семейные отношения будут установлены между ними, и, в будущем, бóльшая любовь и приязнь распространятся между ними, так что эти дворяне и куманы могут наслаждаться одинаковыми привилегиями вольностей» [Там же, p.70]. Из этого следует, во-первых, что на землях, назначенных половцам, сохранялись владения венгерских дворян и замковых слуг с селами и крестьянами, то есть половцы не были абсолютно изолированы от оседлого иноэтничного населения. Наоборот, в ближайшем будущем предполагалось постепенное сближение разных этносов посредством кумовства и смешанных браков. Вероятно, в полиэтничном Венгерском королевстве уже имелся опыт аккультурации иноэтничного элемента в местное общество (в частности, ранее половцев в Венгрии нашли пристанище печенеги).

Если сравнить эту ситуацию с условиями Галицкой Руси, где не было таких степных пространств как в центре Венгрии и, соответственно, половцы не могли долгое время жить обособленно от оседлых обитателей края и вести кочевой образ жизни, можно предположить, что процессы аккультурации половцев на землях Галицко-Волынского княжества по некоторым показателям протекали быстрее, чем в Венгрии. Судя по всему, во владения Даниила Романовича переселилось намного меньше половцев, чем в Венгрию. На это указывает, в частности, и отсутствие упоминаний о половецких вождях (за исключением «свата Тегака») в Галицко-Волынской летописи, в то время как в Венгрии половцы сохранили деление на семь кланов, а в венгерских источниках неоднократно упоминаются половецкие вожди. Наконец, если Бела IV считал необходимым женить своего сына Иштвана на дочери половецкого хана, то Даниил Романович и Лев Данилович так не поступили, что, по на наш взгляд, опять таки свидетельствует о меньшем числе половцев в Галицкой Руси и, соответственно, меньшее их значение в военно-политической жизни Галицко-Волынского княжества.

Замечание пункта 3 постановления 1279 г. о будущих кумовских и брачных связях половцев с иными этносами Венгрии, дает основание для поиска аналогий в данном направлении и на материалах шляхетского социума Галицкой и Подольской земель в XIV–XV вв., в частности, путем выявления тюркских антропонимов в этой среде.

Таким образом, в соответствии с положениями «Constitutio Cumanorum» знатные половцы и их простолюдины должны были вписаться в существующие структуры венгерского общества и трансформироваться, соответственно, в обычных феодалов и крестьян. В ответ половцы восстали и Ласло IV был вынужден возглавить войско феодалов, нанесшее половцам поражение в битве на озере Ход осенью 1280 г. [Pálóczi Horváth, 1989, p.80] (по другим данным в 1282 г.)[10]. Как писал современник: «Много [половцев] погибло; иные, бросив своих жен, детей и все имущество, бежали к варвар-

[10] «Postea cum anno domini MCCLXXXII Oldamur dux Cumanie congregato exercitu Cumanorum circa lacum Hood vocatum voluisset hostiliter regnum invadere Hungarorum, ut suo dominio subiugaret» [Johannes de Thurocz, 1985, p.139].

ским народам» [Simonis de Kéza, 1999, p.156] (то есть к татарам)[11]. В золотоордынские владения бежали представители двух кланов, остальные пять остались в Венгрии и, как и раньше, пользовались протекцией короля, который, даже личную охрану набирал из половецких воинов-«нукеров». Борьба короля с феодалами продолжалась. Все это дало повод архиепископу Эстергомскому Лодомеру обвинить Ласло IV в том, что он якобы заключил союз с монголами и пригласил их вторгнуться в Венгрию в феврале 1285 г. [Pálóczi Horváth, 1989, p.80–81]. Тогда, вместе с ханом Телебугой и эмиром Нагаем участие в походе на Венгрию принимали также галицкие и волынские князья Лев Данилович, Мстислав, Владимир Василькович и Юрий Львович [ГВЛ, с.380]. Борьба Ласло IV с архиепископом Лодомером продолжалась до того, как 10 июля 1290 г. король был убит ночью в собственном шатре. По одним данным, убийцу подослали феодалы из группировки Неметуйвари, по другим – половецкие вожди Арбуз, Туртел и Кеменче [История Венгрии, 1972, с.161; Pálóczi Horváth, 1989, p.82].

Однако, даже после поражения 1280/1282 г., частичной миграции и потери покровителя в лице Ласло IV половцы очень медленно интегрировались в феодальное общество Венгрии. Короли Анжуйской династии – Карл Роберт (1308–1342) и Людовик/Лайош I Великий (1342–1382) продолжали использовать легкую половецкую кавалерию в своих походах на Валахию, Италию, Далмацию, Польшу, Галицкую землю, Боснию, Болгарию и другие страны [Pálóczi Horváth, 1989, p.82–83]. В XIV в. половцы продолжали носить свое традиционное одеяние [Там же, p.94]. Только в начале XIV в. половецкая знать оставила свои языческие места погребения и наиболее очевидные элементы языческого ритуала, такие как погребение с покойными их коней, снаряжения и оружия [Там же, p.107]. Несмотря на требование «Constitutio Cumanorum» 1279 г. перестать кочевать и поселиться в стационарных жилищах, половцы еще до середины XIV в. жили в своих войлочных шатрах – юртах (filtreas domus habentes, 1347 г.), установленных на возы (т.н. вежи), которые тянули волы, кони или верблюды [Там же, p.110]. Для ускорения процессов оседания половцев на землю и награждения их за воен-

[11] «Tandem postea pauci de ipsis Cumanis, qui evaserant, ad Tartaros fugerunt, …» [Johannes de Thurocz, 1985, p.139].

ную службу короли в XIV в. жаловали представителям половецкой знати земельные владения. Так, например, в 1354 г. король Лайош I передал пустующие королевские имения Сенткираль и Миндсент половцу Петру, сыну Бухура, и его кузену Барамуку, сыну Кабака, и Галу, сыну Везтега, при условии, чтобы они осели на землю и жили на христианский манер (observata fide orthodoxa, more et ritu Christianorum) [Там же, p.112].

На протяжении XIV в. ускоряется процесс социальной дифференциации, когда племенная знать присваивала клановое имущество и заявляла свои личные права на землю, а рядовые свободные половцы беднели и постепенно превращались в крестьян, приближаясь по своему статусу к слуг и рабам из числа бывших пленников. Феодализация половецкого общества протекала одновременно с ростом роли земледелия в их хозяйстве, что привело к формированию постоянных поселений на рубеже XIV–XV вв. [Там же, p.113]. Как правило, эти поселения возникали на месте зимних стоянок – зимовников кочевников. Название поселения состояло из двух частей: 1) имя вождя поселения, 2) венгерский суффикс *(s)zallasa* «салаш» (ср. *шалаш*), то есть его «стан» или «лагерь», ülése («его место»), népe («его люди»), háza («его жилище, дом»). По мнению венгерских исследователей, подобное формирование топонимов является свидетельством того, что на начальном этапе эти поселения не имели определенного места, а были переносными [Там же, p.111]. Вот несколько примеров подобных названий, Тортелсалаш (упомин. в 1436 г.) – «стан Туртела», Кончегсалаш (1436 г.) – «стан Кончега/Кончака», Бузгансалаш (1432 г.) – «стан Бузгана» [Rásonyi, 1957, p.96, 107, 141]. Также в Венгрии и на Балканах сохранилось немало населенных пунктов, названия которых указывают на половецкое/куманское население, осевшее там: *Коман*, *Команешти*, *Команово*, *Кумании* и т.п. [Salaville, т.17, p. 26; Spinei, 1986, p. 104]. Можно предположить, что сходные процессы перехода половцев к оседлому образу жизни и создания постоянных поселений были характерны и для Галицкой Руси, однако, происходили в период, от которого сохранилось минимальное количество источников. Ретроспективно, исходя из названий населенных пунктов Западной и Правобережной Украины, можно предположить, что здесь также компактными группами оседали половцы. В грамоте польского короля Сигизмунда III (от 11 января 1591 г.) упоминается село *Куманивка* в

Барском старостве на Подолье [Архив, 1893, с.370]. Из современных топонимов следует упомянуть села *Половцы* (*Половці,* Тернопольская обл.), *Куманив* и *Куманивци* (*Куманів* и *Куманівці,* Винницкая обл.), *Куманивка* (*Куманівка*, Хмельницкая обл.), *Половецкое* (*Половецьке*, Житомирская обл.), *Великополовецкое* и *Малополовецкое* (*Великополовецьке* и *Малополовецьке*, Сквирский район Киевской обл.) [Коваль, 2001, с.128–129; Горпинич, 2001, с.65, 221].

Только с середины XIV в. у венгерских половцев христианские имена начинают численно превосходить языческие. До этого времени христианские имена почти никогда не встречались в документах, хотя среди половцев уже были крещенные, как, например, в данном случае: «Iwan et Kuchmek Christiani Cumani» [Rásonyi, 1967, p.143] («Иван и Кучмек половцы-христиане»). Сначала был переходной этап, когда даже в актовых документах фиксировались оба имени крещенных половцев – традиционное языческое, полученное при рождении, и христианское, данное при крещении. Причем языческое со временем трансформировалось из личного имени в прозвище, а со временем – в фамилию: «Nicolaum Oltuk dictum Comanum» (*Николай, именуемый Олтук, куман*. 1393 г.) [Там же, p.136], «Petrus Bychak, Bichak Capitaneus Cumanorum» (1490, 1493) [Там же, p.137], «Valentino Cherchy Capitaneus Cumanorum» (1436, 1475), «Pauli dicti Churka Capitaneus Cumanorum» (1389), «Dominicus dictus Chortan» (1341) [Там же, p.139], «Michael Thetel de genere Thome Eremeen» (*Михаил Тетел из рода Фомы Еремеен*. 1452/57 г.) [Там же, p.140], «Johannes Kalas de Kalaszallasa» (*Иоанн Калаш из Калашсалаша*. 1436), «Ioannes Karzagh» (1407) [Там же, p.141], «Thoma dicto Kaythor de Pabe» (1428) [Там же, p.142], «Paulum dictum Chyta filium Manthula» (*Павло, именуемый Чита, сын Мантула*. 1347), «Johannes dictus Orgowan» (1451) [Там же, p.144], «Jacobus Tobay capitaneus Cumanorum nostrorum sedis Hontos» (*Якоб Тобай староста наших куманов стана/местности Хонтош*. 1419 г.) [Там же, p.145], «Jacobum dictum Toman, Capitaneus sedis Hontos» (*Якоб, именуемый Томан, староста стана/местности Хонтош*. 1419 г.) [Там же, p.146]. Окончательная христианизация половцев в Венгрии завершилась лишь во второй половине XV в. [Pálóczi Horváth, 1989, p.107–109].

Венгерским языком половцы начали пользоваться с XVI в. Во второй половине XVI в. для тех половцев, которые еще говорили покипчакски, в соответствии с принципами Реформации, был осущест-

влен перевод молитвы «Отче наш» на кипчакский язык [Там же, p.109]. В Венгрии последний половец, знавший кипчакский язык, умер в 1770 г. [Salaville, т.17, p.208].

* * *

Исследование процессов, происходивших с половцами, поселенными князем Даниилом Романовичем на землях Галицкого княжества, усложняется тем, что конец XIII – первая половина XIV вв. это наименее обеспеченный источниками период в истории Южной Руси. Сохранившаяся до нашего времени часть Галицко-Волынской летописи обрывается на описании событий 1292 г. После этого и до польского завоевания 1340–1349 гг. сведения о Галицкой Руси весьма неопределенные. Более того, именно в это время происходят изменения в терминологии, использовавшейся для обозначения кочевников Восточной Европы – «половцы/куманы/кипчаки» исчезают, и вместо них появляются «татары».

Историк мамлюкского Египта Ахмад ибн Яхйа ибн Фадлаллах ал-Умари (1301– 1348/9)[12] отмечал, что немногочисленные монголы, составлявшие правящую верхушку Золотой Орды, со временем ассимилировались в культурном и языковом отношении среди покоренных половцев: «Эта страна была некогда землей кипчаков. Когда татары захватили ее, кипчаки стали их подданными. Потом они (монголы. – А.О.) смешались с ними (половцами. – А.О.) и породнились с ними. Земля взяла верх над настоящим положением и происхождением. Все стали как кипчаки, как будто они были одного рода, поскольку монголы жили на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их» [цит. по: Golden, 1991, p.132][13]. В результате этой постепенной ассимиляции, в источниках того времени термины «кипчаки» (куманы, половцы) и «татары» выступают как синонимы, причем первый использовался, преимущественно,

[12] Египтяне проявляли подобный интерес к кипчакам/половцам, поскольку именно их мальчиков и юношей приобретали египетские купцы в Крыму, и потом отправляли их в Египет, где они (после обучения) составляли личную гвардию султана – мамлюков – наиболее боеспособную часть войска, а в скорее после переворота 1259/1260 г. и всю правящую элиту Египетского султаната.

[13] Русский перевод данного фрагмента см.: [Тизенгаузен, 1884, с.235; Григорьев, 1981, с.82].

как этно-географический, а второй – как политический. Таким образом, иностранцы идентифицировали все тюркоязычное население Золотой Орды (Дешт-и-Кипчак, Кумания, Поле Половецкое) как «татары». Когда в правление хана Узбека (1314–1342) ислам был провозглашен официальной религией и все кочевники-язычники формально стали мусульманами, термин «татары» использовался по отношению ко всем тюркоязычным мусульманам Золотой Орды. Однако и после этого использовался термин «кипчакский (куманский, половецкий) язык». Уже в середине и второй половине XIV в. термины «татарин»/«татарский» окончательно вытеснили «кумана» и «куманский» в латино-язычных и греко-язычных источниках, и «половца» в русских. В географической терминологии термин «Кумания» (Cumania) продержался дольше, и хотя во второй половине XIV в. «Татария» (Tartaria)/ «Татарская земля» (terra Tartarorum) постепенно вытесняет «Куманию», еще долгое время оба термина использовались в картографии как синонимы (Thartaria sive Comania) [Vásáry, 1988, p.269–270; Vásáry, 2005, p.139–141].

Следовательно, напрасным занятием было бы искать «половцев» в источниках по истории Галицкой Руси второй половины XIV–XV вв., поскольку для обозначения их потомков и тюркоязычного населения всего региона уже использовался термин «татары». Тем более это касается авторов XVI–XVII вв., писавших о временах после Бату-хана, которые вовсе не упоминали «половцев» (куманов), а проецировали на XIII–XIV вв. ситуацию XVI–XVII вв., ретроспективно используя термин «татары» либо вообще «скифы», в соответствии с традицией следования античным образцам (в том числе именования стран и народов, рек и морей).

Интересные сведения приводит представитель львовского городского патрициата (последовательно занимал должности адвоката, писаря городского совета, лавника, ратмана, бурмистра, войта) Юзеф-Бартоломей Зиморович (1597–1677) в своем историческом произведении «Тройственный Львов» («Leopolis triplex»), над которым он работал последние двадцать лет жизни. Историю Львова он поделил на три периода (русский, немецкий, польский), в зависимости от того, какая «нация» доминировала в городе в то или иное время. Описывая основание Львова во времена князя Льва Даниловича, Зиморович всех кочевников называет «татарами», в частности и тех, кто, судя по его характеристике, может быть отнесен к слу-

жебным половцам Даниила: «Татары, в соответствии с условиями договора, зимовали по селам, густой толпой вблизи становились на постой, а многие [из них] служили при особе князя [Льва]. У некоторых из этих кочевников, жилища были все еще подвижные, ведь детей, с ужасными лицами, и матерей-колдуний перевозили с собой на возах. Большая их часть, привлеченная урожайностью земли, богатой добычей, щедрой платой, сопоставив преимущества своей родины, под чужим солнцем возы остановили и поселились в указанной части города. Чтобы народ, состоявший из одних только мужчин, не исчез за одно поколение, [они] захватили крестьянок из числа женщин сарматских (то есть русинских/русских. – А.О.), чьи тела использовали для своей похоти, и детей породили. Затем, однако, когда они вместе с русинами сдались и достались полякам, [поляки] подобные умыкания запретили, а жены русинские с отвращением относились к бракам с этими обрезанными, и те пали жертвой времени (т.е. исчезли/вымерли. – А.О.). Все же память об этом отвратительном народе пробуждает его кладбище, расположенное под Высоким замком, а улица с городскими воротами, что ныне зовется Краковской, двумя столетиями ранее (т.е. в XV в. – А.О.) в городских актах имела название Татарской»[14].

Приведенное у Зиморовича описание поселения «татар» (половцев) во Львове (и шире на Руси) во время основания города в целом имеет аналогии с поселением половцев в Венгрии. Так, Зиморович отмечает, что они «в соответствии с условиями договора, зимовали по селам, густой толпой вблизи становились на постой». То есть

[14] «Tartari, ex formula foederis pagatim hibernantes, densis agminibus in proximo stabulabantur, multi latera principis claudebant. Quidam eorum Hamaxovii, penates etiam pedicosos, utpote puerastros, larvali forma horridos, matresque veneficas in plaustris secum circumducebant. Quorum pars magna ubertate soli, dulcedine praedarum, stipendiis lautioribus illecti, patriam commodis suis pensantes, sub alieno sole Lares vagos fixerunt et in partem civitatis, uti retuli, venerunt. Ne vero populus ille virorum una aetate exolesceret, libertini ex feminis Sarmaticis, quarum corporibus captivis ad libita sua abutebantur, propagati fuerunt. Postmodum tamen, cum Russi/Russici Polonis dediti capturaeque eiusmodi Sabinarum prohibiti, cum Russicae nuptae thalamos eorum recutitos abhorrerent, tempori succubuerunt. Refricat nihilominus memoriam gentis invisae sepulcretum, infra arcem supernalem situm, et in actis diurnis platea cum porta urbana, Cracoviana in praesens nominata, ante bina saecula a Tartaris cognomen sortita» [Zimorowicz, 1899, p.43].

между кочевниками и князем был договор, в соответствии с которым они служили ему. Кочевники *зимовали по селам*, соответственно летом переходили со стадами по пастбищам. В целом это соответствует переходу кочевников сначала к полуоседлому образу жизни, когда у них появляются пока только зимовники (тюрк. qišlaq), а летом они все еще кочуют. Это подтверждается и данными археологических раскопок венгерских исследователей. Зиморович пишет, что «у некоторых из этих кочевников, жилища были все еще подвижные», и они перевозили свои семьи и вещи на возах (in plaustris secum circumducebant). Упоминание того, что половцы в Венгрии все еще живут в войлочных юртах зафиксирована в источниках под 1347 г. Вместе с тем, часть кочевников непосредственно находилась при князе Льве (1268–1301), составляя его охрану, также как и в случае с венгерским королем Ласло IV (1272–1290). Вероятно, именно этих половцев Лев Данилович и поселил в северной части Львова под замком (на Подзамче), где образовалась Татарская улица (которая сохраняет это название до сегодняшнего дня), а затем и Татарские ворота в городских укреплениях, через которую путники выезжали на запад – в направлении Кракова. Однако большая часть половцев *зимовала по селам* и *умыкала* русинских женщин. Подобным образом вели себя половцы в рассмотренных выше случаях в Грузии (1113–1125), Македонии (1275) и Венгрии (1239–1279). Вероятно, после бегства от монголов, когда половцы утратили часть скота, челяди и семей, они обратились к практике умыкания/захвата части оседлого населения (прежде всего женщин).

В отличие от Венгрии, где были степные просторы в бассейне реки Тисы, в Галицкой Руси степей не было. Где же были поселены «половци Данилови»? Как мы уже отмечали, первые упоминания о них в летописи датируются временем сразу после нашествия Батухана. Вернувшись в свои владения, Даниил[15] оказался в весьма сложной ситуации – одни города были полностью разрушены, другие (например, Дорогичин) даже не открыли ему ворота. «Бояре же галичьстии Данила княземь собѣ называху, а самѣ всю землю держаху. <…> И бысть *мятежь* великъ в землѣ и грабежь от них» [ГВЛ, с.298]. Вероятно, именно в этот критический момент Даниил и позвал на по-

[15] Во время монгольского нашествия 1241 г. Даниил и Василько с семьями искали убежища в различных частях Польши и Венгрии.

мощь половцев, которые, в свою очередь, бежав от монгольских преследований, нуждались в протекторе и охотно пошли на службу к галицкому князю. Показательно, что и грузинские цари в XII в., и венгерские короли в XIII в., использовали половцев для борьбы со своими непокорными вассалами. Даниилу пришлось вступить в борьбу с Ростиславом, сыном черниговского князя Михаила, которого поддержали и болоховские князья[16] – вассалы Даниила. «В лѣто 6749 (1241). Ростиславъ собра князѣ болоховьскые и остаток галичанъ, приде ко Бакотѣ. <…> Слышавъ же Данилъ приходъ Ростиславль со князи Болоховьскими на Бакоту, абье устремися на нѣ, грады их огневи предасть, и гребля ихъ раскопа (разрушили оборонительные валы. – А.О.). <…> Данилъ же возьма плѣнъ многъ вратися и поима грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божьскый, Дядьковъ» [ГВЛ, с.300]. Жестокое опустошение Даниилом Болоховской земли также можно объяснить тем, что монголы намеревались использовать эту землю в качестве базы для новых походов: «Оттуда же плѣнивъ землю Болоховьскую и пожегъ. Оставили бо ихъ татарове, да имъ орють пшеницю и проса. Данилъ же на нѣ болшую вражьду, яко от тотаръ болшую надежду имѣаху» [Там же]. Болоховская земля расположена на Подольской возвышенности на водоразделе, который был наиболее удобным для походов кочевников вглубь вражеской территории. Характерно, что именно этот маршрут в последующие столетия использовали крымские татары для набегов на Волынь и Галичину. Своими решительными действиями Даниил опустошил Болоховскую землю («яко не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено») [Там же, с.302] и лишил монголов возможного плацдарма в непосредственной близости от своих основных владений. Именно на этих опустошенных землях Даниил мог поселить значительную часть верных ему половцев. По крайней мере, именно в этом регионе некогда бывшим *Болоховской землей* сохранились такие, упомянутые выше, населенные пункты как *Половцы*, *Куманив*, *Куманивци*, *Куманивка*, названия которых указывают на их первых жителей. Более тщательное изучение топонимики этого региона может в будущем дать дополнительные данные.

[16] Вероятно, этих князей, по их социальному статусу можно отождествить с *кнезами* – вождями сельских общин в Карпато-Балканском регионе, в частности, у болгар, молдаван та валахов/влахов.

Сходную тактику расселения половцев в качестве военных поселенцев на пограничных землях использовали в это время и византийские правители. Никейский император Иоанн Дука Ватацес (1222–1254) поселил около 10 тысяч половцев, которые в конце 1230-х годов бежали на Балканы, в качестве стратиотов на границах своего государства во Фракии, Македонии, и в Малой Азии в долине Меандра и во Фригии [Vásáry, 2005, p.119]. Таким образом, он продолжил давнюю византийскую практику защиты границ с помощью варваров-конфедератов. Подобной практики придерживались и последующие императоры. Так, Михаил IX в 1312 г. принял на службу 2 тысячи половцев, прибывших к нему от сербского короля Стефана II Уроша (Милутина). Михаил поселил их во Фракии для защиты границ от болгар и татар. В 1327 г. император Андроник II, вероятно опасавшийся перехода половцев на сторону своего внука Андроника Младшего, переселил половцев на острова Лемнос, Фасос и Лесбос, вблизи Фракии, чтобы всегда иметь это войско под рукой [Там же]. Рассредоточенные по отдаленным территориям и лишенные возможности вести кочевой образ жизни (ведь степей здесь не было), половцы ассимилировались на Балканах намного быстрее, чем в Венгрии, где их было много, и где они жили компактно и имели возможность сохранить свой традиционный уклад. По нашему мнению, ситуация в Галицком княжестве была ближе к балканской, нежели к венгерской, поэтому уже во второй половине XIV в. в имеющихся в нашем распоряжении источниках нет каких-либо упоминаний о половцах – военных поселенцах. Вероятно, они уже крестились и утратили свою особую идентичность. По иному сложилась ситуация во Львове.

Поместив под 1403 г. сообщение об основании госпиталя св. Духа на Галицком предместье, Ю.-Б. Зиморович приводит информацию о заселении этого предместья: «Татары, от русских князей [городским] гражданством пожалованные, до тех пор населяли площадь, ныне называемую Краковской, которая тогда вместе с воротами называлась Татарской. Однако, разоблаченные и наказанные за страдания, причиненные юношам и нежным девушкам, за пределы города толпой изгнанные, за городским рвом много лет занимались скорняжным ремеслом, [как] наконец [и те, которые] Витольдом в Литву были переселены. С того времени городское предместье стало

заселяться жителями, прикрепленными к огородам и полям»[17]. В реестрах налогоплательщиков начала XV в. фигурирует целая группа лиц с индикатором «татарин», но христианским именем, причем, как правило, в латинской форме, что указывает на католическое вероисповедание их носителей. Это *Петр татарин* [Pomniki, 1896, s.15, 81], *Михал татарин* [Там же, s. 15], *Пашко татарин* [Там же, s.16], *Ганс татарин из Галича* [Там же, s.10], *Ганс татарин* [Там же, s.10, 81], *Давид татарин* [Pomniki, 1905, s. 13], *Ходор* (Федор) *татарин* [Там же], *Маргарита татарка* [Там же, s. 10, 81]. Большинство их фигурирует в реестрах уплаты оброка с огородов (census ortorum) 1407, 1409 гг., собранного на Галицком предместье. Судя по небольшим суммам, которые они внесли – в среднем по одному фертону (12 грошей) – эти «татары» могут быть отнесены к огородникам. В этих же реестрах повторяется запись о «татарах», живших возле городского рва, и вместе заплативших 9 фертонов оброка[18]. В обоих случаях никто из плательщиков не назван по имени, да и сумма мизерная – 9 фертонов (то есть 108 грошей или 2,25 марки). Вероятно, здесь также речь идет об огородниках. Очевидно, эти «татары» не имели городского гражданства и, несмотря на то, что уже были крещены (вероятно в католической вере), рассматривались как чужие, не совсем свои и второстепенные по отношению к добропорядочным бюргерам-католикам (преимущественно немцам).

Приведенные выше данные актовых книг соответствуют сообщению Зиморовича. Более того, обращает на себя внимание то, что «Татары от русских князей [городским] гражданством пожалованы». Следовательно, «татары» появились во Львове еще до польского завоевания 1349 г., то есть во времена Галицко-Волынского княжества, что соответствует нашей гипотезе, и эти «татары» могут быть отождествлены с рассмотренной нами группой, называемой летописцем «половци Данилови». Как далее отмечает Зиморович, «…за

[17] «Tartari, a ducibus Russiae civitate donati, tantisper plateam Cracoviensem modo dictam, tum una cum porta Tartaricam vocata, incolebant, verum multoties plagii, in pueros puellasque ingenuas commissi, comperti, extra moenia gregatim eiecti, ultra fossas urbanas multis annis coriariam exercebant, tandem a Vitoldo in Litvaniam deducti; civitas harpacibus eiusmodi felibus exonerata est. Ab eo tempore summoenium civitatis hortis et agris destinatum ab incolis frequentari coepit» [Zimorowicz, 1899, p.77].

[18] Tartari circa fossatum solent censuare IX frt. [Pomniki, 1896, s.11, 81].

пределы города толпой изгнанные, за городским рвом много лет занимались скорняжным ремеслом, [как] наконец [и те, которые] Витольдом в Литву были переселены. С того времени городское предместье стало заселяться жителями, прикрепленными к огородам и полям». Когда же «татары»/«половци Данилови» были изгнаны за пределы города?

* * *

Завоевав Галицкую Русь и Львов, король Казимир III (1333–1370) 17 июня 1356 г. даровал городу (фактически католической мещанской общине) самоуправление в соответствии с магдебургским/«немецким» правом. Король также отмечал, что из особой милости он дарует и иным народам (aliis gentibus), населяющим город (то есть некатоликам), возможность судиться по магдебургскому праву перед городским войтом[19]. «Всему упомянутому городу и всем, живущим и находящимся в нем, даруем выше названное магдебургское право, но из особого нашего расположения к **иным народам**[20], живущим в этом городе, а именно: армянам, иудеям, сарацинам, русинам и иным народам какого-либо состояния и статуса, **проявляя исключительную милость**, хотим сохранить их в соответствии с их неизменными **обрядами и правами**, давая им возможность какие-либо (дела), в том числе и уголовные дела, которые возникнут между ними самими либо между ними и другими, решать по магдебургскому праву и перед войтом в соответствии с их иском и внесенным прошением»[21]. Такая стратегия Казимира III абсолютно логична, ведь ему надлежало успокоить некатолическое население (которое, к тому же составляло большинство) столицы недавно завоеванной Руси. Поэтому он старался не раздражать новых подданных, а максимально учесть их прежние права, чтобы не давать повода для волнений. Именно поэтому грамота предусматривает и второй вариант – возможность некатоликам сохранить собственное судопроизводство, которым они, вероятно, пользовались еще

[19] Войт (нем. *Vogt*, пол. *wojt*, укр. *війт*) возглавлял городской (*лавничий*) суд, а зачастую и городское самоуправление в целом.

[20] Тут и далее выделено нами.

[21] «Aliis gentibus habitantibus in eadem civitate, videlicet Ormenis, Iudeis, Saracenis, Ruthenis et aliis gentibus cuiuscumque condicionis vel status existent, tribuentes graciam specialem, volumes eos iuxta ritus eorum in ipsorum iure illibatos conservare» [Привілеї міста, 1998, с.27–28].

во времена Галицких князей. «А если откажутся судиться по магдебургскому праву, коим выше упомянутый город должен пользоваться, тогда упомянутые нации: армяне, иудеи, сарацины, татары, русины и все прочие нации, кои там (в городе) будут находиться, могут поставить и решить какой-либо вопрос в соответствии с правом своей нации, но под председательством городского войта в этом суде»[22]. В этот раз, при перечислении городских наций упомянуты и «татары». Таким образом, «татары» как и другие нации, еще во времена галицких князей имели отдельную юрисдикцию.

В первом фрагменте грамоты 1356 г. мы видим и критерии, в соответствии с которыми определялись границы городских наций – это обряды и права, то есть принадлежность к отдельной конфессии и отсюда наличие собственной юрисдикции (законов, суда и судопроизводства). В отличие от всех остальных (католики, русины-православные, армяне-монофизиты, сарацины-мусульмане и иудеи) «татары» не являлись какой-либо конфессией, поэтому и не должны были бы иметь отдельных, юридически закрепленных прав. Отдельную юрисдикцию эти «татары» могли иметь только как привилегированная группа на службе у князя. Именно такой военно-служилой группой были «половци Данилови», часть которых, вероятно, кто-то из галицких князей поселил во Львове. Однако, в новых условиях, когда Галицкая Русь оказалась под властью Казимира III, а затем Людовика Венгерского (1370–1382) и его дочери Ядвиги (1384–1399), половцы/«татары» утратили эту военную функцию – они не были нужны новым правителям, более того, они были ненадежны и подозрительны.

Ю.-Б. Зиморович начал немецкий период в истории Львова с описания того, как угасла династия местных князей – потомков Льва Даниловича. Унаследовать Галицко-Волынское княжество по женской линии должен был несовершеннолетний польский князь Болеслав, сын мазовецкого князя Тройдена и Марии, представительницы галицкой династии. Около 1325 г. поляки попробовали посадить Болеслава на галицкий стол, однако неудачно. Только в 1327 г., после договоренностей с местными элитами и на определенных усло-

[22] «Tunc dicte naciones Ormenorum, Iudeorum, Saracenorum, Thartharorum, Ruthenorum et aliarum quarumcumque nacionum, que ibidem congregate et adinvente fuerint, quilibet sue nacionis iure» [Привілеї міста, 1998, с.28].

виях, Болеслав Тройденович получил в наследство Галицко-Волынское княжество. Вот как этот эпизод представлен у Зиморовича. «Один только Львов, мужественно защищаемый соратниками Льва[23] – татарами, сарацинами, армянами и иными княжескими дружинниками, закрыл ворота чужеземным правителям, и открыл их только на таких условиях (1327): что, непременно, Болеслав, принявши титул русского князя, позволит городской общине спокойно и свободно жить по своим законам и обычаям; от княжеской сокровищницы, как от вещи святой, руку удержит, и ничего в публичных делах не будет делать без общего собрания»[24]. Как видим, Зиморович называет *матар* первыми среди воинов князя, оказавшим сопротивление полякам ок. 1325 г. Весьма вероятно, что и Казимир III, и последующие короли относились к ним с подозрением.

После окончательного покорения Галицкой Руси в борьбе с Венгрией, польская королева Ядвига 8 марта 1387 г. утвердила Львову все права и привилегии, и пообещала «всем русинам, армянам, сарацинам и иудеям и каждого из них сохранить при их правах»[25]. Таким образом, в отличие от грамоты 1356 г. в грамоте Ядвиги не упомянуты «татары». Нет их и в последующих грамотах, изданных позднейшими королями. Следовательно, в отличие от других общностей, имевших четкие границы своей конфессиональной идентичности, «татары» не смогли сохранить свой особый юридический статус и сформировать отдельную *городскую нацию* во Львове, где теперь доминировали мещане-католики. В предшествующий период их особый юридический статус был обеспечен военной службой князю. Поскольку короли не приняли половцев на службу, этот статус они утратили.

---

[23] Здесь речь идет о Галицком князе Льве Юрьевиче, которого Зиморович путает с его дедом Львом Даниловичем.

[24] «Sola Leopolis a commilitionibus Leonis, Tartaris, Saracenis, Armenis ceterisque stipatoribus principis mascule defensa, peregrinis dominis portas clausit, nec nisi pactis initis patefecit (1327): ut nimirum Boleslaus, titulo ducis Russiae in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus et ritibus vivere permitteret, a cimeliarcho ducali, velut re sacra, manus cohiberet nihil ue in publicum sine comitiis centuriatis ageret» [Zimorowicz, 1899, p.59].

[25] «Omnes Ruthenos, Armenos, Saracenos et Iudeos et quimlibet eorum in suis iuribus conservare» [Привілеї міста, 1998, с.46].

Несколько позже из города были вытеснены и «сарацины». По нашему мнению, это были мусульманские купцы из Египта и Сирии, которые в это время часто появлялись в Северном Причерноморье. В грамоте Владислава III городу Львову от 16 июля 1444 г. *сарацины* (saraceni) и *бессермени* (bessermeni)[26], упомянуты уже как приезжие купцы [Привілеї міста, 1998, с.91]. Однако, между львовскими *татарами* и *сарацинами* было существенное отличие. *Сарацины* были купцами из стран Леванта, которых во Львов привлекали коммерческие интересы. Даже после запрета жить во Львове, вероятно из-за их мусульманской религии, они все равно приезжали в город торговать, до тех пор пока эта коммерция приносила взаимную прибыль. *Татары*, то есть военные поселенцы «половци Данилови», утратив служебную функцию, утратили и статус, и привилегии, поэтому вынуждены были зарабатывать на жизнь ремеслом (преимущественно обработкой кож – скорняцким промыслом) и огородничеством. Обе эти профессии связаны с проживанием на предместьях (обработка кож требует большого количества воды для вымачивания, то есть наличия реки, и сопровождается резким неприятным запахом, поэтому данное производство традиционно выносилось за пределы городских стен). По своему статусу *татары* теперь относились к городским низам – плебеям. Кроме того, они были подозрительны своей недавней службой галицким князьям и близким родством с соседними ордынскими татарами. Поэтому львовские *татары* не могли рассчитывать на проживание в престижной центральной части города (в пределах городских стен), предназначенной для патрициата и бюргерства (преимущественно мещан-католиков), потому и оказались в предместье (княжеский Львов трансформировался в *Подзамче*, в то время как город на магдебургском

[26] *Бессерменами* в Восточной Европе называли, главным образом, мусульман из Средней Азии. Данный индикатор использовался преимущественно по отношению к ираноязычным мусульманам (в отличие от арабоязычных сарацин). В XIV–XV вв. «бессерменами» называли и тюркоязычных мусульман Золотой Орды и ханств, возникших после ее распада. Однако, «бессерменами» считались только тюркоязычные мусульмане-горожане (в нашем случае купцы, приезжавшие в разные княжества Руси), в то время как тюркоязычные кочевники, даже после принятия ислама в правление хана Узбека (1314–1342), не включались в число «бессермен», но идентифицировались как «татары».

праве развивался по соседству), которое называлось Татарским, а позже Краковским. С другой стороны, *татары*/половцы не были полностью изгнаны из города и Королевства как это случилось с *сарацинами*. Вероятно, это случилось потому, что сарацины были мусульманами, половцы же, по аналогии с куманами в Венгрии, подверглись постепенной христианизации в XIV в. Однако, в отличие от Венгрии, где была одна господствующая церковь – Римско-католическая, занимавшаяся их обращением под внимательным контролем папского престола, в Галицко-Волынском княжестве половцы могли креститься и принадлежать к разным конфессиям – православной, католической, армянской (нельзя исключать мусульманского и иудейского прозелитизма в их среде до середины XIV в.). Христианизация половцев в Галицкой Руси продолжалась и во второй половине XIV – начале XV вв. Однако теперь, доминирующие позиции занимала католическая церковь, поддерживаемая королями. Документальные источники прямо указывают на католический прозелитизм в это время среди татар (как и среди прочих не-католиков). Во Львове борьба за души неофитов привела к обострению конкуренции между львовским католическим плебаном, местными доминиканцами и францисканцами. Разрешить этот конфликт должен был суд, состоявшийся 13 марта 1408 г. под председательством Перемышльского католического епископа Мацея. В решении, принятом им 29 мая 1408 г. прямо сказано о миссионерской деятельности среди местных армян, русинов и татар[27].

Во второй половине XIV – начале XV вв. происходила постепенная адаптация «татар»/половцев в уже существующие городские нации в соответствии с их конфессиональной принадлежностью. Соответственно, половцы «русской веры» теперь рассматривались и фиксировались в актах как «русины», половцы «армянской веры» – как «армяне», половцы католической веры – как «католики». Это соответствовало сознанию той эпохи, когда конфессиональная принадлежность (вероисповедание) определяла идентификацию человека – его принадлежность к тем или иным социальным структурам, статус и юрисдикцию (в поликонфессиональных обществах). При-

[27] «… aut in ipsorum ecclesia aliquem baptisare, sed si quis de infidelibus, videlicet Armenus, Ruthenus, Tartharus, aut alterius heresies errore irretitus ad fidem katholicam converses baptisandus fuerit, …» [Abracham, 1904, s.401].

ведем характерный пример. Оказавшись в вассальной зависимости от Бату-хана, русские князья должны были ездить в Орду за ярлыком на княжение, и поэтому охотно принимали на службу целые отряды половцев, знавших язык, степные дороги и обычаи, и составляли княжескую свиту во время поездок в ставку хана. В апреле 1246 г. папский посол Джиованни дель Плано Карпини видел в ставке Бату двух таких половцев: «У Бату мы нашли сына князя Ярослава [Всеволодовича. – А.О.][28], имевшего при себе одного воина из Русии по имени Сангор; он родом коман, но теперь христианин, как и *другой русский*, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской» [Плано Карпини, 1997. с.84]. То есть этот «другой русский» также крещеный половец на службе у суздальского князя и «русский» он потому, что крещен в «русской вере» (ходит в «русскую церковь» и т.п.). Идентификация человека как «русского» абсолютно не принимала во внимание ни половецкое происхождение, ни половецкое имя Сангор, ведь для современников «русский» означало «православный». То, что мы привыкли считать *этнонимом*, тогда было *конфессионимом*.

Во второй половине XIV в. сходные процессы были характерны и для крымских половцев. Теперь быть мусульманином означало быть татарином, а православные половцы автоматически рассматривались как греки [Vásáry, 2005, p.271].

Половец, ходящий в «русскую церковь» уже «русин», в «армянскую церковь» уже «армянин», в «католическую церковь» уже «католик». Он вместе с единоверцами подлежит юрисдикции своего церковного суда в случае нарушения им моральных и религиозных норм, он живет вместе с ними на определенной улице (Русской, Армянской) либо части города, с прочими членами своей конфессиональной общности он связан брачными, кумовскими и свойскими узами, вместе с единоверцами он уплачивает определенный налог, налагаемый на эту *нацию*, либо освобожден от него, если *нация* получила соответствующую привилегию. И если в первом поколении относительно такого новообращенного еще сохранялась память о том, что он «родом половец/куман», то уже его дети и внуки абсо-

[28] Здесь речь идет о князе Александре Ярославиче (Невском), который тогда находился в Орде.

лютно не выделялись среди единоверцев, по крайней мере, на уровне официальной письменной культуры.

На наш взгляд, на эти процессы указывают многочисленные тюркские имена у членов католической, армянской и русинской (православной) общин/наций в самых ранних актовых книгах Львова (1382–1389, 1404–1426, 1441–1448 гг.).

В самой ранней из сохранившихся книг (1382–1389 гг.) зафиксированы сделки купли-продажи недвижимости и финансовые операции львовских мещан между собой и с приезжими купцами. В этих актах есть несколько сделок, в которых фигурируют лица с измененной идентичностью. Так, 8 августа 1386 г. упоминается *Андреаш татарин католик* [«Andreasch Tartharus katholicus», 1892, s.65]. А уже 18 сентября 1387 г. Доротея, вдова *Андрея католика*, продает свою лавку (армянину) *Амирбею, сыну Ассила*[29]. То есть Андрей уже был крещен и принадлежал к католической общине/*нации*, однако по происхождению он был *татарин*/половец, поэтому воспринимался как неофит, как еще не совсем свой. Второй раз, уже после смерти, он упомянут как *Андрей католик*. Поскольку доминирующей *нацией* были католики, из них состоял городской магистрат и именно писари католики вели актовые книги, то мещане-католики фиксировались там просто под своим именем, без определения «католик». После имени упомянутого Андрея (весьма распространенное у католиков имя), и подобных ему лиц, не принадлежавших к *католической нации* с рождения, ставился индикатор «католик», чтобы продемонстрировать его конфессионально-правовую трансформацию и текущую актуальную принадлежность к *католической нации*, ведь в предыдущих актах он мог упоминаться как представитель другой *нации*.

16 января 1387 г. упомянутый католик с выразительно тюркским именем: «почтенный муж *Карачбей католик*»[30]. Индикатор «католик» после такого экзотического имени должен был указывать, что это *наш*, ведь у иных членов католической нации, различных Ган-

[29] «… Dorthea relicta Andree katholici institam suam a patre eius sibi innatam infra institis exterioribus iacentem Amyrbey filio Assyl iuste vendicionis tytulo resignauit» [Pomniki, 1892, s.86].

[30] «Providus vir Karaczbey katholicus» [Pomniki, 1892, s.72]. Он же фигурирует в актах 21 мая 1382 г. как «почтенный муж Карачбей» [Pomniki, 1892, s.4] и 18 мая 1384 г. как «Карачбей католик» [Pomniki, 1892, s.26].

сов, Генрихов и Бартоломеев, подобных индикаторов не было. Это *свои*, а индикаторы Armenus, Ruthenus, Iudaeus, Tartarus указывали на принадлежность к иным общинам/*нациям*. В случае с явно некатолическим именем, как, например, упомянутый выше *Амирбей, сын Ассила*, индикатор Armenus также мог не вписываться в акты – слишком уж очевидно, что это не *наш*. В записи от 26 октября 1384 г. упомянуты дом и имущество *Ширбея русина*[31]. Судя по всему, это мог быть татарин/половец православного/русского вероисповедания. Теперь городскими властями он рассматривался как русин, то есть член православной общины.

Не только половцы меняли конфессиональную, а значит и юридическую/*национальную* принадлежность. В это время довольно частыми были и случаи перехода армян в католицизм, то есть в состав более привилегированной *католической нации*. Так, 13 мая 1382 г. сделку с *Якобом греком* заключил *Качадур армянин католического вероисповедания*[32]. В последующих записях он уже фигурирует как *Качадур католик* [Pomniki, 1892, s.23, 73]. Как видим, тут действует то же самое правило, что и в случаях с Андреашем и Карачбеем.

Наиболее ценный материал для нашего исследования содержат реестры налогоплательщиков 1405–1417 гг. (в частности реестры армянской общины 1407, 1416 и 1417 гг.), поскольку здесь упомянуты все львовские мещане – владельцы недвижимости, а не только наиболее предприимчивые и богатые, как в книге 1382–1389 гг.

В реестре 1405 г. среди католиков фигурирует *Керекбей католик*. В списках 1406 и 1410 гг. он упомянут как *Стефан Керекбей*, а в записи от 14 декабря 1411 г. – просто *Керекбей*[33]. Вероятно, его имя происходит от тюркского keräk – «нужный»/«необходимый» [Древнетюркский словарь,1969, с.300], то есть «жданный». Так могли назвать долгожданного сына, особенно если до этого рождались только дочери. (Сравни русские имена Ждан, Жданко и Неждан). Скорее всего, католиком он стал уже будучи широко известным под именем Керекбей, а Стефан – имя, полученное при крещении уже в

[31] «Szirbey Ruthen(us)», «Sczyrbey» [Pomniki, 1892, s.32].

[32] «Kaczadur Armenus katholice fidei» [Pomniki, 1892, s.4]. Можно было бы привести еще несколько примеров, однако эта проблема выходит за рамки данной статьи.

[33] «Cereckbey katholicus», «Stepphanus Kereckbey» [Pomniki, 1896, s.13, 36, 96, 108].

во взрослом если не преклонном возрасте. Как и в предыдущих случаях с Карачбеем, Ширбеем и Качадуром (Хачатуром), писари преимущественно записывали новых католиков под их прежним именем или под обеими – старым и новым. Делалось это для того, чтобы легче было отыскать в актах предыдущие сделки этого лица, заключенные им еще до обращения в католицизм.

В реестре от 3 декабря 1408 г. зафиксирован дом *Андрея Хасбея*. Незадолго до этого, 18 января 1408 г. он упомянут среди лиц, принятых к городскому праву, то есть в католическую общину Львова[34]. Причем в отличие от прочих новоиспеченных граждан Львова, которые в том году прибыли из 16 различных городов (Польского королевства, а также Фрайбурга, Вроцлава и Серета) с рекомендационными письмами, в случае с Хасбеем нет упоминания ни места его прежнего проживания, ни какой-либо письменной рекомендации. Вероятно, он и до этого жил во Львове, его тут знали и рекомендации ему не были нужны. Не менее примечательной личностью был и *Юрко Корк*, неоднократно фигурирующий в реестрах 1405–1414 гг.[35]. В переводе с тюркского *Корк* означает «красота» [Grønbech, 1942, s.154; Древнетюркский словарь, 1969, с.318]. Вероятно, это либо прозвище, данное, безусловно, в тюркоязычной среде, либо имя-доброе пожелание (дезидератив), полученное при рождении. Оно фигурирует рядом с христианским именем Георгий в его украинизированной форме *Юрко*. В реестре 1413 г. указана профессия Юрка Корка – толмач [Pomniki, 1896, s.119]. Можно предположить, что он переводил именно с тюркского языка. Стефан Керекбей, Андрей Хасбей и Юрко Корк неоднократно упоминаются при заключении сделок, в которых фигурируют перец, камка и прочие восточные товары, что указывает на их участие в торговле с Востоком либо на их связи с купцами из восточных стран, использовавших тюркский язык как основное средство коммуникации.

В реестрах 1405, 1406, 1408 (2 января и 3 декабря), 1410, 1411 гг. среди прочих мещан упомянут *Мингильбей*[36]. В реестре 1414 г. он

[34] «Andreas Chasbey ius civitas acquisivit» [Pomniki, 1896, s. 74, 42].

[35] «Iurko Kork» [Pomniki, 1896, s. 15, 37, 60, 76, 97, 108, 119; Pomniki, 19095, s.11].

[36] Mingilbey, по одному разу Myngilbey и Mungilbey [Pomniki, 1892, s. 15, 37, 60, 76, 97, 109].

фигурирует как *Мингельбей католик*[37]. Учитывая, с какими вариациями городские писари записывали подобные экзотические имена, тезками *Мингельбея* можно считать *Мейдельбейна* и *Миндельбейна*, зафиксированных в реестре налогоплательщиков армянской общины от 18 мая 1416 г.[38] В переводе с тюркского «мин» – «родинка»/«родимое пятно», соответственно *Менгли* – «имеющий родинку» (на теле), а *Менглибей* – «богатый родинками». У тюркских народов родинка считалась признаком счастья, а рождение ребенка с родинкой или родимым пятном – хорошей приметой [Никонов, 1974, с.99; Гафуров, 1987, с.165; Кусимова, 1977, с. 245]. 7 сентября 1436 г. в актах упоминается Маргарита, вдова *Доминика Мингельбея*, продававшая свой дом [Akta grodzkie, 1875, s.82–83]. Эту Маргариту можно отождествить с упомянутой выше *Маргаритой татаркой* [Pomniki, 1896, s. 10, 81]. Христианское имя Мингельбея – Доминик, может указывать на то, что он был крещен доминиканцами, появившимися во Львове в 1370-х годах [Kozubska-Andrusiv, 2003, p.223]. Как видим, из трех *Мингельбеев*, живших во Львове в одно и то же время, один (Доминик) принадлежал к католической нации, а двое других – к армянской.

В реестрах налогоплательщиков 1405–1416 гг. фигурирует житель Галицкого предместья *кузнец Ногай*[39]. Почти одновременно с Ногаем на предместье (super murum) проживал его конкурент с еще более выразительным именем – кузнец Мамай, неоднократно упоминавшийся в актовых записях 1422 г. в связи с выплатой различных сборов, в частности и поземельного налога (solarium)[40].

Также на Галицком предместье проживал некий *Бытомир* (1405 г.), плательщик оброка с огородов (1409 г.) [Pomniki, 1896, s. 16, 81]. В 1414 г. он уже упомянут как *Ганс Битомир*, а в 1416 г. уже как *Быттамир татарин* [Pomniki, 1905, s.12, 27]. То есть этот татарский (половецкий) огородник упоминался как под своим тюркским именем, полученным при рождении, так и под христианским – Ганс (Иоанн), полученным при крещении. Его тюркское имя можно

[37] «Mingelbey catholicus» [Pomniki, 1905, s.7].

[38] Meydelbeyn, Mindelbein [Pomniki, 1905, s.27].

[39] «Nagay, Nogay faber, Nogay der Smet, Nogant» [Pomniki, 1896, s.10, 15, 38, 61, 80, 109; Pomniki, 1905, s.9, 12, 27].

[40] «Amay, dem smede» [Pomniki, 1905, s.1274, 84, 86, 88].

перевести как «это железо» (bu-temir), либо как дезидератив «расти железным» (bit-temir), либо как «железная вошь» (bit-temir) [Grønbech, 1942, s. 60, 61, 67, 240]. В Венгрии жил половец с подобным именем – *Бутемер* (Buthemer Comanum, 1342; *куман Бутемер из рода Илончук*: Comanum Buthemer de genere Ilonchuck, 1343) [Rásonyi, 1967, p.138][41].

Одновременно с татарином *Гансом Битамиром* во Львове жил *Атака Читамир*, зафиксированный в реестре налогоплательщиков армянской общины 1405 г.[42]. Его первое имя, возможно, образовано от тюрк. «ат» – «конь» и суффикса «кай» [Grønbech, 1942, s. 44; Севортян, 1974, с. 197; Сатаров, 1970, с.215], т.е. «конек». Второе имя или прозвище образовано от тюрк. «чит» – «забор», «стена» и «темир» – «железо» [Древнетюркский словарь, 1969, с.151, 551], т.е. «железная стена», либо это искаженное Чинтемур – «крепкий как железо» [Гафуров, 1987, с.208]. Имена с составной «темир» («тимур») – «железо», по понятным причинам, были весьма распространены у тюркских народов при имянаречении мальчиков.

В 1405 г. в списке членов армянской общины упомянут *Агоп Таптюхов* [Pomniki, 1896, s. 41]. Интересно, что в 1404 г. в приговоре *гродского* (замкового) суда среди 28 свидетелей – русских *земян* (шляхтичей) упоминается *Васько Тептюкович* [Українські грамоти, 1928][43]. У обоих имя отца Тапти/Тепти практически совпадает. Случайно ли это? Один из них – армянин-мещанин, другой шляхтич-русин. Жили в одно время и в одном регионе. Имя отца явно не принадлежит ни к армянским, ни к украинским, да и другие случаи упоминания этого имени в Галицкой Руси XIV–XV вв. пока неизвестны. Зато за столетие до этого, в крымском городе Судаке умерли православные горожане: *Анастасий, сын севаста Топти* (1304 г.) и *Тамарь, жена Макария севаста Топти* (1305 г.) [Заметки, 1863, с.626]. Вероятно, имя *Тапти* происходит от тюрк. «тап» – «нахо-

[41] В 1452 г. упоминается «Петр Чурка из рода Бетемера» (Petri Churka de genere Bethemer). Л.Рашоньи выводит это имя от тюркского имени-оберега «рожденный перевоплощаться» либо «рожденный расти», которое кочевники давали при рождении, чтобы обмануть злых духов.

[42] «Attaka Czytamir» [Pomniki, 1896, s.41].

[43] Владения Васька Тептюковича упомянуты в 1416 г., когда король Владислав II Ягайло перевел их на земское польское право. [AGZ. T.5. №30].

дить» [Древнетюркский словарь, 1969, с.533; Документы, 1967, с.406; Grønbech, 1942, s.235]. У тюркских народов был распространен обычай давать новорожденному обманное имя, со значением «найденный» (киргиз. *Табалды*), «купленный» или «подкидыш», дабы ввести в заблуждение злых духов [Никонов, 1974, с.100]. Явившись в семью роженицы, духи не обнаружат новорожденного, которому намеревались навредить, а совсем другого, якобы случайно «найденного» ребенка. Таким образом, вполне возможно, что Агоп и Васько были родными братьями, сыновьями Тапти. Их судьбы сложились по-разному. Очевидно, отец был потомком половцев, служивших князьям Даниилу, Льву и их потомкам, от которых они за службу получали небольшие земельные держания. Постоянные войны королей с литвинами и русинами Великого княжества Литовского, а затем с Тевтонским Орденом, несомненно, не способствовали процветанию слоя служилых людей – мелких землевладельцев, не говоря уже о тяготах походной жизни и смертельных опасностях. Вероятно поэтому, Агоп Таптюхов предпочел более мирные занятия мещанина. В результате, дети одного отца оказались один армянином, другой русином.

Примеры, когда в разных городских нациях Львова встречались носители тюркских имен, можно было бы приводить еще долго, но они заслуживают отдельного исследования. В заключение еще один красноречивый пример. Своеобразным отголоском пребывания представителей половецкого этноса во Львове может служить упоминание в актах (1442 г.) армянина *Андреаса Команович*а[44]. *Коман* было именем или прозвищем его отца. Для именника половцев была характерна группа имен, образованных от названий народов и племен (этнонимов). Например, в средневековых русских источниках упоминаются половцы с такими именами как *Башкорд*, *Имек*, *Китан*, *Куман*, *Кунопь*, *Кунуй* [Rásonyi, 1967, p.145]. Половецкий князь *Куман* упоминается летописцем среди погибших в бою с русскими князьями на реке Сутень (Молочная) 4 апреля 1103 г. [Повесть, 1978, с. 270]. Носители имени *Коман* встречались в итальянских колониях в Крыму и Приазовье, где значительная часть половцев также христианизировалась. В актах города Таны (в устье Дона) в 1360 г. фигурирует *Куман, сын Георгия из Таны, грек* [Quirini-Popławska, 2002, s.189]. В Масса-

[44] «Andreas Comanowicz der Ormenige» [Pomniki, 1921, s.95].

рии (книге казначейства) Каффы за 1381/1382 г. трижды упоминаются носители имени *Коман*[45]. Очевидно, во второй половине XIV в. этноним «куман» (Cumanus) превратился в антропоним, и может быть поставлен в один ряд с такими этническими именами как Герман, Франц/Франсуа, Лех, Армен и т.п.

До XVII в. включительно кипчакский язык был разговорным языком львовских армян. На этом языке они делали актовые записи (с помощью армянского алфавита) в протоколах своего суда. Армянский язык знали только священники, использовавшие его в литургии [Alnpekius, 1930, p.20; Лехаци, 1965, с.248; Pidou,1876, s.12–13; Вердум, 1983, с.90; Obszerna,1876, s.130; Документы,1967; Абдуллин, 1971, с.118–122; Гаркавец, 1978; Гаркавец, 1981, с.76–80; Гаркавець, 1993; Гаркавець, 2004]. На наш взгляд, это может быть свидетельством адаптации в XIV в. в армянскую общину довольно значительного числа местных половцев – крещенных в «армянскую веру». Поскольку львовские армяне активно занимались восточной торговлей, регулярно путешествуя в Крым и Османскую империю, кипчакский/половецкий язык сохранял в их среде свою функциональность, хотя сами они идентифицировали себя как армян (*эрмени*). Именно этим можно объяснить этот феномен в сравнении с половцами, адаптированными в католическую и православную общины, и довольно быстро утратившими как идентичность, так и язык, поскольку кипчакский язык не был связан с их профессиональной деятельностью и утратил свою функциональность.

В приведенной выше цитате, Ю.-Б.Зиморович писал, что *татары*/половцы изгнаны на предместье уже в период правления польских королей, занимались скорняжным ремеслом и огородничеством: «за городским рвом много лет занимались скорняжным ремеслом, [как] наконец [и те, которые] Витольдом в Литву были переселены». Это подтверждается и данными актовых источников. Что касается занятий львовских армян конца XIV – начала XV вв., то, по нашим подсчетам, после купцов и торговцев, с большим отрывом от других профессий, идут специалисты по выделке кож – 20 человек:

[45] Balard, 1978, p.288; в частности: Коман из Скаффы и священник Даниил Куман. Пономарев А.Л. Население и территория Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. [Причерноморье, 2000, с. 357–359].

11 скорняков, 8 сапожников и 1 шорник. (Характерно, что у пяти скорняков имена были тюркские). Для сравнения, в это же время среди армян было 7 толмачей, 5 ювелиров, 2 мясника, 1 ткач, 1 портной и 1 монетарий. Как известно, выделка кож всегда была одним из главных занятий кочевников.

Интересно, что Зиморович сравнивает занятия львовских татар XIV–XV вв. с современным ему состоянием (XVII в.) так называемых *литовских татар*. Это сравнение кажется нам весьма уместным, поэтому мы также используем его в нашем исследовании.

На службу к великому князю литовскому Ольгерду татары начали переходить уже в 1368–1377 гг. в период междоусобиц в Орде. В 1396 г. в Литву со своими людьми бежал хан Тохтамыш, после поражения от Тамерлана, громившего Золотую Орду. В 1397 и 1398 г. великий князь литовский Витовт/Витольд осуществил два похода в причерноморские степи (в Крым и устье Днепра), чтобы помочь своему союзнику Тохтамышу вернуть власть в Орде. Во время этих походов несколько тысяч татар-мусульман (с женами, детьми и скотом), было переселено на север Великого княжества Литовского. Наконец, после поражения Витовта и Тохтамыша на реке Ворскле в 1399 г. от войск хана Темир-Кутлуга и его эмира Едигея, часть татар Тохтамыша осталась в Литве [Tyszkiewicz, 1989, s.147–149, 158]. Все эти татары были поселены возле основных политических центров государства – Троки (Тракай), Вильно, Крево, Гродно, Новогрудок и Минск (но также и в селах) – с обязанностью военной службы, за которую они, в зависимости от статуса, получили земельные наделы, иногда с зависимыми крестьянами. По своему юридическому статусу верхушка татар приближалась к местной шляхте, однако не имела политических прав, в то время как рядовые татары находились на положении служебных бояр и казаков [Там же. s.158–161, 216].

Эти события были зафиксированы во многих хрониках и сочинениях путешественников. Воспоминания о переселении предков в Литву сохранялись и в среде самих татар и были записаны в 1558 г. (Risalei-Tatar-i-Lech). Автор этого сочинения отмечает, что в местах своего проживания татары свободно исповедуют ислам и имеют около ста мечетей. Однако на тот момент они уже забыли родной язык и говорили на местном [Там же. s.214], то есть белорусском. (До нашего времени сохранились мусульманские религиозные книги, написанные на белорусском языке арабским алфавитом) [Klucz,

2000]. Участие в почти непрерывных войнах, которые вели великие князья литовские, ослабило экономические позиции татар. Многие из них были вынуждены фактически передать свои земли более сильным соседям, сами же, не имея средств для снаряжения на войну, теряли свой служебный статус и искали иного заработка. Так, если в 1528 г. татары выставляли 600 всадников, то люстрация 1631 г. зафиксировала только 120 конных воинов [Tyszkiewicz, 1989, s.217–219]. Как отмечали *люстраторы*, многие татары имели совсем мало земель, дававшие только 3–4 бочки урожая зерна. Поэтому многие из них занимались *фурманством* (перевозом грузов на возах-фурах), ремеслами и торговлей [Там же, s.220–221], были толмачами и коновалами [Там же, s.229, 234]. Из всех ремесел среди литовских татар в XVI–XVII вв. наиболее распространенным было изготовление сафьяна, преимущественно из конских и козьих шкур [Там же, s.230]. Были среди татар и ювелиры [Там же. s.237]. Многие городские татары жили только за счет огородов, а их жены разводили овец, коров и коз [Там же, s.231–232]. В XVI–XVII вв. упоминаются мещане-татары на магдебургском праве. Многие из них уже имели христианское имя, как например, Илья Лукашевич, Юрко Ахметович, Миколай Янушович и т.п. [Там же, s.224–226].

Таким образом, утратив язык, литовские татары сохранили свою идентичность благодаря явным религиозным отличиям от местного населения. Если учесть, что они переселились в Литву на полтора столетия позже, то процессы, происходившие у них в XVI–XVII вв., соответствуют тем, которые имели место у половцев в Галицкой Руси во второй половине XIV–XV вв. При этом прослеживается сходство не только хронологическое, но и типологическое.

* * *

Таким образом, можно выделить такие общие черты в истории миграции половцев в Венгрию и Галицкую Русь: причины переселения – бегство от монголов; и в Венгрии, и в Галицко-Волынском княжестве половцы уже неоднократно бывали в домонгольскую эпоху в ходе своих набегов и в качестве союзников; местные правители использовали половецкую конницу как в своих войнах с соседними государствами, так и в своей борьбе с собственными вассалами; аккультурация половцев в новом обществе закончилась в XV в.,

языковая ассимиляция – в XVII в. В обоих случаях следы пребывания половцев остались в топонимике стран их проживания.

Отличия в дальнейшей судьбе половцев в Венгрии и Галицкой Руси мы видим в следующем: в Венгрию мигрировало намного больше половцев, чем в Галицко-Волынское княжество (на это указывает, в частности, наличие у венгерских половцев многочисленных князей). В Венгрии половцы компактно поселились в степях, что позволило им долгое время сохранять кочевой образ жизни (с преобладанием скотоводства), традиционную социальную организацию, религиозное мировоззрение и обряды (особенно погребальные), собственную идентичность (осознание общности происхождения и этнического единства). На землях Галицко-Волынского княжества не было степей, что делало невозможным долгое время сохранять здесь кочевой образ жизни. Скорее всего, здесь половцы были рассредоточены отдельными группами, прикрепленными к конкретному городу или замку (как это было в случае с литовскими татарами). Судя по отсутствию упоминаний о половецких вождях (кроме Тегака), можно сделать предположение, что в Галицкую Русь половцы переселялись отдельными небольшими отрядами, понесшими потери в людях и скоте от столкновений с монголами, их внутренние клановые связи были ослаблены, все это способствовало тому, что в Галицко-Волынском княжестве половцы, вероятно, не сформировали отдельную этно-социальную единицу (как в Венгрии), а непосредственно находились на службе у галицких князей (как на Балканах). Так, если в Венгрии, еще в 1279 г. один из пунктов «Constitutio Cumanorum» указывает, что половцы, подобно иным королевским слугам должны выступать на войну, если войско возглавляет король, то в Галицко-Волынском княжестве с половцами не заключались какие-либо специальные договоренности.

Если в Венгрию половцы переселились, избежав больших столкновений с монголами, одной большой ордой, с которой приходилось считаться, и был заключен династический брак наследника престола с дочерью половецкого хана и все эти события нашли отражение в средневековых венгерских хрониках, то в Галицкой Руси ничего подобного не было, соответственно, нет упоминаний в летописях – переселение половцев в Галицко-Волынское княжество осталось незамеченным летописцами, которые начинают упоминать половцев на страницах летописи только в связи с исполнением ими конкретных

заданий на службе у князя. С другой стороны, большое число половцев в Венгрии, сохранение ими социальной организации и большой военной силы способствовало их более активному участию в политической жизни Венгрии второй половины XIII в., где они, благодаря связям с правящей династией, зачастую играли самостоятельную роль, что, безусловно, привлекало внимание современников-хроникеров. В Галицкой Руси, судя по всему, половцы не имели подобного влияния на ход политической жизни. Еще одной причиной редких упоминаний половцев в Галицко-Волынской летописи может быть то, что на момент прибытия половцев в Галицкую Русь князю Даниилу Романовичу в целом удалось усмирить непокорное боярство, в то время как в Венгрии, наоборот, во второй половине XIII в. феодалы усиливают свое влияние, ограничивая королевскую власть, что и стало причиной многочисленных конфликтов, активными фигурантами которых выступали и половцы (куманы/куны).

Компактное проживание в степях и длительное сохранение традиционного образа жизни способствовало консервации языческих верований и обрядов в половецкой среде в Венгрии. Вместе с тем, в этом королевстве они испытывали целенаправленное миссионерское влияние только одной церкви – Римо-Католической, к тому же из хорошо управляемого центра – Рима. Наличие этих крайностей способствовало обострению отношений в религиозной сфере, что нашло свое отражение в конфликтной ситуации 1279–1282 гг. и в современных источниках. В Галицкой Руси половцы в меньшей степени сохраняли традиционный кочевой образ жизни, однако испытали влияние со стороны разных конфессий. Вследствие упадка Византийской империи – основного центра православия – более серьезных потерь русских земель от монгольского нашествия и зависимости Галицко-Волынского княжества от поликонфессиональной Золотой Орды, в которой первоначально доминировал принцип веротерпимости, а затем религией господствующей элиты стал ислам, Православная церковь не имела монополии на миссионерскую деятельность среди половцев в Галицкой Руси. Также она не имела ее с середины XIV в., когда Галицкая земля вошла в состав Польского королевства. Таким образом, половцы тут не ощущали целенаправленного давления какой-либо одной господствующей конфессии, поддерживаемой государством. Судя по всему, прозелитизмом среди половцев Галицкой Руси занималась Православная, Католическая и

Армянская церкви, возможно, и мусульмане (*сарацины*). Поселения и кладбища последних в золотоордынский период известны из письменных и археологических источников в бассейне Днестра. Следовательно, в Галицкой Руси не было условий для обострения религиозных противоречий и создания тут конфликтной ситуации на религиозной почве либо с религиозной окраской, подобной той, которая была в Венгрии в 1279–1282 гг.

Наконец, если в Венгрии половцы все время их проживания оставались жителями сельской местности и затем трансформировались в феодалов и крестьян, то в Галицкой Руси часть половцев также оседает в городах, как минимум, во Львове. Рассредоточенные по городам и селам Галицкой Руси, половцы ассимилируются здесь скорее, чем в Венгрии. Этому способствовало и то, что в Галицкой Руси половцы принадлежали к разным конфессиям. Это, в свою очередь, способствовало быстрому размыванию и так ослабленного чувства единства и ускоряло их интеграцию в «свои» этно-конфессиональные общины и, соответственно, производило к смене этнической идентификации и самоидентификации. Если в Венгрии, даже в XX в. потомки «кунов» и «ясов», утратив все признаки этнической идентичности, все еще сохраняют чувство своего отличия от остальных мадьяр, то на землях Галицкой Руси уже в XV в. навряд ли возможно было найти человека, который бы называл себя «кипчаком», «куманом» или «половцем» Этому также способствовало и то, что их сородичи в причерноморских и приазовских степях исламизировались на протяжении XIV в. и идентифицируются соседями и в собственном сознании как «татары». На основе изученного нами материала можно предположить, что в сельской местности Галицкой Руси половцы преимущественно ассимилировались русинами, в городах – соответствующими этно-конфессиональными группами. Долее всего половецкий/кипчакский язык сохранялся в среде армян Львова и Каменца-Подольского – до второй половины XVII в. – в силу своей функциональности, поскольку местные армянские купцы, независимо от их этнического происхождения, торговали со странами Востока, во многих из которых тюркский язык был либо языком значительной части населения, либо языком правящей верхушки, и знание этого языка значительно облегчало ведение коммерческой деятельности.

В целом, проблематика перехода половцев к оседлому образу жизни, в частности на украинских землях, требует дальнейших исследований, прежде всего, в сфере антропонимики и топонимики.

Список источников и литературы:

Абдуллин, 1971 – Абдуллин И.А. «Памятная записка» Агопа на армяно-кыпчакском языке (1620) // Советская тюркология. 1971. №3.

Архив, 1893 – Архив Юго-Западной России. К., 1893. Ч.8. Т.1.

«Великая хроника», 1987 – «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XII веков. М.: МГУ, 1987.

Документы, 1967 – Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)/ Подг. Т.И.Грунин. М.: Наука, 1967. 328 с.

Гаркавец, 1978 – Гаркавец А.Н. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI–XVII вв. К., 1978.

Гаркавец, 1981 – Гаркавец А.Н. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи // Тюркологический сборник (1977). М., 1981.

Гафуров, 1987 – Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.

ГВЛ – Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981.

Григорьев, 1981 – Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник (1977). М.: Наука, 1981.

Голубовский, 1889 – Голубовский П. Половцы в Венгрии // Университетскія ізвѣстія. К., 1889. №12.

Документы, 1967 – Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)/ Подг. Т.И.Грунин. М., 1967.

Древнетюркский словарь, 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Заметки, 1863 – Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т.5.

История Венгрии, 1971 – История Венгрии. В 3 т. М.: Наука, 1971. Т.1.

История Венгрии, 1972 – История Венгрии. В 3 т. М.: Наука, 1972. Т.3.

История Византии, 1967 – История Византии. М.: Наука, 1967. Т.3.

Картлис цховреба, 1955 – Картлис цховреба / С.Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т.1.

Князький, 2000 – Князький И.О. Половцы в Нижнем Подунавье // Вопросы истории. 2000. №3.

Контлер, 2002 – Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

Кусимова, 1977 – Кусимова Т.Х. Из истории личных имен башкир // Историческая ономастика. М., 1977.

Лехаци, 1965 – Лехаци С. Путевые заметки. М.: Наука, 1965.

Никифор Григора, 2003 – Никифор Григора. Римская история. Рязань, 2003. Т.1.

Никонов, 1974 – Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Плано Карпини, 1997 – Плано Карпини Дж. дель. История монгалов// Плано Карпини. Дж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.

Повесть, 1978 – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978.

Причерноморье, 2000 – Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Вып.4.

Саттаров, 1970 – Саттаров Г.Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах // Антропонимика. М., 1970.

Севортян, 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Тверская летопись, 1981 – Тверская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худож. лит., 1981.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1.

Decreta regni medievalis Hungariae, 1999 – Decreta regni medievalis Hungariae / Ed. János M.Bak, György Bónis, James Ross Sweeney. Idyllwild, California: Charles Schlacks, JR., Publisher, 1999. Vol.1 (1000–1301).

Dobre, 2003 – Dobre C. The Mendicants' Mission in an Orthodox Land: A Case Study of Moldavia in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // Annual of Medieval Studies at Central European University. 2003. Vol.9.

Golden, 1991 – Golden P.B. The Qipčaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation in the Steppes // Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery/ Ed. G.Seaman and D.Marks. – Los Angeles: Ethnographics Press, University of Southern California, 1991.

Golden, 1998 – Golden P.B. Religion among the Qipčaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. 1998. Vol.42. №2.

Kozubska-Andrusiv, 2003 – Kozubska-Andrusiv O. The Dominicans in the Thirteenth-Century Kievan Rus: History and Historiography // Annual of Medieval Studies at Central European University. 2003. Vol.9.

Nikolov, 1996 – Nikolov A. The Cumanic Settlement in Bulgaria and Hungary in the Thirteenth Century and its Consequences. Budapest: CEU, Budapest College, 1996. 78 p.

Nikolov, 2005 – Nikolov A. Cumani bellatores in the Second Bulgarian State (1186–1396) // Annual of Medieval Studies at Central European University. 2005. Vol.11.

Spinei, 2003 – Spinei V. The great migrations in the East and South East Europe from the ninth to the thirteenth century. Cluj-Napoca, 2003. 546 p

Spinei, 1986 – Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucureşti, 1986.

Vásáry, 1988 – Vásáry I. Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th–14th Centuries // Central Asian Journal.1988. Vol.32. Issue 3–4.

Vásáry, 2005 – Cumans and Tatars: oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.

Grønbech, 1942 – Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

Abracham, 1904 – Abracham W. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi. Lwów, 1904. T.1.

Akta grodzkie, 1875 – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie (далее – AGZ). Lwów, 1875. T.5.

Alnpekius, 1930 – Alnpekius I. Topographia civitatis Leopolitanae // Rachwał S. Jan Alnpek i jego "Opis miasta Lwowa" z początku XVII w. Lwów, 1930.

AGZ. T.5. №30.

Lwowa z archiwum miasta. T.1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389 / Wyd. A.Czołowski. – Lwów, 1892.

Klucz, 2000 – Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku / W prekładzie i opracowaniu H.Jankowskiego i Cz.Łapicza. Warszawa, 2000. – 256s.

Obszerna, 1876 – Obszerna wiadomość o połączeniu narodu ormiansko-polskiego z kosciolem rzymskim // Żrodla dziejowe. Warszawa, 1876. T.2.

Quirini-Popławska, 2002 – Quirini-Popławska D. Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnim średniowieczu. Kraków, 2002.

Pomniki, 1892 – Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T. 1: Najstarsza księga miejska, 1382–1389 / wyd. Aleksander Czołowski. Lwów, 1892. T. 1.

Pomniki, 1896 – Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. T.2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414 / Wyd. A.Czołowski. Lwów, 1896. T.2.

Pomniki, 1905 – Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. T.3: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1414–1426 / Wyd. A.Czołowski. Lwów, 1905.

Pomniki, 1921 – Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T.4: Księga ławnicza miejska 1441–1448 / Wyd. A.Czołowski, F.Jaworski. Lwów, 1921.

Pidou, 1876 – Pidou A.M. Krotka wiadomość o obecnym stanie, początkach i postępie misyi apostolskiej do ormian w Polsce, Woloszczyznie i sąsiednych krajach // Żrodla dziejowe. Warszawa, 1876. T.2.

Tyszkiewicz, 1989 – Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989.

Zimorowicz, 1899 – Zimorowicz J.B. Leopolis triplex // Zimorowicz J.B. Opera quibus res gestae urbis Leopolis illustrantur/ Edidit C.J.Heck. Lwów, 1899.

Вердум, 1983 – Вердум У. фон. Щоденник подорожі, яку я здійснив у роки 1670, 1671, 1672 ... через Королівство Польське// Жовтень. 1983. №9.

Гаркавець, 1993 – Гаркавець О.М. Вірмено-кипчацькі рукописи в Україні, Вірменії, Росії. Каталог. К.: Наук. думка, 1993. 220 с.

Гаркавець, 2004 – Гаркавець О. Загадкові українські вірмени, котрі говорили, писали та молилися кипчацькою мовою і 400 років тому надрукували першу в світі кипчацьку книжку (Джерелознавчо-історіографічний аспект питання) // До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ-Львів, 2004.

Коваль, 2001 – Коваль А.П. Знайомі незнайомці. Походження назв поселень України. К., 2001.

Горпинич, 2001 – Горпинич В.О. Словник географічних назв України. К., 2001.

Отрощенко, Рассамакін, 1986 – Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. 1986. №53.

Привілеї міста, 1998 – Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М.Капраль. Львів, 1998.

Українські грамоти, 1928 – Українські грамоти. Т.1.: XIV в. і перша половина XV в. / Вид. В.Розов. К., 1928. №38.

Arbuz Cumanum, 1967 – Arbuz Cumanum (1290, 1298); Buzkan filius Arbuz (1333). Rásonyi L. Les anthroponymes comans de Hongrie // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1967. T.20. Fasc. 2.

Balard, 1978 – Balard M. La Romanie genoise (XIIe – debut du XVe siècle). Roma, 1978.

«Andreasch Tartharus katholicus», 1892, s.65 – «Andreasch Tartharus katholicus». Pomniki dziejów.

Johannes de Thurocz, 1985 – Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum / Ediderunt Elisabeth Galántai et Julius Kristó. – Budapest: Akademiai kiado, 1985.

Pálóczi Horváth, 1989 – Pálóczi Horváth A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest: Corvina, 1989. 142 p.

Rásonyi, 1957 – Rásonyi I. Les noms toponymiques comans du Kiskunság // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1957. T.7. Fasc. 1–2.

Rásonyi, 1962 – Rásonyi I. Les noms de personnes imperatives chez les peuples turques // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T.15.

Rásonyi, 1967 – Rásonyi I. Les anthroponymes comans de Hongrie // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1967. T.20. Fasc. 2.

Richard, 1998 – Richard J. La Papaute et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècles). Roma, 1998.

Simonis de Kéza, 1999 – Simonis de Kéza. Gesta Hungarorum / Ed. László Veszprémy, Frank Schaer, Jenő Szűcs. Budapest: Central European University Press, 1999.

Salaville, т.17 – Salaville S. Les Comans. Un peuple de race turque christianisé au XIII siècle // Échos d'Orient. – 1914–1915. – T.17.

Decreta regni medievalis Hungariae, 1999 – Decreta regni medievalis Hungariae / Ed. János M.Bak, György Bónis, James Ross Sweeney. Idyllwild, California: Charles Schlacks, JR., Publisher, 1999.Vol.1 (1000–1301).

A.L. Osipian

MIGRATION, ADAPTATION, AND INTEGRATION OF NOMADS INTO SEDENTARY SOCIETY: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CUMANS' SEDENTARIZATION IN GALICIAN RUS' AND HUNGARIAN KINGDOM IN THIRTEENTH-FIFTEENTH CENTURY

This paper is devoted to the issue of sedentarization of the Cuman nomads. After being defeated by the Mongols in the 1220s – 1240s, many Cumans migrated from the steppeland and were accepted for military service by the rulers in Eastern, Central and South-Eastern Europe. The paper compares the processes of adaptation and integration of the Cumans in two host societies – Hungarian kingdom and Galician principality (modern day Western Ukraine). In Hungary, the Cuman tribes settled compactly in steppeland *pusta* – in the basin of the Tisza River. They joined the royal army as the light cavalry, led by their own aristocracy. Thus, the Cumans were gradually integrated into Hungarian society as an autonomous corporation and maintained their distinct culture and language until the late fifteenth century. In Galician principality, since there was no steppeland, the Cumans were dispersed near cities and castles, and used for the military service. In 1349, Galician Rus' became a province of Polish kingdom, and the Cumans lost their military service function. Some of them were adopted into the noble corporation – *szlachta*. Those living in the city of Lviv/Lemberg gradually integrated into various "urban nations" – Catholic, Armenian and Orthodox/Ruthenian – in accordance with their religious affiliation.

Keywords: the Cumans, Galician Rus', Hungary, migration, adaptation, integration, nomads, sedentarization.

Сведения об авторе

Осипян Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Краматорского экономико-гуманитарного института (г. Краматорск, Украина); e-mail: agricolae_ua@ yahoo.com

Osipian Alexandr Leonidovich – Associate Professor, the Chair of History and Cultural Studies, Kramatorsk Institute of Economics and Humanities, Ukraine Senior Visiting Scholar at the International Cultural Centre, Cracow, Poland (Kramatorsk, Ukraine); e-mail: agricolae_ua@ yahoo.com

УДК 94(470.6/602)

Г.-Р.А.-К. Гусейнов

КУМЫКСКИЕ БУРЧЕБИИ И МАМЛЮКИ ЕГИПТА

В статье на основе историко-лингвистического анализа взаимоотношений архического кумыкского социального термина *бурчебий* и названия куманского (кипчакско-булгарского) рода *Бурчевичей*, его варианта *Бурджоглы*, получившего отражение у Ан-Нувайри, обосновывается возможность аналогичного происхождения второй (1382–1517) «черкесской» («Бурджиты») династии мамлюкских султанов. При этом личное имя основателя этой династии Баркука, считающегося кавказцем-черкесом, мотивируется самоназванием кумыков-брагунцев, проживавших на Западном Кавказе. Обосновывается также предположение о том, что *Бурчевичи/Бурджоглы* могли быть представлены в Египте и в составе мамлюков первой (*бахриты*) волны. В числе прочих аргументов, обосновывающих высказанные положения, обращается внимание на близость тамгообразного знака на знамени Мамлюкского султаната из Каталанского атласа к карачаево-балкарским, кумыкским, кабардинским и абхазо-адыгским родовым тамгам.

***Ключевые слова*:** Западный Кавказ, кумыки-брагунцы, бурчебий, мамелюки, бахриты, бурджиты, Баркук.

В свое время первый кумыкский русскоязычный историк майор Д.-М. Шихалиев (1811 – не ранее 1872) связывал с послехазарской историей Кумыкской плоскости упоминание в предании «каких-то князьков *Бурчебий* (блоха-князь, или князь блох), которые жили на том месте, где находится Байрам-аул…»[Шихалиев, 1993, с.22][1]. Речь, по всей видимости, идет о представителях половецкой орды *Бурчевичей*. Она, по мнению С.А. Плетневой, занимала господствующее положение в Приднепровском регионе [см. Энциклопедия, 1995], Н.А. Баскакова [Баскаков, 1985, с.71, 82] – Донецком.

[1] Впервые опубликовано в газете «Кавказ» (Тифлис, 1848, №№ 37–44). Расположено к северо-востоку от нынешнего города Хасавюрт недалеко от западного берега реки Сулак (см. в последующем изложении).

Вместе с тем в обоих регионах еще в домонгольскую эпоху сохранялся булгарский компонент, постепенно утрачивавшийся в результате смешения с огузами на западе и кипчаками на востоке [Гусейнов, 2010а, с. 53].

На смешанный кипчакско-булгарский (команско-кумыкский) характер этого рода может указывать, с одной стороны, кипчакское звучание имени одного из его представителей – Аклан, отложившееся в древнерусских источниках[2]. С другой – булгарские признаки имен других известных его представителей, как, в частности, имя одного из относящихся к *Бурчевичам* героев «Слова о полку Игореве» (1169, 1185, 1193гг.) ГЗАК: КЪЗА ~ ХОЗ ~ КОЗА ~ ГЗА ~ ИЗАЙ БИЛЮКОВИЧ. Все это говорит о формировании данного рода на булгарском этническом субстрате ввиду отмеченных вариантов его локализации в Приднепровье или на Донце и даже Кубани – исторических пределах Белой (западной) и Черной (восточной) Кумании. С этим субстратом представляется возможным связать и Куманское царство, еще упоминавшееся в 1254 г. в нынешнем Дагестане после завоевания его монголами [Гусейнов, 2010, с.61].

Вместе с тем род Бурчевичей, известный и в летописном, имеющем также отношение к кумыкам Дагестана контексте «Слова о полку Игореве»[3], обычно относится к числу кипчакских племен.

---

[2] Оно образовано сложением общетюрк. aq «белый, честный»+ ulan «юноша, мальчик» [Баскаков, 1985, с. 80], но с редукцией гласного -u- первого слога, характерной для кыпчакских языков [Щербак, 1970, с.63], что до сих пор имеет место в казахском ŭlan [Севортян, 1974, с.411].

[3] В Ипатьевской летописи под 1185 и 1193 гг.: «Игорѧ же бѣхоуть æли Тарголовє моужь . именемь Чилбоукъ . а Всеволода брата єго . ѧлъ Романъ . Кзичь . а Сѣослава Ѡлговича . Єлдечюкъ въ *Вобоурцевичехъ* (вариант – *въ вобоурьчевичех*, где *во-* редуплицированный предлог, при Боурчевича/ Боурчевичи там же под 1193 г.),. а Володимєра Копти в Оулашевичихъ» [litopys.org.ua/ipatlet/ipat.htm]. Здесь Таргол-овє <*Tarγu-lu «Таргъу»- кумыкский ойконим, известный с VII в. [см. Алиев, 2001, с.486], как и другое, также упоминаемое у Ан-Нувайри название кыпчакского племени *Анжоглы* [Ушницкий, 2009, с. 46]. Данное племя также является, по всей видимости, булгарским по происхождению, если иметь в виду явную связь его названия с кумыкским ойконимом *Анжи* (<*Анчи), известным еще в эпоху арабо-хазарских войн VII–VIII вв. [см. Гусейнов, 2002–2003], чем еще раз подтверждается широчайший ареал распространения древнекумыкских булгарских племен еще в XII в. При этом обращает на себя внимание упо-

Кроме вышеупомянутой Ипатьевской летописи (1185 и 1193 гг.), он был также упомянут под вторичным, возможно, огузированным (-ч->-дж-) названием *Бурджоглы* в летописи, составленной при мамлюкском эмире Бейбарсе (1260–1277), но обнародованной Ан-Нувайри [Ушницкий, 2009, с. 46][4] в 1332 г., т.е. в XIV в., там же, в Египте. К этому роду могла относиться вторая династия мамлюкских султанов – «Бурджиты» (1382–1517), якобы названная по цитадели (*аль-Бурдж*, в египетском произношении *бург*) Каира, в которой султан Калаун (1280–1290) поселил мамлюков[5].

минание в обоих названиях формы *оглы* «ребенок, дитя», «мальчик», «молодой человек», характерной именно для мамлюкско-кыпчакского языка [см. Севортян, 1974, с.411]. Однако вместе с тем представляется не вполне обоснованным мнение о том, что в данных, прежде всего цокающих, вариантах субэтнонима *Бурчевичей* имел место перебой *ч/дж/ц/ш*, характерный для таких западных тюркских языков, как караимский, карачаево-балкарский и азербайджанский [Гаркавец, 2010, с.75]. Дело в том, что аналогичное явление имеет место в другой части рассматриваемой летописи, в которой под 1152 г. называются Токсобици (вариант-токсобичи), где цоканье имеет место не в собственно тюркской корневой, но в русской аффиксальной части. Это позволяет полагать, что данное явление характерно для самого источника, так как, по известному предположению А.А.Шахматова, Ипатьевская летопись была создана в Пскове [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ипат...] с характерным для него русским цокающим диалектом.

[4] Прибывшие в Восточную Европу половцы-кыпчаки занимали еще в 1152 г., по данным той же Ипатьевской летописи, земли между Волгой и Днепром, затем начали проникать на Северный Кавказ, но в дозолотоордынскую эпоху область их расселения ограничивалась здесь его северо-западной и центральной частью [Гусейнов, 2010а, с.61]. Отмеченная огузская черта могла быть обусловлена отражением известного воздействия ассимилированных огузских языков на половецкий в Дешт-и-Кипчаке [Баскаков, 1969, с.273] либо влиянием на речь кипчаков, захваченных в Средней Азии, туркменских диалектов со все более усиливавшимся их влиянием, отразившимся в памятниках мамлюкско-кыпчакского языка с XV века. Не исключено, что в силу отсутствия в арабской графике буквы, передававшей [ч], чтение [дж] могло быть обусловлено слабой упорядоченностью орфографии, при которой [ч] могло передаваться буквой «джим» [Наджип, Благова,1997, с.75, 76], чем, в принципе, снимается традиционно возведение мамлюкской династии Бурджитов (см. в последующем изложении) к араб. бурдж «крепость».

[5] http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/MAMLYUK.html

При этом вторая мамлюкская династия Бурджи традиционно именуется «черкесской» и правила Египтом до того, как Мамлюкский султанат с принадлежавшими ему владениями вошел в состав Османской империи. Основателем династии считается Баркук (1382–1389, 1390–1399) – выходец из Черкесии. Однако в ней еще в конце XIV – XV вв. было представлено тюркско-булгарское население [Гусейнов, 2010, с. 64–104], что позволяет возвести его имя к самоназванию проживавших там же, например, в Карачае, брагунцев – barγu-q, где -q – тюркский этнонимический показатель множественного числа, ср.qum-uq[6], а самих бурджитов, как было показано в предшествующем изложении, потомками *Бурче-биев*.

С *Бурчевичами* и соответственно с *Бурчебиями* мог быть связан и знаменитый мамлюкский султан Египта и Сирии *Бейбарс* (1260–1277), который вместе с султаном Калауном, по данным биографии последнего, был из рода *Бурджоглы*, но традиционно считается представителем первой династии *бахритов* [Гаркавец, 2010, с.73] (1250 – 1390). Ее связывают с островом ар-Рауда на Ниле, который в прошлом часто называли *аль-бахр* (по-арабски «море»), где первоначально находилась их казарма.

Кроме того, по версии Ан-Нувайри, Бейбарс являлся выходцем из Кипчакского рода с вариантами чтения его названия *Берели* и

[6] Надо полагать, что не случайно тамгообразный знак на желтом знамени Мамлюкского султаната из Каталанского атласа [см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Мамлюк] (1375 г.) совпадает с тамгой карачаево-балкарской фамилии Бабаевых-Бабалары (см. http://www.elbrusoid.org/library/history/362146/), обнаруживает близость к кумыкским – тамге рода Кумыковых в Кабарде и тамге Чопалау («на лошадях персидской породы»), сходной с изображениями на сосудах из Саркела [см. Алиев, 2002/2003, с.68,72,73] и совпадающей с бесленеевской (западноадыгской) тамгой №№65, 66 (Аджи, Аджикул) с тем же названием. Она близка к кабардинским тамгам №№94, 95 (Алакай / Алэкэй), 1199 (Маремкул / Мэремкъул), 1474 (Тлостаналий / Лъостэнэлий) и абхазской №113 (Джопуа, Члоу и община Моквы) [см. http://ethnic-cinema-country.ru/kg-8/]. Все эти фамилии при неясности генезиса абхазской фамилии Джопуа (Джонуа) из сс. Члоу и Мокв Очамчирского района Абхазии [см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Члоу] имеют тюркско-мусульманский характер, за исключением Тлостановых. Однако и они в 70-ее гг. XVI в. были в числе служивших кумыкскому шамхалу Чопану (ср. выше тамгу Чопалау) знатных родов в Кабарде [см. http://kumukia.ru/?id=736].

Бёрили, последний из которых отождествляется с тюркским названием волков. Известно также его чтение с арабским определенным артиклем – *ал-Бурли* [Там же, с.70, 71][7], что дает основание для его отождествления с вариантами *Бурчевичи /Бурджоглы~Бурны~Бурнович*, а также *Бурчаклы~Бурджаглы~Бурчевичи* [Баскаков, 1985, с.78, 129], хотя у Ан-Нувайри оно было отмечено как наименование одного из кипчакских племен наряду с другими, включая *Бурджоглы* [Ушницкий, 2009, с.46][8]. Это свидетельствует о том, что *Бурчевичи/Бурджоглы* могли быть представлены в Египте и в составе мамлюков первой волны, будучи связанными тем самым и с кумыкскими *Бурчебиями.*

По общепринятой версии, получившей отражение в энциклопедии Британика, Бейбарс родился в Дешт-и-Кипчаке к северу от Чёрного моря [http://ru.wikipedia.org/wiki/Бейбарс], где, в Приднепровском регионе, согласно С.А. Плетневой (см. выше) локализуется род Бурчевичей. На связь с рассматриваемым ареалом указывает и лока-

[7] С ними связываются также *отперлю-еве/оперълю-еве* из Ипатьевской летописи под 1152 г., где первое написание – графический вариант анлаута, и *ольберы* «Слова о полку Игореве». Они считаются названием чернокло-буцкого родового подразделения или возводятся к наименованию племени, но без учета отмеченного негубнго чтения анлаута и его интерпретации в качестве артикля – ölberlik/ölberi-/ölberli/ölberlü у мусульманских авторов XIII–XIV вв., в т.ч. у Ан-Нувайри. Это племя относится к восточным кипчакам, мигрировавшим из Центральной Азии в первой четверти XII в. и именуемым в летописях «дикими половцами». Одним из его вождей был известный «эмир из народа кипчаков, из племени *олбурлик*» Бачман, который погиб в 1236 г. на берегах Волги в сражении с монголами, а остатки племени, «короли» которого еще упоминаются в 1262 г., были включены в монгольское войско и переселены в Китай [Энциклопедия, 1995].

[8] Оба варианта – *Barali и Бурли* – могут быть, в принципе, беспрепятственно увязаны с самоназванием кумыков-брагунцев – *бараанлы / *бораанлы (> Баралы / *Боралы > *Бурлы*), как, в принципе, и с субэтнонимом *бахрит,* в котором могло отложиться более раннее звучание рассматриваемой формы, если принять во внимание известность среди кыпчаков племени баргу (barγu) / барку (barqu) [см. Ушницкий, 2009, с.78). В этом случае при допущении метатезы (перестановки) и в силу глубокозаднезычного характера арабского фрикативного [ɣ] тюркский [γ] мог быть передан через ближайший арабский [х].

лизация кипчакского племени, к которому принадлежал Бейбарс, к западу от Итиля-Волги[9].

Название же этого рода в вариантах *Бурчаклы~Бурджаглы~ Бурчевичи* возводится, с одной стороны, к burčaqly/burdžaqly «имеющий бобы ~ обладающий тамгой в виде боба» (характерной для знамени Мамлюкского султаната – см. ru.wikipedia.org/wiki/ Мамлюкский_су в предшествующем изложении). С другой – «обладающий тамгой в форме угла» [Баскаков, 1985, с.73, 78, 129] > burčaqly/burdžaqly>budžaq «название родового объединения ногайцев» (Буджакской (с XV в.) Орды, располагавшейся в южной части междуречья Дуная и Днестра пределах Крымского ханства, где в XVII в. поселились также ногайцы, бежавшие от нашествия калмыков) [http://ru.wikipedia.org/wiki/Буджак].

Последняя – «угол» – тамга – известна ак- и караногайцам как обозначение рода Кипчак [Баскаков, 1940, с.133, 139], крымским татарам (ногайцам) – просто как иргаклы («крюк, крючок») – тамга [http://www.tatargen.ru/timerbek/003.html], что может указывать на ее привнесение в Крым ногайцами, продвинувшимися в его северную часть в XV–XVI вв., когда в его пределы уже переселились кумыки-брагунцы с Центрального Кавказа [Гусейнов, 2010а, с.77]. Этот же род – Кипчак – мог продвинуться и в Буджак, наименование которого («угол»), вероятно, отражает название его тамги.

Другой – Бурч – вариант этого обозначения мог отразиться в уже упоминавшемся названии древнего булгарско-кипчакского рода Бурчевичей (кум. *Буьрче-бий*), символом которого стала вышеназванная тамга, распространившаяся вплоть до Крыма, в ойконимии которого установлено три случая отражения этнонима *бурчи* [Буша-

[9] Также полагают, что *Бурчоглы/Бурджоглы* «название новообразованного родоплеменного объединения *Бурчевичей,* названного по имени вождя, а *Берели, Бёрили, Бёрюлю* – либо древнее наименование определенного рода в составе этого объединения по месту исхода (ср. названия рек Белая Берели и Черная Берели на Алтае…), либо новое – по месту кочевания *Бурчевичей* на реке Волчьей, левом притоке р. Самары, левого притока Днепра» [Гаркавец, 2010, с.77–78]. При этом показательно совпадение названия р.Самары с аналогичным наименованием притока р.Волги, где располагается г.Самара, но в условиях, когда исходная форма этого гидронима отложилась в названии р.Самур в нынешнем южном Дагестане и ст.-кум.самур(лар) «исток(и) реки [Гусейнов, 2010а, с.38].

ков]. Вполне вероятно и то, что именно древние кумыки и карачаево-балкарцы периода северокавказской куманской общности, оформившейся после окончательного разрушения Хазарского каганата в 1050 г. [Сравнительно-историческая, 2002, с.736] стали основателями обеих мамлюкских династий (*Бахриты* и *Бурджиты*) в Египте. Причем, прежде всего, будущие, переселенные в 1619 г. Султан-Мутом – основоположником династии князей Засулакской Кумыки – в район Эндирея брагунцы Северного Кавказа, где еще на карте России Гесселя Герритса 1614 г. на Таманском полуострове отмечается «Царство Кумыкии» [Алиев, 2011, с.41]. К числу других свидетельств последнего предположения следует отнести и уже упоминавшуюся тамгу на знамени Мамлюкского султаната, восходящую к кумыкской традиции.

Кроме того, для уже упоминавшегося древнекумыкского субэтнонима *Анж-оглы,* который возводится к andžaq ~ ančaq «лунка», предлагается отождествление с аналогичной тамгой [Баскаков, 1985, с.78, 129][10], хотя, в принципе, оно имеет иную, более убедительную этимологию [Гусейнов, 2002–2003], но речь, по всей видимости, идет об интерпретации данного названия в традициях т. н. «народной этимологи». Непосредственные аналогии в кумыкской традиции находит и другая этимология вышеупомянутого субэтнонима – от an «тот, то, что подальше»[11] + džaq «сторона» + ly > andžaqly «те, кто находятся по ту сторону; те, кто находятся дальше». В ее основу кладется признак распределения на две противоположные стороны нахождения (берегам реки, воинским флангам и проч.) [Баскаков, 1985, с.73] – в нашем случае, Сулак, на западном (левом) берегу которого упоминаются Бурчебии (см. в предшествующем изложении), восточном (правом) – исторический Анжи.

[10] Она обнаруживается, в первую очередь, в числе карачаевских – род Теке [см. Алиев, 2002/2003, с.75] и балкарских – №273 [см. Лавров, 2009, с.23], а также кабардинской (№1006) рода Кияс, КІасэ и абхазской (№167) – Кяхир-ипа (Бения), Блабурхв, Отхара (см. http://ethnic-cinema-country.ru/kg-8/). Название первого из них (Кияс, КІасэ) носит, вероятно, позднейший характер ввиду возможности его возведения к араб. кияс «сравнение, аналогия».

[11] Ср. обще-, межтюрк. *аңры* «по ту сторону, туда, дальше» [см. Севортян, 1974, с.157].

Показательно, что у кумыков (речь идет об отмеченном еще М.Б. Лобановым-Ростовским[12] их разделении (*ари/бери якъ*) по берегам той же р. Сулак/кум. Солакъ) оно могло возникнуть в золотоордынскую эпоху, когда завершается их кипчакизация, и усилиться в позднем средневековье, когда в нижнем Терско-Сулакском междуречье начинают расселяться ногайские племена[13]. Именно у них, начиная с беклербекства Идегея в конце XIV в., а также, что показательно, в Крымском ханстве золотоордынская войсковая триальная (крыльевая с центром) структура преобразовалась в дуальную (онг «правый» и сол «левый»), которая сохранялась долгое время у некоторых тюркских и монгольских народов [Кушкумбаев, 2009, с.100][14].

Причем первоначальная триальная система была представлена у мамелюков, если принять во внимание известные сведения о том, что «построение армии мамлюков на поле боя было традиционным, с центром и двумя флангами». К другим свидетельствам их тюркской военной организации следует отнести и то, что «конница мамлюков была обучена маневрированию, ложным отступлениям и прочим приёмам». Показательно, что «все мамлюкские офицеры имели земельные участки-*ирты*», которые «не передавались по наследству и, будучи собственностью султанов, выдавались в условное владение». Кроме того, «эмиры-сотники командовали отрядом в 1 000 воинов и имели отряд личной охраны в 100 воинов. Эмиры сорока командовали отрядом в 100 воинов, их личная охрана насчитывала 40 человек. В мамлюкской армии имелась также должность эмира-десятника» [http://ru.wikipedia.org/wiki/Мамлюки][15].

---

[12] «…Они различают себя прозванием заречных, которое взаимно дают друг другу» [Лобанов-Ростовский, 2002, с.19].

[13] См. у Д.-М. Шихалиева [Шихалиев, 1993, с.22–23, 86] о располагавшихся на Кумыкской плоскости карагачских ногайцах и связанный с ними комментарий С.Ш. Гаджиевой под №18.

[14] К этой же эпохе, по всей видимости, относится севернокумыкское имя Идик, восходящее вместе с Идеге к др.-тюрк. ыдыкъ «священный» [см. Севортян, 1974, с.649].

[15] Все это соответствует известным общетюркским воинским званиям **on bašy*, **qyrq bašy*, **jüz bašy*, наиболее показательным и специфически тюркским среди которых является *qyrq bašy* «эмир сорока», а *ирт* отвечает, по всей видимости, тюрк. **jūrt* «участок земли на кочевье, племенная территория» [см. Сравнительно-историческая, 2001, с.490, 567, 568].

Поэтому, а также прежде всего в связи с предшествующим изложением нуждается в существенной корректировке такое общее место значительного числа интерпретаций термина *мам(е)люк* как, например, «военная каста в средневековом Египте, рекрутировавшаяся из юношей-рабов тюркского (кипчаки) и кавказского (?!) происхождения» [http://ru.wikipedia.org/wiki/Мамлюки]. Его конкретное, исторически достоверное наполнение может быть достигнуто на основе специальных исторических изысканий, каковые представляются в указанной связи достаточно актуальными.

Карл Верне (Carle Vernet). Мамлюк-кавалерист. 1810 г.

Список источников и литературы:

Алиев, 2001 – Алиев К.М. Таргу-наме. Махачкала, 2001. 291 с.

Алиев, 2002/2003 – Алиев К.М. Тамга-знаки Дагестана. По материалам кумыков и их предков // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала. 2002/2003. Вып.8–10. С.65–75.

Алиев, 2011 – Алиев К.М. Кумыки. Имя, история, идентитет. Махачкала, 2011. 104 с.

Баскаков, 1940 – Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940. 270 с.

Баскаков, 1969 – Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. 383 с.

Баскаков, 1985 – Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 207 с.

Бушаков – Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www. turkolog.narod.ru/info/I24.htm.

Гаркавец, 2010 – Гаркавец А.Н. Бейбарс // Вопросы тюркологии. М., 2010. №1. С.64–104.

Гусейнов, 2002–2003 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002–2003. Вып.8–10. С.36–39.

Гусейнов, 2010 – Гусейнов Г.-Р. А.-К. О тюркско-булгарском населении Северо-Западного Кавказа XV века по топонимическим и этнонимическим данным // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2010. №6. С.39–43.

Гусейнов, 2010а – Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказ и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010. 240 с.

Кушкумбаев, 2009 – Кушкумбаев А.К. Крыльевая система в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. С.84–104.

Лавров, 2009 – Лавров Л.И. Кавказские тамги. Нальчик, 2009. 86 с.

Лобанов-Ростовский, 2002 – Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки: их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала, 2002. 35 с.

Наджип, Благова, 1997 – Наджип Э.Н., Благова Г.Ф. Мамлюкско-кыпчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С.79–81.

Севортян, 1874 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. 767 с.

Сравнительно-историческая, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2001. 822 с.

Ушницкий, 2009 – Ушницкий В.В. Средневековые народы Центральной Азии (Вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань, 2009. 116 с.

Шихалиев, 1993 – Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках. М., 1993. 144 с.

Щербак, 1970 – Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 202 с.

Энциклопедия, 1995 – Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т.1. Электронный ресурс. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/

http://ethnic-cinema-country.ru/kg-8/
http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/MAMLYUK.html
http://kumukia.ru/?id=736
http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat.htm
http://www.tatargen.ru/timerbek/003.html
http://ru.wikipedia.org/wiki/Бейбарс_I
http://ru.wikipedia.org/wiki/Буджак
http://ru.wikipedia.org/wiki/Ипатьевская_летопись
http://ru.wikipedia.org/wiki/Мамлюки
http://ru.wikipedia.org/wiki/Мамлюкский_султанат
http://ru.wikipedia.org/wiki/Члоуцы

G.-R.A.-K. Guseinov

KUMYK BURČEBIJES AND MAMLÛKS

In the article on the basis of historical and linguistic analysis relations of ancient kumyk social term *burčebij* and the kuman (kypčak-bulgar) name of type *Burčevič*, version *Burdžogly*, which reflected by an-Nuvajri, found the possibility of having the same origin of the second (1382–1517) 'Circassian' ('Burdžits') dynasty of Mamlûk sultans. The personal name of the founder of this dynasty Barkuk, considered to be kavkaz-čerkes origin, motivate by custom title of Bragun kumyks, which were live in the West Caucasus. Is based on the assumption that *Burčevič*/*Burdžogly* can be represented in Egypt and in the composition of the first Mamluks (*bahrits*). Among other arguments justifying made provisions, drawing attention to the proximity of the tamga shaped mark on the Mamlûk Sultanate's banner from Catalan Atlas to karachai-balkar, kumyk, kabardian and the abkhazian-adyg type tamgas.

Keywords: West Caucasus, Bragun kumyks, *burčebij,* mamlûks, *bahrits,* burdžits, Barkuk.

Сведения об авторе

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, доцент Дагестанского государственного университета (г. Махачкала); e-mail: garun48@mail.ru

Guseynov Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich – doctor of philological sciences, associate professor, Dagestan state university (Makhachkala); e-mail: garun48@mail.ru

УДК 355/359(=512.1)

Я.В. Пилипчук

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КИПЧАКОВ

Данная статья посвящена стратегии и тактике кипчаков в противостоянии с оседлыми и кочевыми обществами. Любимыми приемами ведения боя у кипчаков были притворное отступление, засада, обход с флангов и окружение противника. Кипчаки не были мастерами осады и войн в горной местности и потому участвовали в боях подобного типа только при наличии союзников из оседлых обществ. В этих случаях они выступали как вспомагательные части легкой конницы. Для начального периода войн огузов с кипчаками характерно ведение маневренной войны. То же было характерно и для монголов в эпоху экспансии. С продвижением на запад количество войск атакующей стороны наростало за счет уже подчиненных кочевников. Победа в степной войне зависела от таланта полководца и храбрости его воинов. Для эпохи «Великого Западного похода» было характерно снижение маневрености монгольських войск и облавы на отряды кипчаков, которые вели партизанскую войну. При столкновении двух кочевых армий главными условиями победы были полководческий талант военачальников, маневреность, храбрость и большое количество воинов. Количество кипчакских воинов в славянских летописях значительно преувеличивалось. Как правило, указывалось общее количество кипчаков, а не их воинов. Война кочевников против кочевников сводились к четырем схемам действий: 1) облаве, которую использовали значительные массы конницы против менее численного врага; 2) атака укрепленного лагеря из повозок, которую можно было осуществить только обладая численным превосходством; 3) контратака против войск противника, которые отягощены добычей; 4) неожиданный набег.

***Ключевые слова*:** кипчаки, военное искусство, притворное отступление, засада, обход с флангов, осада, неожиданный набег, партизанская война, контратака, войска, союзники.

Одним из интересных вопросов истории кочевников евразийских степей является военное искусство кипчаков. Этому вопросу были посвящены исследования А. Кушкумбаева и Ю. Худякова

[Кушкумбаев, 2009; Худяков, 1997; Худяков, 2011]. В данном исследовании мы сфокусируем внимание на применении кипчаками традиционных кочевнических приемов ведения боя и сравним их военное искусство с другими кочевниками.

Кипчаки были тюркским народом, происхождение которого связано с Центральной Азией (в русской терминологии Средней Азией). Их тактика и стратегия были типично кочевническими. Войско почти целиком состояло из конницы. Реконструировать тактику и стратегию ведения войн невозможно без описания вооружения. Легкая конница была вооружена луками. Для ближнего боя использовались сабли и копье. Шея знатного кочевника защищалась кольчужной бармицей, а лицо маской или полумаской. Для защиты тела кипчакской знатью больше всего использовалась кольчуга [Худяков, 1997, с. 106–120; Худяков 2011, с. 41–46].

Кипчаки начинали бой атакой легкой конницы, которая вела дистанционный бой. Всадники обстреливали врага двигаясь по кругу, делая обстрел непрерывным. После этого они притворно отступали [Spinei, 2003, p. 227]. Насколько это было возможно, кочевники отдалялись от противника и только, когда имели преимущество в силах, атаковали. Одним из таких показательных примеров была Адрианопольская битва 1205 г. Европейские крестоносцы не воспринимали кипчаков как равных соперников, за что и поплатились. Легкие всадники обстреляли рыцарей, а когда те увлеклись погоней и расстроили свои ряды, атаковали их. Болгары и кипчаки окружили крестоносцев. Многие европейские аристократы попали в арканы кипчаков. Среди них был император Бодуэн [Клари, 1986, Глава CXII; Виллардуэн, 1993, Главы 354–361].

О том, что у кипчаков была тяжелая конница свидетельствуют летописцы упоминая о войне между Юрием Долгоруким и Изяславом. Они указывали, что Юрьевы кипчаки были в бронях (кольчугах) и следили за бродами через Днепр [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 330–332; Ипатьевская летопись, 1962, с. 421, 423–424]. По возможности сами кипчаки старались не форсировать реки во время боя. Обычно перед переправой десять конских шкур сшивали в мешок, который набивался соломой и камышем так, что туда не могла проникнуть и капля воды. Все свои вещи кочевник помещал на мешок. После этого он сам садился на мешок, а конь, переплывая реку, тягнул его за собой. Кипчаки атаковали русов на переправе в 1093 и

1111 гг. В 1093 г. кипчаки перебили множество русов, пользуясь паникой в их войске. И только в 1111 г. русы смогли отразить нападение кипчаков при переправе [Лаврентьевская летопись, 1962, с.218–225, 289; Ипатьевская летопись, 1962, с. 209–216, 266–273; Новгородская первая летопись, 1950, с. 20, 203].

Одним из любимых кочевнических приемов ведения боя была засада. Как она выглядела иллюстрирует описание битвы на Вягре в 1097 или 1099 г. Боняк имел три полка, один из которых возглавил Алтунопа. Когда этот отряд начал притворно отступать, венгры бросились его преследовать. Кочевники заманили венгров в засаду. Боняк атаковал венгров и окружил их. Венграм удалось прорвать окружение, но при отступлении в панике многие из них погибли, потонув в реках Вягра и Сян [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 270–271; Ипатьевская летопись, 1962, с. 245–247]. В отличие от славянских источников, венгерские латиноязычные хроники не называли места битвы, но в них есть сведения, что в походе принял участие сам король Коломан Книжник. Сообщается, что куны (кипчаки) напали ранним утром. Подробности столкновения не сообщались, но указывалось, что куны Миркоды пришли на подмогу русинам. Венгры были обращены в бегство. При отступлении погибли епископы Лаврентий и Купан. Кипчаки, преследуя войско короля, убили также графа Эвзу из рода Алмош. Кипчак Маноч преследовал короля и ранил в ногу лучшего венгерского воина Матфея. Другой венгерский воин, Петр, захватил Маноча в плен [Венгерский хроникальный свод XIV века, 2010, с. 361–362; Scriptores Rerum Hungaricarum, 1766, s. 168; Chronicon pictum, 1883, s. 202–203; Пожоньские анналы, 2010]. А. Кушкумбаев считает, что кипчаками был применен типичный кочевнический прием. Авангард атаковал врага, обстреливая его на расстоянии. За этим следовало притворное отступление, которое продолжалось до того, как в бой вступили основные силы, которые находились в засаде. Они неожиданно атаковали врага и окружили его. Сам факт окружения спровоцировал панику среди венгров, что и привело к поражению [Кушкумбаев, 2009, с. 69–70].

Тугоркан в 1093 г. применил обход противника с флангов. Этот маневр был неожиданным для Святополка и отряды русов были разбиты отдельно, полк за полком. Русы не ожидали нападения и даже не выставили караула, в то время как кипчаки прекрасно знали о силах и положении войск Святополка. Также сыграла роль малочис-

ленность войска русов. Не выдержав натиска кипчаков, русы, отступая, кинулись переправляться через реку Днепр. При переправе часть из них погибла. Кто не потонул сам, тому помогали тонуть стрелы кипчаков с правого берега Днепра [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 218–225; Ипатьевская летопись, 1962, с. 209–215].

Неожиданость была важным фактором для окончательного успеха битвы. Кипчаки в 1068 г. на реке Альте атаковали русов ночью. Войско Ярославичей и таких условиях не было готово к бою, и неожиданное нападение привело к панике среди русов [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 167–168; Ипатьевская летопись, 1962, с. 156–161; Новгородская первая летопись, 1950, с. 17, 186–187]. Обход противника с тыла и флангов был использован Кончаком в битве на Каяле в 1185 г. Окружив русов на открытой степной местности, кипчаки имели свободу маневра и обстреливали дружину северских князей со всех сторон. Когда наступил решающий момент битвы в бой вступила тяжелая конница кипчаков. Сеча была ожесточенной, но кипчаки победили русов и взяли в плен Игоря Святославича и его сына Владимира [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 397–398; Ипатьевская летопись, 1962, с. 639–644; Плетнева, 1990, с. 160–164].

Войско кипчаков делилось на несколько полков. Кочевники любили авангардные бои. Но тот прием, что сработал в 1097 (или 1099) г., не дал результатов в 1103 г. Теперь уже неожиданно напали русы и перебили отряд Алтунопы до того, как он должен был отступить к своим [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 277–279; Ипатьевская летопись, 1962, с. 252–256; Новгородская первая летопись, 1950, с. 19, 203; Плетнева, 1990, с. 56]. У кипчаков действовал принцип народа-войска. Их обычно было в три или пять раз больше чем противника. Но тяжелой конницы у них было меньше, чем у соседей. Именно поэтому кипчаки избегали генеральных битв, если видели что соотношение сил не в их пользу. Битва на Дегее была обусловлена тем, что русы поставили кипчаков в трудное положение, отнявши у них скот и подвластное население. Чтобы их отбить, кипчаки атаковали, но были побеждены русами [Лаврентьевская, 1962, с. 289; Ипатьевская летопись, 1962, с. 266–268].

Быт кипчаков был милитаризованым, и кочевник должен был с оружием защищать свой скот и семью. Жизнь кочевника проходила во взаимных набегах, которые были нормой для кипчакских племен того времени. Один такой случай был зафиксирован Ибн Халдуном

и ан-Нувайри [Тизенгаузен, 1884, с. 541]. Интенсивность набегов зависела от времени года и природных условий. Наиболее частыми были набеги летом или осенью, когда, при сборе урожая оседлыми соседями, была возможность захватить побольше пленных. Именно тогда кипчаки вплотную подходили к границам соседей. Нападения зимой были обусловлены падежем скота или недостатком ресурсов [Лаврентьевская летопись, 1962, с.163; Ипатьевская летопись, 1962, с. 152; Новгородская первая летопись, 1950, с. 17].

Кипчаки, атакуя Венгрию, шли уже по проторенному печенегами пути. Они вторглись в Венгрию через проход между Дунаем и Трансильванскими Альпами (Южными Карпатами). В 1091 г. они впервые атаковали Венгрию. Но, когда кипчаки уже возвращались назад, один из их отрядов был настигнут на реке Паганти (ручае Поганч). По сообщению венгерского хрониста, Ласло напал на лагерь Копульха. Копульх и многие знатные кипчаки были убиты. Смог уйти только сервиент Эсембу. Акуш, услышав о гибели Копульха, поклялся отомстить. Кипчаки требовали освободить пленных и осмеяли венгерского короля. В открытом столкновении около Дуная Ласло победил Акуша. У венгров было важное преимущество – тяжелая рыцарская конница. В открытом столкновении венгры наголову разгромили кипчаков. Еще одним важным фактором было неожиданное нападение. В 1068 или 1070 г. венгры так уже побеждали кунов (вероятно печенегов) Озула. Они неожиданно напали и, преследуя отступающих их, методично уничтожали кунов. Да и относительно полевого сражения, то в нем куны (печенеги) Кутеска также были разбиты войском короля Ласло. Для всех вторжений было общим то, что печенеги и кипчаки заходили достаточно далеко в Венгрию. Вероятно, взяв много пленных и награбив много скота, кипчаки теряли мобильность и на обратном пути их громили венгры. При этом нужно отметить, что разведка работала лучше у венгров. То, что кипчаки и печенеги почти во всех случаях были застигнуты врасплох дает возможность предположить, что венгры знали место лагеря кочевников и перебили их дозорных [Шушарин 1997, с. 326–328; Scriptores rerum Hungaricarum, 1776, s. 142–144, 163–164; Spinei, 2009, p. 120–121].

В XIII в. венгры, для того, чтобы оперативно реагировать на действия кипчаков, сформировали отряды легкой конницы из влахов, секеев и печенегов. В составе трансильванского войска они одержали победу над кипчаками во время экспедиции в Болгарию

[Vasary, 2005, p. 58–60]. У венгров были и иные стратегии противодействия кочевникам. Кипчаки досаждали набегами на комитаты Брашов и Фегераш, а пограничники не могли им воспрепятствовать. Очевидно, кипчаки приходили неожиданно в большом числе, уничтожали пограничные заставы и вторгались в Трансильванию через карпатские перевалы. Для того, чтобы успешно привостоять кипчакам, венгерский король Эндре II отдал во владение тевтонцам землю Бырца. Тевтонские рыцари не давали кипчакам полевых сражений, а теснили их, сооружая укрепленные поселения. В результате такого постепенного строительства и сооружения нескольких поселений тевтонцы не только прекратили нападения кипчаков на землю Бырца, но и вторглись на земли кипчаков. Последующей экспансии тевтонцев на земли кипчаков помешала конфискация королем Эндрэ II владений Тевтонского Ордена в Трансильвании [History of Transylvania, 2001–2002; Князький, 1988, с. 22–32]. Вместо тевтонцев, как пограчников, король задумал сделать своими федератами кипчаков. Для того, чтобы сделать их союзниками, на восток отправлялись духовные миссии. Ну и, естественно, в ход шла дипломатия. В конце 20-х гг. XIII в. была учреждена Куманская епископия. Обращенные в католицизм вожди кипчаков Мемборк и Бортц помогали венграм против русов и других кипчакских племен. Кипчакские контингенты находились в венгерском войске, которое противостояло русинам в Галичине. На стороне Романовичей также воевали кипчаки. Это были люди Котяна [Ипатьевская летопись, 1962, с. 761; Князький, 1988, с. 22–32; Spinei, 2008, p. 413–456].

Но привлечение федератов к охране границ не было только венгерским ноу-хау. Ромеи задолго до этого использовали кипчаков как федератов. На службе у Византийской империи находились кипчаки, которые получали за службу пронии. Они находились в Подунавье, Добрудже и Могленах [Stoyanow, 2002, p. 683; Бибиков, 1981, с. 130–133]. Мануил Комнин использовал их против сицилийских норманов и турок, и, возможно, против дунайских кипчаков, которые в 1148 г. напали на Димницик [Бибиков, 1981, с. 117; Diaconu, 1978, p. 78–89; Spinei, 1986, p. 95; Гръцки извори, 1968, с. 226–228; Гръцки извори, 1972, с. 226–227]. Позже кипчаки усердно служили болгарам. Как вспомагательные силы, они выматывали ромеев и лишали их простора для маневра. Кипчаки блокировали комунникации имперских сил. В то время, как одни части кипчаков сражались

под Верроей, другие уже находились под Филипополем. Гарнизоны городов не могли помочь основным силам. Войско императора попадало в окружение в горах [Никита Хониат, 1862].

Для удачного завершения кампании на Руси кипчакам нужно было обойти фортификации на Роси и Суле. Одному племени было сложно осуществить такое предприятие и это удавалось немногим ханам. Удачными были кампании Тугоркана в 1093 р. [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 218–225; Ипатьевская летопись, 1962, с. 209–216; Новгородская первая летопись, 1950, с. 18–19, 202] и Шарукана в 1068 г. [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 167–168; Ипатьевская летопись, 1962, с. 156–160; Новгородская первая летопись, 1950, с. 17, 186–191]. Удачными были кампании Боняка, Гзака и Кончака. Но даже после того, как кипчаки преодолевали фортификационные линии, их встречали главные силы русов. Кипчаки были побеждены в 1096 г. под Переяславом и в 1107 г. на Суле [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 231–232, 281–282; Ипатьевская летопись, 1962, с. 221–224, 258–259; Пріцак, 2008, с. 37, 41–42]. Только в XI в. кипчаки смогли поедить русов на территории Руси (кампании 1068, 1093, 1096 гг.). Главными героями этих побед были Боняк, Тугоркан и Шарукан [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 218–225, 229, 231–233; Ипатьевская летопись, 1962, с. 156–160, 209–219, 221–224; Новгородская первая летопись, 1950, с. 17, 186–187]. Боняку удалось пробиться к Киеву и он чуть не взял Киев [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 231–232; Ипатьевская летопись, 1962, с. 221–224; Плетнева, 1990, с. 51; Gökbel, 2002, p. 649]. Период 1096–1097 гг. был апогеем могущества Боняка.

Но русы су мели переломить ситуацию. Владимир Мономах решил нейтрализовать союзников Боняка. Это было с успехом осуществлено до 1116 г. В 1096 г. в битве около Переяслава был убит Тугоркан [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 231–232; Ипатьевская летопись, 1962, с. 221–222; Пріцак, 2008, с. 37]. В 1103 г. были побеждены «лукоморские кипчаки» на реке Сутень (Молочная) [Ипатьевская летопись, 1962, с. 252–256; Плетнева, 1990, с. 56]. В 1111 и 1116 гг. русы атаковали донецких кипчаков [Пріцак 2008, с. 218–220]. В 1116 г. войско Владимира Мономаха двинулись против дунайских кипчаков (вождество Боняка) [Ипатьевская летопись, 1962, с. 283–284]. После этого активность кипчаков возобновилась только через несколько десятилетий. В 1174 и 1183 гг. Кончак вместе с Кобяком

(ханом лукоморских кипчаков) атаковал земли Переяславского Княжества и был разбит русами [Ипатьевская 1962, с. 568–570, 632]. Совместная кампания бурдж-оглы и ит-оглы в 1193 г. также была неудачной [Ипатьевская летопись, 1962, с. 675–679].

Вершиной дипломатической и политической деятельности Кончака был 1185 г. Поскольку ожидался большой поход русов в степь, Кончак сплотил вокруг себя коалицию кипчакских правителей. Поход Игоря Святославича пришелся как нельзя кстати. Кончак дал возможность северским Ольговичам одержать локальную победу, а потом окружили их войско в районе Каялы. Русов обстреляла легкая конница, а потом смяла тяжелая конница кипчаков. У русов не было шансов на победу и, несмотря на героическое сопротивление, большинство из них было перебито. Попытка прорыва окружения завершилась пленением Игоря Святославича и его сына Владимира [Лаврентьевская летопись, 1962, с. 397–398; Ипатьевская летопись, 1962, с. 639–644; Плетнева, 1990, с. 160–164].

Сложно было кипчакам сражаться в горной местности. Если бой вели только они сами без поддержки союзников, то они были обречены на поражение, поскольку там не было возможности использывать все козыри конницы. Поэтому они действовали в горах только в союзе с кем-то. Победа над грузинами в 1223 г. стала возможно лишь благодаря помощи гянджийского эмира. В XII в., воюя в грузинских войсках, в битвах под Дидгори и Шамхором кипчаки играли роль вспомагательных отрядов. Их задачей было ликвидировать преимущество врага в конных лучниках [Киракос Гандзакеци, 1976, Глава 12; Анчабадзе, 1960, с. 113–126; Анчабадзе, 1980, с. 342–344; Жития царя царей Давида, 1998].

Важной в степной войне была маневреность, и потому кочевники в начале боя использовали традиционный для кочевников принцип ведения боя, который Сигизмунд Герберштейн называли tanz [Горелик, 2002, с. 30]. Он подходил для атаки противника, который остановился для того, чтобы разбить лагерь. Также эфективным был этот прием и в столкновении с кочевниками, только перемещение конных лучников было динамичнее [Кушкумбаев, 2009, с. 72]. Кочевые противники стремились окружить друг друга, не оставляя ему пространства для маневра [Кушкумбаев, 2009, с. 81–82]. Основной задачей битвы было окружение и уничтожение основных сил врага. Во время наступления кочевники рассредоточивали свои войска на

несколько больших групп. Противодействовать этому можно было совершая нападение в форме характерной для облавной охоты. Наступающие охватывали врага в полумесяц или круг окружения [Кушкумбаев, 2009, с. 81–84].

Дешт-и-Кипчак был идеальным театром для ведения таких войн. Широкая и открытая местность давала простор для маневров. Главным требованием для таких действий были большие массы конных лучников, которые были и у кипчаков, и у монголов. Войско рассредотачивалось на сотни километров. При стокновении с монголами кипчаки были вынуждены отступать большыми массами, чтобы не попасть в окружение. Иногда концентрация большого количества людей на ограниченой территории приводила к трагедиям. Так монголы окружили кипчаков в Крыму. Только после того, как силы кипчаков значительно поредели от голода, монголы атаковали их [Кушкумбаев, 2009, с. 91]. Если же кипчаки не замыкались на ограниченной территории, то окружить их было очень тяжело [Кушкумбаев, 2009, с. 92–94].

Обычно бой между кочевниками начинался перестрелкой, и лишь потом они переходили к ближнему бою и рубке. Калкская битва, является примером того, как должна была выглядеть подобная битва. Легкие конники обстреливали друг друга. Потом в бой устремлялись отряды тяжелой конницы русов, которую поддержали кипчаки. Отряды Мстислава Удатного, Данила Галицкого, Олега Курского преследовали монголов, которые, в свою очередь, использывали один из любимых приемов кочевников – притворное отступление. Выманив противника на себя легкие монгольские лучники исполнили установку на битву. Они дожидались вступления в бой монгольской тяжелой конницы. До того момента как она подошла, легкая конница монголов понесла серьезные потери в столкновении с дружинниками русов и кипчаками [Новгородская первая летопись, 1950, с. 63, 266–267; Лаврентьевская летопись, 1962, с. 503–509; Ипатьевская летопись, 1962, с. 743–745; Горелик, 2002, с. 30].

Когда в бой вступила монгольская тяжелая конница, наступили решающие моменты битвы. Монголы ударили по флангам славяно-кипчакского войска, а основной удар был сконцентрирован на одном направлении. Монголы прорвали строй союзного войска и смешали его ряды. Под давлением монголов русы и кипчаки начали отступать. Вскоре отступление превратилось в бегство, и монгольская легкая

конница эфективно преследовала отступающих [Горелик, 2002, с. 28–31]. Трагической ошибкой были раздоры среди Рюриковичей. При отсутствии единого командования решение Мстислава Удатного атаковать монголов силами только своего передового отряда оказалось фатальным. Монголы разгромили коалиционное войско по частям. Окруженное в лагере киевское войско было отрезано от истоков воды и, вероятно, обстреливалось монгольскими лучниками. Окруженные в степи, русы были обречены на поражение [Новгородская первая летопись, 1950, с. 63, 266–267; Лаврентьевская летопись, 1962, с. 503–509; Ипатьевская летопись, 1962, с. 743–745].

Еще одним козырем монголов было привлечение в состав своего войска кочевнических отрядов. По сведениям «Юань-ши» в монгольском войске после 1219 г. были восточные кипчаки и канглы, которые играли роль авангарда и вспомагательных войск [Кадырбаев, 1990, с. 98–102]. После возвращения из похода в Восточную Европу Субедей включил в свое войско кереитов, найманов, меркитов и кипчаков [Храпачевский, 2004, с. 500–501]. Первостепенное значение для степной войны имела оперативность действий. Вспомогательные отряды позволяли монголам сковать противника и выиграть время для окружения.

Когда монголы только начинали свои завоевания, кипчаки надеялись их победить в больших битвах. В «Юань-ши» упомянуто три таких битвы, которые произошли: в горной долине Юй-Юй, на реке Буцзу и на реке Алицзы (Калка) [Сокровенное сказание, 2002, с. 94–96; Кычанов 1965, 59–65; Храпачевский, 2004, с. 498–500; Pelliot, Hambis, 1951, p. 96–98, 102–103]. Перед большими битвами происходили локальные стычки [Цулая, 1981]. Решающим фактором в этих генеральных битвах был полководческий талант Субедея-багатура. Монголы тогда вели маневренную войну, а их силы, скорее всего, уступали в численности силам их противников.

Ситуация изменилась во время «Великого Западного похода», когда монголы, чтобы завоевать многие страны вели с собой ремесленников, а также войска из стран с оседлым населением. Их войска тепер уступали в маневрености, но превосходили кипчаков в численности [Тизенгаузен, 1941, с. 24]. Но шансов на победу у кипчаков не было поскольку монголов вели за собой опытные военачальники, а среди кипчаков не было единства. Матфей Парижский также указывал на влияние психологического фактора [Матузова, 1979]. Мно-

гие кипчаки, разувершись в возможности оказать сопротивление, мигрировали за границы Дешт-и-Кипчак.

Те кипчаки, которые не хотели мигрировать и не желали переходить на сторону монголов, выбирали единственно возможную стратегию – партизанскую войну. В этом приуспел хан Бачман, который несколько лет беспокоил монголов своими набегами. Для того, чтобы обезопасить свои тылы, монголы сняли часть сил с других направлений и устроили облаву. Но даже в таких условиях кипчаки были почти неуловимы. Роковую роль для Бачмана сыграло то, что среди кипчаков нашлись предатели, которые поведали монголам о расположении его лагеря. Подавленные превосходящими силами противника, кипчаки были побеждены. Но даже перед лицом гибели Бачман не встал на колени и не просил пощады [Тизенгаузен, 1941, с. 24, 35–36; Бичурин, 2005, с. 200–201; Храпачевский, 2004, с. 375]. Сотрудничество части кипчакских аристократов с монголами сыграло решительную роль в успехе монгольского завоевания Дешт-и-Кипчак [Аннинский, 1940, с. 84–85; Тизенгаузен, 1884, с. 540–541].

Отдельный вопрос – это численность кипчакского войска. Летописцы сообщали о большом размере войск кипчаков. При этом нужно учитывать, что кипчаки повершали свои набеги вместе с семьями. Если брать во внимание количество професиональных воинов, то преимущество кипчаков было не таким явным. Хорошо подготовленное черниговское войско победило кипчаков [Ипатьевская летопись, 1962, с. 160–161; Лаврентьевская летопись, 1962, с. 169–172]. Если обратить внимание на эпизод с Иваном Ростиславичем «Берладником» и ханом Башкордом, то можно допустить, что летописец несколько преувеличил силы кипчаков. Башкорду приписывается управление 6 тыс. войском. Иван Ростиславич был его союзником, но отказался выдавать ему крестьян, которых кипчакский правитель хотел взять в плен. Нужно сказать, что и берладников было не особо много в степях. Если бы кипчаков было 6 тыс., то что им мешало подавить врагов численным превосходством, перебить берладников и взять в плен бежавших от них крестьян? Имея такие силы, они вполне могли взять и сам город Ушица [Ипатьевская летопись, 1962, с. 497–498]. Таким же преувеличением являеться информация о 20 тыс. воинов Башкорда [Ипатьевская летопись, 1962, с. 500–502]. Единственное, что мог знать летописец наверняка, так это то, что Башкорд был могущественным ханом и у него было много воинов.

Личная храбрость кочевника обозначала статус человека в обществе. У них был культ силы. Боняк и Тугоркан, видя нерешительность ромеев во время битвы под Левунионом, говорили, что им все равно чье мясо есть – ягненка или волка. Баранами кипчаки называли ромеев, а печенегов – волками. Сравнение с волком у тюрков было комплиментом [Комнина 1965, Книга 8, Параграф 5]. Участие в охоте или походе содействовало инициации молодого кочевника. Он получал мужское имя и имел право прибавлять к нему титулы. От храбрости зависело продолжение рода. Чтобы не платить калым за женщину из своего племени, кочевник мог совершить набег на соседей и захватить женщин у них. Чтобы отбить набег соседей, который обычно следовал за этим, он также должен был проявить качества воина [Кляшторный, 2003, с. 473, 475, 481].

Относительно столкновений кипчаков с огузами и печенегами источники дают скупую информацию. Анна Комнина упоминала, что печенеги стали против ромеев и кипчаков лагерем. Крытые повозки из возов служили защитой печенегам от вражеской конницы [Комнина, 1965, Книга 8, Параграф 5]. Кипчаки могли обстреливать лагерь печенегов из луков, но победу можно было добыть только разомкнув ряды возов. Кипчаки в союзе с ромеями осуществили это и перебили многих печенегов. Как и кипчаки, печенеги шли в поход с семьей. Защита из возов применялась, когда враг превосходил числом, и об его продвижении было известно заранее [Комнина, 1965, Книга 8, Параграфы 4–6].

Когда же нападение было неожиданным, то было невозможно организовать подобную оборону. В таком случае те, кто оборонялся, переходили в рукопашную, и все зависело от мастерства всадников. Очевидно, подобные столкновения были частым явлением в степи. Похоже, именно по такой схеме произошло столкновение между кипчакскими племенами токсоба и дурут [Тизенгаузен, 1884, с. 540–541]. Столкновение печенегов с кипчаками около Узолимны, похоже, имело характер набега. В этой битве кипчаки наголову разгромили печенегов. После этого печенеги опасались сражаться с кипчаками в открытом противостоянии [Комнина, 1965, Книга 7, Параграф 5]. Печенеги были в том же положении, что и кипчаки в противостоянии с монголами в 1205–1222 гг., то есть кипчаки могли и уступать в численности печенегам, но одолели их в открытом бою благодаря мастерству своих полководцев. В конце XI в. кипчаков

возглавляли легендарные полководцы Боняк и Тугоркан [Комнина, 1965, Книга 8, Параграфы 4–6].

Описаний столкновений кипчаков с огузами фактически не осталось. Для того, чтобы реконструировать картину этого противостояния необходимо в общих чертах осветить ту ситуацию, которая сложилась в степях в середине XI в. Интересным являеться тот факт, что в 40-х гг. XI в. кипчакский бек женился на сельджукской хатун и стал эмиром ее отца [Голден, 2008, с. 328]. Это было бы невозможно если бы противостояние между кипчаками и огузами было ожесточенным. По мнению Б. Кумекова, во второй половине XI в. кипчаки закрепились на Мангызтау и Устюрте и покорили огузские племена кечатов и чаграков [Кумеков, 2006, с. 472–473]. Войско кипчаков увеличивалось за счет огузов. Когда кипчаки в 1055 г. вышли на границы Руси, они уже должны были численно превосходить восточноевропейских огузов (торков) за счет включения в свой состав северокавказских и центральноазиатских огузов [Новгородская первая летопись, 1950, с. 182; Ипатьевская летопись, 1962, с. 151; Лаврентьевская летопись, 1962, с. 162–163]. В 1071 р. кипчаки вышли к Ростовцу и Неятину, то есть завоевали Днепровское Правобережье [Kurat, 1972, s. 77–78; Лаврентьевская летопись, 1962, с. 174; Новгородская первая летопись, 1950, с. 191; Ипатьевская летопись, 1962, с. 164]. Огузы могли защищаться в лагерях из повозок или отступать на запад и север. Кипчаки же могли позволить себе облаву на огузов, а потом и печенегов. Уже в 1064/1065 гг. огузы атаковали византийскую Фракию [Spinei, 2009, p. 115–116; Гръцки извори, 1965, с. 175–179, 331–333; Гръцки извори, 1980, с. 120–121].

Любимыми приемами ведения боя у кипчаков были притворное отступление, засада, обход с флангов и окружение противника. Кипчаки не были мастерами осады и войн в горной местности и потому участвовали в боях подобного типа только при наличие союзников из оседлых обществ. В этих случаях они выступали как вспомагательные части легкой конницы. для начального периода войн огузов с кипчаками характерно ведение маневренной войны. То же самое было характерно и для монголов в эпоху экспансии. С продвижением на запад количество войск атакующей стороны наростало за счет уже покоренных кочевников. Монголы и огузы имело приблизительно те же характеристики, что и кипчакское войско. Победа в степной войне зависела от таланта полководца и храбрости его вои-

нов. Для эпохи «Великого Западного похода» было характерно снижение маневренности монгольских войск и облавы на отряды кипчаков, которые вели партизанскую войну. При столкновении кочевых армий главными условиями победы были полководческий талант военачальников, маневренность, храбрость и большое количество воинов. Количество кипчакских воинов в славянских летописях значительно преувеличивалось. Как правило, указывалось общее количество кипчаков, а не их воинов. Война кочевников против кочевников сводились к четырем схемам действий: 1) облаве, которую использовали значительные массы конницы против менее численного врага; 2) атака укрепленного лагеря из повозок, которую можно было осуществить только обладая численным превосходством; 3) контратака против войск противника, которые отягощены добычей; 4) неожиданный набег.

Список источников и литературы:

Комнина 1965 – Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступит. статья, комм. Любарского Я.Н. М.: Наука, 1965. 688 с. http://www.alanica.ru/library/Komn/text.htm.

Аннинский, 1940 – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.: Институт истории АН СССР, 1940. Т.III. С.71–112.

Анчабадзе, 1960 – Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков // Материалы сессии по проблеме происходжения балкарского и карачаевского народов. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. С.113–126.

Анчабадзе, 1980 – Анчабадзе Г.З. Кыпчаки в Грузии // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980. С.342–344.

Бибиков, 1981 – Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: 1980. М.: Наука, 1981. С.5–151.

Бичурин, 2005 – Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырёх ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ. Транзиткнига, 2005. С.7–234.

Венгерский хроникальный свод XIV века, 2010 – Венгерский хроникальный свод XIV века // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV / Составление, перевод и комментарий А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С.353–372.

Виллардуэн, 1993 – Виллардуэн Жоффруа де. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. Заборова М.А. М.: Наука, 1993. 296 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext4.htm, http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext5.htm.

Голден, 2008 – Голден П. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в Эпоху Средневековья. Т.6: Золотоордынское время. Донецк: Донецкий нацональный университет, 2008. С. 309–340.

Горелик, 2002 – Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Гръцки извори, 1965 – Гръцки извори за българската история. Т.VI / Съставили и редактирали Тъпкова В., Войнов М., Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Дуйчев И., Иванов Й., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. София: БАН, 1965. 371 с.

Гръцки извори, 1968 – Гръцки извори за българската история. Т.VII / Съставил и редатирали. Под ред. Цанкова-Петкова Г., Тъпкова-Заимова В., Тивчев П., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. София: БАН, 1968. 300 с.

Гръцки извори, 1972 – Гръцки извори за българската история. Т. VIII / Съставил и редактирали Войнов М., Тъпкова-Заимова В., Йончев Л. София: БАН, 1972. 322 с.

Гръцки извори, 1980 – Гръцки извори за българската история. Т. X / Съставили и редактирали Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Батаклиев Г., Войнов М. София: БАН, 1980. 421 с.

Жития царя царей Давида, 1998 – Жития царя-царей Давида // Символ. №40. (1998) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/1080-1100/David/frametext1.htm.

Ипатьевская летопись, 1962 – Ипатьевская летопись/ Воспроизведение текста издания 1908 г. // Полное собрание русских летописей. М.: Восточная литература, 1962. Т.2. XVI, 938, 87, IV с.

Кадырбаев, 1990 – Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. 160 с.

Киракос Гандзакеци, 1976 – Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Л. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gandzakeci/frametext3.htm

Клари, 1986 – Клари Робер де. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. Заборова М.А. М.: Наука, 1986. 170 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Klari/frameKlari3.htm http://www.vostlit.info/Texts/rus/Klari/frameKlari4.htm

Кляшторный, 2003 – Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники Князький, 1988 – Князький И.О. Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII – первых десятилетиях

XIII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 22–32.

Кумеков, 2002 – Кумеков Б.Е. Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав // История татар. – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 472–481.

Кушкумбаев, 2009 – Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: Келешек–2030, 2009. 170 с.

Кычанов, 1965 – Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе: АН КиргССР, 1965. Т. V. Вып.1 С. 59–65. // http://www.kyrgyz.ru/?page=76.

Лаврентьевская летопись, 1962 – Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку/ Воспроизведение текста изд. 1926–1928 гг. // Полное собрание русских летописей. М.: Восточная литература, 1962. Т.1. VIII, 579 с.

Матузова, 1979 – Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, пер., коммент. / Матузова В.И.; Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1979. 268 с. // http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frametext1.htm , http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Bacon_Roger/frametext1.htm , http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ann_Mon_Waverleia/text1.phtml?id=1576.

Новгородская первая летопись, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Плетнева, 1990 – Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Пожоньские анналы, 2010 – Пожоньские анналы. Перевод А.С. Досаева. Электронная версія 2010 года.

Пріцак, 2008 – Пріцак О. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім». К.: Обереги, 2008. 360 с.

Сокровенное сказание, 2002 – Сокровенное сказание монголов /Перевод С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: Издано на иждевении С.Г. Строганова, 1884. Т.I: Извлечения из сочинений арабских. XVI, 563, [1] с.

Тизенгаузен, 1841 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. Т.II: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработ. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. 305 с.

Никита Хониат, 1862 – Хониат Никита. История со времения царствования Иоанна Комнина / Перевод в редакции Н.В. Чельцова. СПб.: Санкт-

Петербурская Духовная Академия, 1862. 540 с. Т.2. (1186–1206). http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Xoniat/index.html

Храпачевский, 2004 – Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: ООО Издетельство АСТ: ОАО ВЗОИ, 2004. 557, [3] с.

Худяков, 1997 – Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1997. 160 с.

Худяков, 2011 – Худяков Ю.С. Комплекс вооружения восточных кыпчаков в эпоху развитого Средневековья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 41–46.

Шушарин, 1997 – Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Цулая, 1981 – Цулая Г.В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции. // Летописи и хроники: Сборник статей: 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. // http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Chronograf_14v/frametext1.htm

Chronicon pictum, 1883 – Chronicon pictum Vindobonense / ad fidem codicum recensuit, observationes, disquisitionem de aetate Belae regis notarii, et animadversiones criticas adiecit M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars prima. Scriptores ; 2. Lipsiae : [s. n.], 1883. P. 100–245.

Scriptores Rerum Hungaricarum, 1766 – Scriptores Rerum Hungaricarum Veteres ac Genuni. Cura et Studio Joannis Georgii Schwandtneri. Pars Prima-Vindobonae: Typis Joannis Thomae nob. de Trattnern, Caes. Reg. Aulae Typographi et Bibliopolae, MDCCLXVI (1766).

Diaconu, 1978 – Diaconu P. Les coumans au Bas-Danube aux XI' et XII' siecles. Bucureşti: Edition de l'Academie de Republique Socialiste de Roumanie, 1978. 158 p.

Gökbel, 2002 – Gökbel A. Kipchaks and Kumans // The Turks. Ankara, 2002. Vol. 1. P. 643–659.

History of Transylvania, 2001–2002 – History of Transylvania / B. Köpeczi, Makkai L., Mócsi A., Szasz Z. From the beginning to 1606. Editor of the English Translation Bennett Kovrig. Toronto-New Jersey: Hungarian Research Institute of Canada – Atlantic Research and Publications, 2001–2002. Vol.1. http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/1.html

Kurat, 1972 – Kurat A.N. IV–XVIII Yüzyıllarda Karadenizin Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara: Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. 511 s.

Pelliot, Hambis, 1951 – Paul Pelliot, Louis Hambis. Historie des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wou ts'un-tcheng lou /Traduit et annote par Paul Pelliot et Louis Hambis. Leiden: E.J. Brill, 1951. XXVII, (1), 485 p.

Spinei, 2003 – Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Istros Publishing House, 2003. 546 p.

Spinei, 2008 – Spinei V. The Cumanic Bishopric: genesis and evolution: Genesis and Evolution // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Leiden- Boston: E.J. Brill, 2008. P. 413–456.

Spinei, 2009 – Spinei V. The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden-Boston: Brill, 2009. 565 p.

Stoyanow, 2002 – Stoyanow V. Kumans in Bulgarian history // The Turks. Ankara: Yeni Türkiye Yayynlary, 2002. Vol. I. P. 680–692.

Vasary, 2005 – Vasary I. Cumans and Tatars.Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XVI, 230 p.

Ya.V. Pylypchuk

MILITARY ART OF QIPCHAQS

This article focuses on strategies and taktics of Qipchaqs in the confrontation with sedentary and nomadic societies. Qipchaqs favorite methods of warfare were feigned retreat, ambush, round the flanks and entrapment. Qipchaqs were not masters of siege and warfare in mountainous terrain, and therefore participated in the battles of this type only in the presence of allies from sedentary societies. In these cases, they acted as a helper of the light cavalry. For initial period of war Oghuz with the Qipchaks mobile warfare is common. The same was also common for Mongols in the era of expansion. With advance to the west attacking side troops became larger from those nomads who subjected. Victory in the steppe war depended on the steppe commander talent and courage of his soldiers. The era of "Great Western campaign" was characterized by reduced mobility of mongol troops and rounding Qipchak troops up, who fought a guerrilla war. When two nomadic armies clashed the main conditions of victory were generals' leadership talent, agility, courage, and a large number of soldiers. Number of Qipchak warriors in Slavic chronicles is strongly exaggerated. Usually, number of Qipchaks and not soldiers was mentioned. The war of nomads against the nomads had four patterns of action: 1) the raid, which was used by large masses of cavalry against the enemy who had less soldiers; 2) attack the fortified camp made of the carts, which can be implemented only having numeri-

cal superiority, and 3) a counterattack against the enemy, who are burdened with a catch; 4) sudden raid.

***Keywords*:** Qipchaqs, military art, retreat, ambush, round the flanks, siege, sudden raid, guerilla war, counterattack, troops, allies.

Сведения об авторе

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (г. Киев, Украина); e-mail: bachman@meta.ua

Pylypchuk Yaroslav Valentinovich – candidate of historical sciences, Junior Researcher, Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, the National Academy of Sicences of Ukraine (Kiev, Ukraine); e-mail: bachman@meta.ua

УДК 355/359(=512.1)

Л.А. Бобров

«ТУРЫ» И «МАНТЕЛЕТЫ» В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.*

Распространение огнестрельного оружия в Центральной Азии привело к изменению традиционной тактики ведения боя кочевников. Главной новинкой стала практика спешивания части воинов вооруженных ружьями в ходе сражения. Для защиты пеших стрелков от пуль и стрел противника применялись окопы, земляные насыпи, положенные на землю лошади и верблюды. Однако все эти приемы были эффективны при ведении оборонительного сражения, в то время, как в наступлении пешие кочевники часто несли большие потери. Особенно остро данный вопрос встал в первой половине XIX в., когда казахи столкнулись с российскими войсками, использующими дальнобойные нарезные ружья. Ответ степных военачальников оказался простым, но при этом, весьма эффективным. Для защиты своих наступающих стрелков они стали применять двухколесные повозки (арбы) груженые связками травы. Пули российских казаков вязли в этих связках, не достигая кочевников, которые шли за «мантелетом» построившись в колонну. Приближение «боевых повозок» вынуждало российских казаков покидать свое укрепление, проводить контратаку с целью захвата мантелетов, либо начинать отступление с позиций. Не смотря на то, что арбы разрушались огнем артиллерии, в столкновениях с противником вооруженным только легким стрелковым оружием они оставались востребованными вплоть до середины XIX в.

***Ключевые слова*:** Казахстан, казахи, огнестрельное оружие, тактика, повозки (арбы), туры, мантелеты.

«Пороховая революция», прокатившаяся по Евразии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени не миновала и Великую степь[1]. Представители кочевых этносов с большим или

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-4281.2012.6.

[1] О «Пороховой (огнестрельной) революции» в военном деле народов Европы и Османской империи см. [Пенской, 2010].

меньшим успехом осваивали инновационные виды вооружения и тактические схемы оседло-земледельческих народов основанные на массовом применении огнестрельного оружия. В большинстве случаев эти заимствования производились не механически, а с учетом местных географических, природно-климатических, экономических, политических и, собственно, военных условий. В результате синтеза иностранных оружейных технологий и местных военных традиций формировались оригинальные тактические приемы, оптимально соответствующие ведению боя на степном театре боевых действий. Наибольших успехов на данном направлении добились восточные ойраты (джунгары), создавшие сильное централизованное государство, занимавшее территорию нынешней Западной Монголии, Горного Алтая, Синцзяно-Уйгурского автономного района КНР и Юго-Восточного Казахстана. Правители этой «Последней Кочевой империи» не только массово закупали ручное огнестрельное оружие в Средней Азии, но и организовали собственное производство фитильных ружей, пушек и боеприпасов. Триумфальные военные успехи джунгар в последней трети XVII – первой половине XVIII вв., показали, что кочевники могут вполне успешно использовать инновационные элементы военного искусства оседло-земледельческих народов. Массовое применение ручного огнестрельного оружия (а со второй половины 20-х гг. XVIII в. и легких пушек), комбинация действий панцирной копейной конницы с отрядами пеших ружейных стрелков и копейщиков превратили джунгарскую армию в мощнейшую военную силу в Центральной Азии [Бобров, 2001, с. 11–19; Бобров, Борисенко, Худяков, 2010; Бобров, Пастухов, 2007, с. 170–247; Бобров, Худяков, 2008; Бобров, Худяков, 2010, с. 204–217].

Однако, джунгары не были единственным народом Великой степи, адаптировавшим традиционное военное искусство кочевников к меняющимся военно-политическим реалиям Нового времени. Другим ярким примером данного процесса стала эволюция вооружения и тактики тюркских кочевников Казахстана последней трети XVI – середины XIX вв.

Перевооружению казахских войск огнестрельным оружием и внедрению новых тактических схем посвящена специальная работа [Бобров, 2012]. Здесь же отметим, что казахские номады первыми среди кочевых народов Центральной и Средней Азии стали массово применять ручное огнестрельное оружие, основная часть которого

приобреталась в городах Мавераннахра. Распространение фитильных и, в меньшей степени, кремневых ружей в казахских войсках привело к значительным изменениям традиционной воинской тактики кочевников Дашт-и Кипчак. В частности, резко возросло значение боя в пеших порядках. Интересно, что казахи достаточно быстро приобрели у своих степных соседей имидж мастеров пешего боя. Так, например, калмыцкий тайша Доржи Назаров в 1724 г. писал: «…киргиз-касаки, на лошадях биться плохи, а пеши – крепки» [Там же, с. 109]. В тоже время, распространение пехотной тактики не привело к появлению у казахов пехоты, как отдельного и самостоятельного рода войск. Как и прежде, вся армия номадов состояла исключительно из всадников. Однако часть из них спешивалась непосредственно перед началом боя и вела его в пехотном строю. Сочетание мобильности и умения вести бой в пехотных порядках делали казахские войска опасным противником для их соседей в Средней Азии.

Казахские военачальники активно экспериментировали с различными типами боевых построений, применяя к местным военным реалиям и степному театру боевых действий тактические новинки оседлых народов. Некоторые из них, в силу различных причин, не прошли проверку временем и боевой практикой («вагенбург», развернутые линейные построения). Другие получили ограниченное распространение (окопная тактика, применение отрядов спешенных копейщиков и др.).

К началу XVIII в. сложились основные тактические схемы ведения пешего боя, оптимально соответствующие оружейному комплексу и военной организации казахов. К их числу можно отнести ведение оборонительного боя мобильными отрядами пеших ружейных стрелков, использующими в качестве защиты естественные складки местности, а так же применение «живых крепостей» из положенных на землю коней и верблюдов. В ходе боя казахские мушкетеры предпочитали разряженный строй. При необходимости применялась шереножная стрельба залпами и «караколе». Главным партнером ружейных стрелков-туфакандазов выступали конные отряды лучников и копейщиков. Данные тактические схемы, в целом, соответствовали общему уровню развития военного искусства народов Центральной и Средней Азии последней трети XVI – XVIII вв. и позволяли казахам одерживать победы над своими кочевыми и оседлыми соседями. Применение казахами огнестрельного оружия и новой военной такти-

ки стимулировало развитие военного искусства других народов Великой степи: джунгар, волжских калмыков, киргизов, башкир, каракалпаков. Некоторые элементы казахского оружейного комплекса и тактики были заимствованы яицкими (уральскими) казаками (стрельба с применением сошек, «живые крепости» и т.д.).

Если при ведении оборонительного сражения, казахи XVIII–XIX вв. спешивались относительно охотно, то атака в пешем строю применялась значительно реже. Сходить с коней степняков вынуждала все возрастающая мощь огнестрельного оружия. В отличие от своих европейских и китайских современников, спешенные казахские стрелки XVIII – первой половины XIX вв. предпочитали наступать не в плотных шереножных, а в разряженных построениях, напоминавших цепи европейской пехоты конца XIX – XX вв. Движение осуществлялось перебежками, от укрытия к укрытию. Упав на землю казахский воин перезаряжал ружье и совершал выстрел из положения лежа, или с колена. Ставка обычно делалась не на скорострельность, а на точность попадания. Таким образом, тактика казахских стрелков в наступлении, по европейской классификации XIX в., напоминала скорее приемы снайперов-егерей, чем традиционный развернутый строй линейной пехоты. В ходе атаки степняки пытались охватить построения противника и нанести максимальный урон его живой силе с помощью ружейной стрельбы, не доводя сражение до рукопашной схватки. Такой прием ведения боя был максимально эффективен в столкновении с противником, придерживающимся сугубо оборонительной тактики. Неожиданная контратака конницы или пехоты противника представляла значительную угрозу для пеших казахских стрелков. Поэтому в сражении, наступающих туфакандазов прикрывали спешенные копейщики и большие массы конницы.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. роль огнестрельного оружия в сражениях на среднеазиатском театре боевых действий постепенно возрастала. Однако настоящим потрясением для военачальников региона стало знакомство с боевой практикой европейского образца, которая была привнесена в Дашт-и Кипчак и Мавераннахр армией Российской империи. Выдержать «огневой вал» регулярной пехоты и слаженную интенсивную стрельбу спешенных казаков среднеазиатской коннице было крайне сложно. Это придало дополнительной импульс развитию пехотной тактики в

казахской армии, а в кокандских и бухарских войсках стимулировало бурное развитие отрядов сарбазов.

Серьезным вызовом для среднеазиатских противников России стало распространение в имперских войсках нарезного оружия. Если эффективная стрельба из гладкоствольных ружей на протяжении большей части XVIII в. была сопоставима с дальностью стрельбы из сложносоставных луков (около 100 м.), то уже гладкоствольное кремневое ружье образца 1839 г. имело прицельную дальность 300 м., а 6-линейной винтовки образца 1856 г. – 840 м. [Леонов, Ульянов, 1995, с. 34, 139; Шестрем, 2009, с.122; Энглунд, 2009, с. 148; Михайлов, 2003]. Сочетание высокой боевой выучки, богатого военного опыта и передового вооружения превращало российские отряды в опасного противника даже для больших среднеазиатских армий. В случае нападения превосходящих сил кочевников российские солдаты и казаки быстро возводили стационарные полевые укрепления[2] и срывали вражеские атаки меткой стрельбой из огнестрельного оружия. Традиционных способов для быстрого захвата таких «огневых точек» было недостаточно, поэтому степные военачальники начали поиски новых тактических приемов позволяющих преодолеть простреливаемое пространство с минимальными потерями. Боевая практика показала, что наиболее эффективным способом борьбы с окопавшимися стрелками стали передвижные полевые укрепления, которые сами русские офицеры именовали на европейских манер «турами» и «мантелетами». Данный военный феномен уже был кратко рассмотрен нами [Бобров, 2012, с.121]. В настоящей статье мы подробно проанализируем конструкцию передвижных казахских полевых укреплений и особенности их боевого применения на примере военных компаний первой половины – середины XIX в.

Вероятно, первым сражением XIX в., в котором казахские войска применили «туры», было боевое столкновение в урочище Ходжаберген, в пустыне Музбиль (Западный Казахстан). В сентябре 1803 г. большой российский торговый караван (55 верблюдов), с которым двигалось российское посольство в Бухару, был блокирован и атакован казахскими воинами племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с ханом Абулгазы Каиповым, биями Жаназаром,

[2] Обычно оборудовался бруствер из поклажи, земляных насыпей, стреноженных лошадей, трупов лошадей и верблюдов.

Жанузаком и др. Их отряды[3] окружили караван и пресекли попытки лояльных России казахов-«чумекейцев» (до 300 чел.) деблокировать российское посольство. Казаки из сопровождения российского посла Я.П. Гавердовского (50 чел.) укрылись в импровизированном укреплении, составленном из тюков с товарами снятых с верблюдов. Метким ружейным огнем и умелыми контратаками они отбили несколько казахских атак. Тогда кочевники и начали «вязать туры», укрывшись за которыми, они стали приближаться к позициям казаков: «Беспрерывное стечение киргизцев увеличилось, наконец, до того, что могли они в саженях в 100 от редута сделать неразрывный круг и облечь нас отовсюду. *Некоторые рубили по песках растущий кустарник и сваживая оный в кучи, делали в рост человеческий связки, засыпая их песком наподобие тур, по-киргизски называемые аратура*» (здесь и далее курсив наш – Л.Б.) [История Казахстана, 2007, с. 245].

Судя по записям Гавердовского, этот тактический прием (наряду с жаждой) стал одной из ключевых причин, побудивших его начать переговоры со степными военачальниками: «Утомленные люди, будучи от безводной степи и не пившие двое суток в жар, увеличивающийся до 24 градусов, требовали решительно или выдать им нападающим беспрерывно киргизцам, или напоить их. Не имея сил воспротивиться сему требованию, *а более потому, что киргизцы, навязав из прутнику круглые туры в рост человека, пешие подкатывали оные к нашей защите и стреляли из-под оных*, не щадя кровь свою, или желая нас обмануть, все еще предлагали договоры, а, напоследок, с согласия отставших купцов и всего общества, я решился принять оные» …[История Казахстана, 2007, Т.5, с. 519]. В другом своем произведении Гавердовский дал более подробное описание особенностей боевого применения казахских «туров»: «К вечеру, по беспрерывным стечениям злых партий, скопище неприятелей сделалось несравненно более; *они стали рубить по пескам растущий кустарник, потом связав кучу, делали в рост человеческий связки и засыпали оные песком, уподобляя военным турам*, с которыми вместе в сумерки в саженях в 80 от нашего укрепления встали все в круговой около нас караул. Целую ночь, с ужасным шумом, имели они

[3] Первоначальная численность нападающих (по оценке Я.П. Гавердовского) составляла около 800 всадников, а затем возросла до 1500 и более чел. [История Казахстана, 2007, с. 10, 243, 245].

перекличку один к другому сими словами: «Никого из городка, ни же в городок не пропущать!». …Хотя в силу мирных переговоров и положено было вчера не начинать воинского действия, но *киргизцы между тем пользуясь тишиною, подкатывали к нам ближе сделанные ими туры с намерением, дабы удобнее и безопаснее к нам делать из ружей залп.* Часть их, будучи пешими, облегла таким образом весь стан наш и готовилась уже к перестрелке, а другие, сидя на лошадях, готовы были к соделанию атаки… *подкатывали к нам сделанные туры и приготовлялись к сильнейшему удару* …» [История Казахстана, 2007, Т.5, с. 137–140, 142, 246].

Согласно данным Я.П. Гавердовского, передвижные казахские укрепления в Ходжабергенском сражении представляли собой большие (в рост человека) плетеные из кустарника корзины («связки») в которые засыпался песок. То, что поручик именует их «турами» далеко не случайно. В начале XIX в. в европейской военной науке под этим термином понималась «…плетеная из прутьев цилиндрическая корзина без дна, заполненная землей», которая, в зависимости от вида (саперная или батарейная) имела в высоту 1,3 м., диаметр до 1 м. и массу до 62 кг. [Краткий артиллерийский, 2006, с. 175]. В военной практике Европы они использовались «…для устройства укрытий для пуль и снарядов, а также для укрепления крутых земляных насыпей» [Там же]. Таким образом, по своей конструкции казахские туры отличались от европейских аналогов большими размерами и наполнением (песок вместо земли). Более существенными были отличия в системе боевого применения туров солдатами регулярных армий и кочевниками. И те, и другие использовали туры, как защиту от пуль. Однако номады воспринимали их не как стационарное оборонительное, а как подвижное полевое укрепление, применяемое для штурма вражеских позиций. Степные стрелки, укрывшись за турами, постепенно передвигали их все ближе и ближе к российским позициям и параллельно вели огонь по казакам (Рис. 1, *1*). К сожалению, из описания Гавердовского не очень понятен механизм передвижения казахских туров, т.к. колесная база, как на позднейших мантелетах (см. ниже) российским офицером не упомянута. Если туры не укладывались на повозки, то их могли, либо перетаскивать с места на место в вертикальном положении (Рис. 1, *3*), либо перекатывать положив на бок (Рис. 1, *4*). Первый вариант представляется более предпочтительным, так как

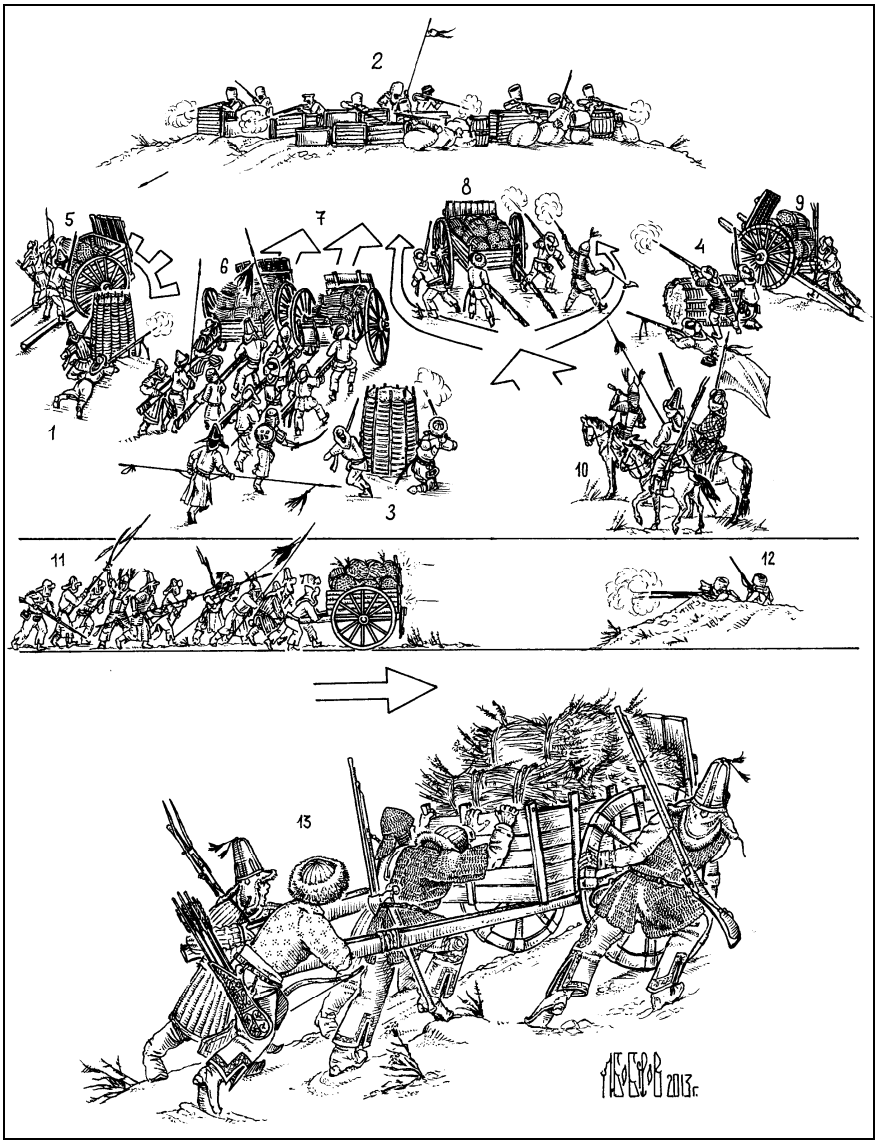

Рис. 1. Применение казахских «туров» (1, 3, 4)
и «мантелетов» (5-9, 11, 13) в бою. Схемы (1-12)
и художественная научно-историческая реконструкция (13).

1, 3, 4. Стрельба из-под прикрытия туров.

2. Стрельба казаков из-за «баррикад» составленных из товаров снятых с верблюдов.
5, 9. Стрельба из-за мантелетов.
6, 7. Движение пеших казахских воинов под прикрытием мантелетов.
8. Атака из-за мантелетов.
10. Конница, прикрывающая атаку пеших воинов.
11. Колонна пеших воинов наступающих под прикрытием мантелетов.
12. Стрельба казаков из-за земляной насыпи.
13. Казахские воины первой половины XIX в., катящие «мантелет» представляющую собой арбу усиленную деревянным щитом и заполненную связками травы и кустарника.

при перекатке из туры неизбежно высыпался бы песок, что снижало бы ее защитные функции. Интересно, что российский офицер пишет о том, что казахи: «пешие подкатывали оные [туры] к нашей защите и *стреляли из-под оных*». Это позволяет предположить, что укрывшиеся за турами степные стрелки вели огонь из положения лежа.

Нельзя не отметить и еще одно характерное назначение «туров» в военной практике казахов. Как отмечает Я.П. Гавердовский, ночью кочевники соорудили из них некое подобие охраняемых осадных укреплений, которое, вероятно, должно было помешать казакам совершить неожиданное ночное нападение на военный лагерь кочевников.

Применение казахами туров в Ходжабергенском сражении не привело к разгрому российского отряда, но стало одной из ключевых причин, вынудивших казаков идти на прорыв, бросив многочисленные товары (на общую сумму 260 тыс. руб), которые и являлись главной целью кочевников. Таким образом, применение туров против окопавшихся ружейных стрелков, оказалось достаточно эффективным тактическим приемом. Судя по данным Гавердовского, главной проблемой для степняков было перетаскивание туров с места на место, что требовало много времени и сил, а также длительность изготовления плетеных корзин. Данные сложности были с успехом разрешены казахскими военачальниками 30-х гг. XIX в.

Во второй половине 30-х – середине 40-х гг. XIX в. Казахская степь стала центром мощного повстанческого движения во главе с султаном (в последствии ханом) Кенесары Касымовым. Этому правителю удалось установить в своих отрядах суровую дисциплину, что сразу повысило их боеспособность. Уже в первых сражениях с

российскими войсками воины Кенесары применили против них передвижные полевые укрепления нового образца.

В конце 1837 г. казахские кочевники совершили нападение на казачий отряд, охранявший караван, направлявшийся в Ташкент [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 68]. Охрана каравана состояла из 48 казаков и 6 урядников под командованием хорунжего Рытова. Последний недальновидно разделил своих подчиненных на две группы, одна из которых (20 казаков и 3 хорунжих) подверглась неожиданному нападению кочевников и была полностью уничтожена. Вторая группа во главе с самым Рытовым была блокирована в районе Актауского укрепления отрядами КенесарыКасымова, которые (по российским данным) насчитывали 800 всадников. Люди Рытова успели выбрать «удобнейшее к защите место», спешиться и встретить огнем лавину наступающей степной конницы. О дальнейших событиях мы узнаем из рапорта коменданта Актауского укрепления войскового старшины Симонова (записанного со слов пробившихся из окружения казаков) и донесения начальника Сибирского таможенного округа министру финансов (от 20 марта 1838 г.). После того, как казаки «сделали сильный отпор из карабинов» [Там же, с. 59], К.Касымов приказал своим воинам спешиться и начать обстрел российских позиций из ружей. Чтобы отрезать казакам пути к отступлению, степные стрелки вели огонь по казачьим лошадям, убив и ранив большинство из них: «Киргизы с криком бросились на казаков, но, встретив залп из карабинов, отступили и начали издали стрелять из винтовок. Эти выстрелы делали много вреда казакам, так что лошади были почти все переранены, а некоторые и убиты» [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 68, 69]. Однако, даже лишившись лошадей, казаки продолжали вести активный огонь, не подпуская кочевников к своим позициям. Именно тогда К.Касымов выложил свой главный тактический козырь: «Предводитель разбойников, видя ущерб своих сообщников, распорядился *сделать наскоро из мелкого полевого растения (карагана) укрепление.* Это было сделано тогда, когда уже у казаков лошади были пристрелены, а потому и полагали киргизцы их уже побежденными», «…в следующий день киргизы *начали вязать фашинник из кустарника и этот фашинник, положив на арбы (телеги о 2-х колесах), составили, таким образом, подвижное укрепление и, быв защищены от выстрелов, начали подступать к отряду казаков*» [Там же, с. 59, 68, 69].

Рытов сразу оценил грозившую его отряду опасность и принял, вероятно, единственно возможное в данной ситуации решение – подпустив арбы с фашинником на минимальное расстояние, атаковать и захватить вражеские передвижные укрепления. Неожиданная контратака казаков с последующей рукопашной увенчалась успехом, но в ходе нее небольшой отряд понес значительные потери, причем погиб и сам хорунжий Рыков: «По благоразумному распоряжению г-на хорунжего Рытова в крайнем сем случае казаки взяли штурмом сделанное киргизами укрепление с приобретением одного знамени, 33 пик, 9 ружей, 5 сабель и 10 ятаганов (или айбалтов)[4]. Донося о происшествии этом Вашему высокоблагородию, с прискорбием моим осмелюсь доложить, что приобретением таких ничтожных трофеев оценено потерей хорунжего Рытова, 4 урядников, 22 казаков и одного фельдшера»[5], «…офицер Рытов, видя опасность, решился отнять у киргиз сделанное ими укрепление и, подпустивши их на близкое расстояние к себе, бросился со всеми людьми и вытеснил киргиз. Но при этой схватке убит был сам Рытов, получив удар топором в голову, убиты также два урядника и несколько казаков» [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 59, 68, 69].

Оставшиеся в живых казаки не рискнули пробиваться ксвоим, не имея лошадей и «остались в отнятом у киргизов временном укреплении в ожидании помощи от отряда через посланных в Актав отважных казаков…» [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 59]. Интересно, что захваченные казаками арбы кочевников оказались весьма надежным укрытием и позволили отбивать атаки противника на протяжении нескольких последующих дней: «Прочие же казаки, оставшиеся живыми, засевши в отнятом у киргиз укреплении с большим успехом начали отражать киргиз, делая выстрелы весьма удачные, и в этом укреплении пробыли 5 суток, оставаясь там и тогда, когда уже

[4] Имеются в виду казахские топоры с «луновидным» лезвием (казахск. «айбалта»).

[5] В докладе старшины Симонова, составленного по горячим следам, к числу потерь при атаке казахских передвижных укреплений были отнесены и погибшие в первом казачьем отряде (23 чел.). Более точные сведения о потерях приведены в донесении начальника Сибирского таможенного округа министру финансов от 20 марта 1838 г. (см. ниже). Казахов (по российским сведениям) было убито около 60 чел. [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 60].

киргизы удалились от них. Наконец, они, не могши дожидаться никакой помощи из Актау, решились сами идти туда и, прошедши верст 5, были встречены войсковым старшиной Симоновым с отрядом казаков» [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 68, 69].

Анализируя события данного боевого столкновения, можно отметить, что применение передвижных укреплений для штурма позиций российских казаков вновь (как и в Ходжабергенском сражении) оказалось весьма успешным. Приближающиеся арбы вынудили казаков оставить свое «удобнейшее к защите место». Если бы не отчаянная контратака людей Рытова, в ходе которой русские отбили арбы у степняков, то вторая часть отряда вполне могла разделить участь своих погибших товарищей. Ход сражения продемонстрировал Кенесары Касымову, как эффективность применения передвижных укреплений, так и необходимость их защиты от встречных атак противника.

Уже в следующем 1838 г. казахи попытались применить «вагенбург» из нагруженных арб в оборонительном бою. Однако подобный способ обороны оказался не слишком эффективным перед картечным ударом русских пушек и атаки спешенных казаков. Ход этого боевого столкновения подробно описан начальником заграничного военного отряда войсковым старшиной Карбышевым: «Я послал сотника Лебедева и хорунжего Швабского с 4 взводами казаков, чтобы до стемнения вечера поспешнее из аулов оных захватить почетных людей. Но с приступлением к исполнению посланными киргизы, пользуясь гористою местностью, стемнеющимся вечером *из свернутых в виде защиты тарантаек своих с тяжестью, с легко поставленными кошами оказали упорство свое, с открытием ружейных выстрелов*, застрелив под казаком 2-го полка Файлиевым строевую лошадь, и приготовились к рукопашной драке с дубьем. Как с прибытием моим доложил мне хорунжий Швабский, киргизы на несколько сделанных по ним из пехотных ружей выстрелов по распоряжению офицеров сих, остаются неприклонными. Чтобы не промедлить до совершенной темноты ночной, я приказал усеять их двумя картечными выстрелами из орудий. Затем посланным мною сотником Лебедевым с 4 урядниками и 48 казаками пешими захвачено несколько киргизов. С возвращением ко мне доложил, что часть упорствовавших истреблена на месте и часть пользуясь стемнением вечера на неровной местности скрылась бегством, доставя

при том от первых 4 турки»[6] [Национально-освободительная борьба, 1996, с. 89, 90].

Тактика применения груженых арб для защиты наступающих стрелков от огня обороняющихся российских войск не была забыта и приемниками Кенесары. Причем, враждебные России казахские военачальники, пытались научить ей своих узбекских союзников. Так, например, сын Кенесары султан Садык инициировал применение данной тактики в знаменитом сражении под Иканом в 1864 г., когда небольшой отряд российских казаков был атакован армией Кокандского ханства[7].

Интересно, что этот эпизод получил двухстороннее освещение. Он описан как самим султаном Садыком, так и его противником есаулом Серовым. По словам Садыка, когда он со своим отрядом подошел к Икану, то: «…узнал, что русские все еще не разбиты, а продолжают отстреливаться. Тогда султан Садык сказал Алимкулу[8]: *«Этих русских таким порядком разбить нельзя, сколько бы вы не нападали на них. Мой отец, Кенисара-хан, при нападении на таких, остановившихся и засевших, русских обыкновенно атаковал их, защищаясь от пуль толстым, непроницаемым валом травы». Потом он приказал войску нарезать камыша и нарвать полыни и сделать большия связки. Эти связки (манталеты) покатили к русским, при чем, для каждой было назначено по ста человек. Подкативши связки к русским возможно близко, нападавшие выскочили из-за них и бросились;* в это время главное войско подскакало сзади; русские были разрознены, частью убиты, а частью взяты в плен и увезены. Начальник русских казаков, есаул Серов, пробился чрез кокандское войско и с 30 казаками стал отступать к Туркестану» [Султаны Кенесара и Садык, 1889, с. 43].

Этот же эпизод в изложении есаула Серова в донесении от 08.12.1864 г. коменданту г. Туркестан: «Видя совершенную невозможность подойти ближе к нашему отряду, без всякого прикрытия,

[6] «Турка» – ружье с фитильным замком.

[7] Российский отряд состоял из 114 уральских казаков вооруженных нарезными ружьями. К отряду было приписано и орудие-«единорог». Кокандская армия насчитывала около 10 тыс. воинов при нескольких пушках [Султаны Кенесара и Садык, 1889, Приложения, с. 31, Михайлов, 2003, с. 269, 270].

[8] Командующий кокандской армии.

неприятель начал подвозить камыш и разный мелкий лес для устройства мантелетов и каких то щитов на двухколесных арбах… Рано утром 6-го декабря, заметивши, что у неприятеля были уже готовы мантелеты и щиты с разных сторон нашей позиции, *числом 16*, видя более чем критическое положение своего отряда и в ожидании помощи из Туркестана, чтобы как-нибудь оттянуть время, предупредив казаков, я вышел вперед на несколько шагов из занятой позиции, махнул к неприятелю рукой, показывая этим, что хочу иметь переговоры… Заметивши в это время, что *мантелеты и щиты начали подкатывать к отряду*, я упрекнул кокандца, что при переговорах наступление никогда не делается, и тотчас же вернулся на позицию. Выиграл времени более, чем на два часа. Снова началась стрельба и началась прежде из моего отряда*, чтобы не дать неприятелю подойти ближе, что и продолжалось с 7 утра до часу по-полудни. Ожесточенный неприятель стрелял чрезвычайно часто и метко, раза четыре кидался из за мантелетов*, но был отбиваем нашими выстрелами, при чем окончательно были перебиты все лошади и убито наших 3 урядника, 33 казака и 1 фурштат, ранено 4 артиллериста и несколько человек казаков… Не находя решительно никакой возможности держаться более на своей позиции при такой сильной стрельбе и натиске тысячной кавалерии неприятеля, живо заклепали единорог и с криком «ура»! кинулись отступать, выстрелами пролагая дорогу, решившись пасть или пробраться к своему отряду…» [Султаны Кенесара и Садык, 1889, Приложение, с. 34–37].

Таким образом, оба участника сражения сходятся в том, что главной причиной ухода казаков с занимаемых позиций стала комбинированная атака пеших стрелков укрывавшихся за 16 «мантелетами» и натиска многочисленной конницы. Данный эпизод весьма интересен еще и тем, что, приблизившись к российским позициям, среднеазиатские воины не только вели обстрел, но и «кидались» из-за своих передвижных укрытий в атаку.

Через два года после Иканской битвы султан Садык снова применил «мантелеты» против российских казаков. По данным султана в столкновении у источника Сары-булак в 1866 г. его отряду (800 чел.) противостояло 200 казаков: «Сто сорок казаков, оставшиеся на песчаном холме, еще не успели узнать об этом [разгроме кочевниками российского конвоя в 60 чел. – Л.Б.] султан Садык *приказал собрать саксаулу, джингылу и других кустарников свя-*

зать из них связки, непроницаемые для пуль, и подкатил их к холму с трех сторон. Увидя это, казаки тоже укрепились, сделав насыпи из песка. *Киргизы, подкатывая связки и стреляя из-за них, продолжали нападение три дня.* Русские были в весьма тяжелом положении: без воды между раскаленным солнцем песком. Не вынося безводия (жажды) и жары песка, они *три раза делали вылазки с холма к подкатываемым связкам.* Однажды, когда они, стреляя из ружей, подбежали к связкам на длину веревки, вдруг появились лазутчики с известиями, ходившие в сторону Перовска. Джигиты Садыка, набранные им из ташкентских киргизов, все стали проситься домой. Не находя возможности отказать им в этой просьбе, султан Садык отступил, захватив с собой отбитых у русских лошадей и верблюдов» [Султаны Кенесара и Садык, 1889, с. 56, 57].

Таким образом, по мнению Садыка, его атака у Сары-булак была весьма успешной. Ему удалось взять в кольцо российский отряд, отразить контратаки казаков пытавшихся отбить «мантелеты» и захватить коней и верблюдов. По версии султана его отступление было вызвано не ожесточенным сопротивлением блокированных русских, а уходом «ташкентских» казахов, составлявших значительную часть его корпуса. В сражении отряд Садыка потерял 22 чел. убитыми и 40 ранеными. Потери русских Садыку известны не были. По его предположению русские потеряли более 60 чел. [Султаны Кенесара и Садык, 1889, с. 57].

Подробные описания современников, многочисленные рисунки, фотографии и этнографические материалы позволяют реконструировать устройство казахских «штурмовых повозок» и особенности их боевого применения.

Столкнувшийся под Иканом с казахскими передвижными укреплениями есаул Серов обозначил их, как «мантелеты». В европейской военной практике XIX в. мантелетом назывался «…большой тур длинной до 230 см и диаметром до 120 см, заполнявшийся 25 фашинами до 25 см каждая, связанными в 4–5 колец» [Краткий артиллерийский, 2006, с. 103]. Принципиальное отличие казахского «мантелета» от своего европейского аналога заключалось в том, что он имел колесную базу, то есть был передвижным.

Основными компонентами казахского «мантелета» были арба и заполняющие ее фашины. Классический вариант «туркестанской» или «бухарской» арбы XIX в. представлял собой одноосную повозку

с парой больших колес и длинными массивными оглоблями (рис. 2–4). По данным авторов российской «Военной энциклопедии» начала XX в. выделялись два типа повозок: «одноконная» и «пароконная». Они имели идентичную конструкцию и отличались только размерами. К деревянной оси арбы крепились две «дрожины», их передние концы составляли оглобли, в которые впрягалась лошадь. У парной арбы вторая лошадь припрягалась сбоку с помощью веревочныхпостромков. Кузов повозки мог иметь от 1 до 4 вертикальных или наклонных бортов[9]. Характерной особенностью узбекских арб были огромные (до 2 м. в диаметре) колеса позволявшие повозке преодолевать арыки не замочив лежащего в кузове груза (Рис. 2, 3). Судя по изображениям, казахские арбы имели колеса меньшего диаметра (Рис. 4). При движении погонщик находился не в самой повозке, а верхом на впряженном в нее коне (Рис. 2–4). Фашинник для наполнения арб изготовлялся из связок собранных на поле боя растений – травы и кустарников. В числе прочих современниками упомянуты караган, саксаул, полынь, джингылу, камыш.

Перед атакой лошадь выпрягалась из арбы. Повозка разворачивалась оглоблями назад, задним бортом вперед. Возможно, что борта телеги, а также пространство между высокими колесами арбы могло дополнительно прикрываться деревянными щитами. В кузов загружали связки травы и кустарников с таким расчетом, что за повозкой с фашинником могли укрыться следующие за арбой стрелки, построенные в колонну. Численность такой колонны могла насчитывать несколько десятков человек[10]. «Мантелет» приводился в движение мускульной силой воинов ухватившихся за оглобли повозки и упершиеся руками в ее борт (борта) (Рис. 1).

Принцип применения казахских «мантелетов» на поле боя отдаленно напоминал танковую атаку. Груженные фашинником арбы медленно двигались в торону позиций противника, укрывая за своими щитами и бортами пеших кочевников, практически неуязвимых для легкого стрелкового оружия противника (Рис. 1).Даже если пуля и пробивала деревянные борта повозки, то она вязла в связках травы и кустарника, заполнявших кузов. В свою очередь, укрывшиеся за

[9] Однако часто встречались арбы вовсе не имевшие бортов.

[10] В сражении под Иканом за каждым манталетов следовало около 100 воинов [Султаны Кенесара и Садык, 1889, с. 43].

Рис. 2. Среднеазиатская («бухарская») арба XIX в.

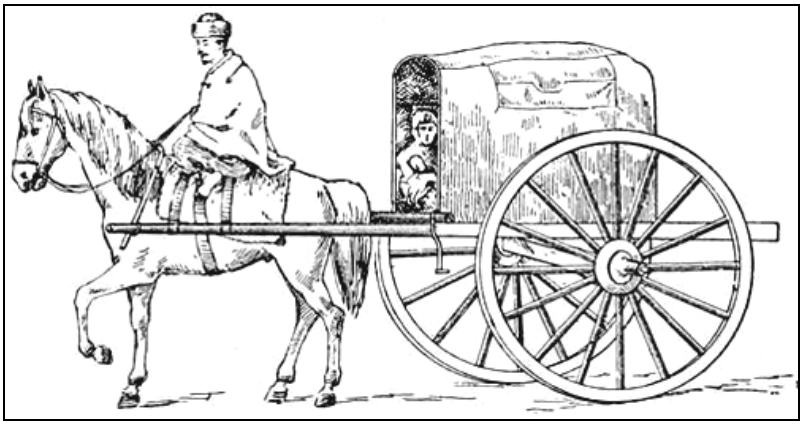

Рис. 3. Изображение среднеазиатской («бухарской») арбы XIX в.

арбами кочевники вели активную стрельбу по вражеским позициям, а приблизившись на минимальное расстояние, выскакивали из-за мантелетов и бросались в атаку (Рис. 1). Если осажденным удавалось отбить натиск, то номады возвращались под защиту мантелетов, чтобы через некоторое время повторить атаку. Можно предпо-

лагать, что для повышения защитных свойств передвижных укреплений (особенно при использовании колонн воинов большой численности) арбы могли располагаться вплотную друг к другу, формируя своеобразную «стену щитов». Судя по описаниям современников, применялся и принцип одновременной атаки под прикрытием «мантелетов» с разных сторон. Партнером пеших стрелков наступавших под прикрытием повозок была многочисленная конница, которая страховала и поддерживала пехотинцев.

Рис. 4. Изображение казахской арбы XIX в. С гравюры «Казахи во время кочевки» из еженедельного иллюстрированного журнала «Всемирная иллюстрация» (СПб., 1875).

При всей своей простоте казахская тактика атак в пешем строю под прикрытием туров и мантелетов оказалась весьма эффективной в столкновении с противником вооруженным ручным огнестрельным оружием. Заполненные песком туры и прикрытые щитами повозки лишали российских казаков их главного преимущества в дистанционном бою – способности быстро и метко поражать противника на максимальном расстоянии. В течение первой половины XIX в. изначальная практика применения плетеных туров была усовершенствована за счет добавления колесной базы в виде арбы с высокими бортами. Подобные изменения позволили существенно повысить скорость передвижения полевых укреплений, а так же сэкономить время на их изготовления (трудоемкая плетеная «корзина» тура бы-

ла заменена связками травы и кустарника в кузове арбы). Эффективность действий «боевых повозок» была особенно высока при поддержке артиллерии и конницы. Атака под прикрытием мантелетов позволяла решить главную тактическую задачу – преодолеть простреливаемое из винтовок пространство, подойти вплотную к вражеским позициям и заставить обороняющихся оставить укрытия. Приближение «боевых повозок» вынуждало российских казаков покидать свое укрепление и проводить контратаку с целью захвата мантелетов (столкновение у Актауского укрепления и у Сары-булак), либо начать отступление с позиций (Иканское сражение).

Отмечая общую эффективность применения «боевых повозок», нельзя не отметить и слабые стороны данной тактики. Так, например, казахские повозки часто были малоэффективны при ведении оборонительного боя, так как «вагенбург», составленный из легких арб был уязвим для огня российской артиллерии. Пушки вообще оказались главным «противоядием» против степных мантелетов. В наступательном бою, борты и щиты повозок, защищавшие от ружейных пуль, легко разбивались ядрами и гранатами[11]. Многое зависело и от поведения противника. Приблизившиеся вплотную к вражеским позициям мантелеты могли стать жертвой стремительной контратаки противника (см. выше). Наконец, следует учитывать еще один немаловажный фактор. Если траву и кустарник для изготовления фашин можно было собрать непосредственно на поле сражения, то за арбами надо было, как правило, отправляться в ближайшее кочевье или иной населенный пункт. Подобная временная отсрочка могла дорого стоить кочевникам.

Вопрос о времени появлении тактики передвижных туров и мантелетов у казахов остается открытым. Сплетенные из прутьев или сбитые из деревянных досок станковые щиты для прикрытия спешенных лучников и копейщиков активно использовались кочевниками еще в период Средневековья [Бобров, Худяков, 2008, с. 500–503]. На вооружении среднеазиатской армии 1486 г. упомянуты некие передвижные укрепления, которые Мухаммад Шейбани-хан именует «араба-тура» (досл. «повозка-щит»). В ходе битвы они служили основой строя хора-

[11] Исключение составила Иканская битва, где против одного русского орудия – «единорога» действовала многочисленная кокандская артиллерия, прикрывавшая наступление 16 мантелетов.

санско-хорезмийской армии, а вечером, после сражения, среднеазиатские воины «составили араба-тура как крепость» [Материалы по истории, 1969, с. 24, 499]. Интересно, что термин «араба-тура» применялся казахами для обозначения своих полевых укреплений даже в начале XIX в.[12] Ретранслированная турками на восток гуситская тактика вагенбургов получила известное распространение в Мавераннахре XVI в. и эффективно применялась Бабуром в Индии [Бобров, 2012, с. 113]. «Вагенбурги» из сцепленных телег для прикрытия ружейных стрелков и лучников использовались кочевниками из Дашт-и Кипчак в последней трети XVI в. [Бобров, 2012, с. 113]. Однако в этот период, в силу различных причин, тактика «вагенбургов» не получила широкого распространения среди номадов [Бобров, 2012, с. 114]. На наш взгляд, рост популярности мантелетов был связан с распространением в регионе огнестрельного оружия в XVIII – первой половине XIX вв. Необходимость защиты от огня ойратов и узбеков, привело к распространению среди казахов тактики «живых крепостей» составленных из положенных на землю верблюдов и коней. Однако такие «живые щиты» были эффективны при ведении оборонительного боя, в то время, как в наступлении более действенными оказались передвижные туры и мантелеты. Бурное развитие передвижных укреплений в первой половине XIX в. было вызвано, в первую очередь, необходимостью защиты стрелков от дальнобойных российских ружей. Мантелеты не стали панацеей от «огневого вала», но существенно повысили боеспособность казахских войск на поле боя. Тактика передвижных укреплений стала интересным и оригинальным примером адаптации военного искусства номадов к военным реалиям Нового времени.

Список источников и литературы:

Бобров, 2001 – Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11–19.

Бобров, 2002а – Бобров Л. А. Вооружение и тактика монгольских кочевников эпохи позднего Средневековья // Para-Bellum: военно-ист. журнал. Спец. вып. СПб., 2002. №13. С.93–98.

[12] В изложении Я.П. Гавердовского, «араба-тура» звучала, как «аратура»: «Некоторые рубили по песках растущий кустарник и сваживая оный в кучи, делали в рост человеческий связки, засыпая их песком наподобие тур, по-киргизски называемые аратура» [История Казахстана, 2007, с. 245].

Бобров, 2002 – Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв.// Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.I. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012. С.105–135.

Бобров, Борисенко, Худяков, 2010 – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск.: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.

Бобров, Пастухов, 2007 – Бобров Л.А., Пастухов А.М. Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С.170–247.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы: Print-S, 2010. С.204–217.

История Казахстана, 2007 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы: Дайк-пресс, 2007.

Краткий артиллерийский, 2006 – Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого. М.: Государственный исторический музей, 2006. 232 с.

Леонов, Ульянов, 1995 – Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота: 1698–1801. История Российских войск. М.: ТКО «АСТ», 1995. 296 с.

Материалы по истории, 1969 – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1969. 540 с.

Михайлов, 2003 – Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб.: «Северо-Запад-Пресс», 2003. 427 с.

Национально-освободительная борьба, 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Алматы: «Гылым», 1996. 512 с.

Пенской, 2010 – Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: «Яуза», «Эксмо», 2010. 448 с.

Султаны Кенесара и Садык, 1889 – Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. Ташкент, 1889.

Шестрем, 2009 – Шестрем О. Шведская тактика на поле боя в эпоху Карла XII. 1700–1709 // Военно-исторический журнал; Старый Цейхгауз.

Совместный выпуск, посвященный 300-летнему юбилею Полтавского сражения, 2009. С.121–128.

Энглунд, 2009 – Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: «Новое литературное обозрение», 2009. 340 с.

L.A. Bobrov

GABIONS AND MANTLETS IN MILITARY ART OF KAZAKHS AT THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY

Wide use of firearms in Central Asia resulted in changes of traditional military tactics of nomads. Dismounting of some warriors armed with rifles in the course of a battle was a main novelty. Trenches, revetments, and horses and camels put on the ground were used to protect dismounted shots against bullets and arrows of enemies. Nevertheless, all these methods were efficient only in defensive actions while nomads had serious losses in offensive actions. This issue became especially critical at the beginning of the 19th century when Kazakhs faced Russian army that used long-range rifles. Steppe commanders solved the issue in a simple and rather efficient way: they started using two-wheeled carts (arbas) loaded with bunches of grass to protect their shots acting on the offensive. Bullets of Russian Cossacks stuck in bunches and could not reach nomads that followed carts in a column. Approaching military carts forced Russian Cossacks to leave their fortifications, carry out counterattack to capture mantlets or retreat. In spite of the fact that arbas could be easily destroyed by artillery, they were in demand in battles against enemies with small arms until the mid of the 19th century.

***Keywords*:** Kazakhstan, Kazakhs, firearms, tactics, carts (arbas), gabions, mantlets.

Сведения об авторе

Бобров Леонид Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск); e-mail: spsml@mail.ru

Bobrov Leonid Aleksandrovich – doctor of historical sciences, associate professor, the Chair of archaeology and ethnography, the Novosibirsk state university (Novosibirsk); e-mail: spsml@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ – Археологический журнал.

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

ГВЛ – Галицко-Волынская летопись.

ДА – Донская археология.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани.

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении.

РАН – Российская Академия наук.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

ИАА – Историко-археологический альманах.

Научное издание

Тюркские кочевники Евразии
(кимаки, кипчаки, половцы…)

Сборник статей

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*
Подписано в печать 16.12.2013 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Усл. печ. л. 14,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Ихлас»
420066 г. Казань, ул. Декабристов, 2
E-mail: ihlas-izd@rambler.ru

ISBN 978-5-906701-02-2

ТЮРКО-ТАТАРСКИЙ МИР TÜRKİ-TATAR DÜNYASI
Сайт
Института истории
Академии наук РТ
www.tataroved.ru